

С.С.Куломзина. Наша Церковь и наши Дети

ВВЕДЕНИЕ

Нет никаких оснований для самодовольства, когда мы говорим о современной церковной жизни и о достижениях в области воспитания детей и молодежи. В некоторых отношениях наша эпоха имеет нечто общее с эпохой раннего христианства. Христианская вера, то есть вера в то, что Иисус Христос — Богочеловек, что Бог Троичен и что Церковь — это живое Тело Христово, — эта вера исповедуется меньшинством, да и это меньшинство разделено и расколото. Христианские символы, праздники и традиции в значительной степени утратили свою жизненность. Они либо уходят из нашей жизни, либо становятся объектом торговли, либо отождествляются с кулинарными или национальными обычаями и слишком часто сводятся к чему-то приятному, но не очень понятному. Во многих странах человек должен обладать немалым мужеством, чтобы исповедать, что он — христианин. И даже там, где не существует враждебного отношения к религии, культура от религии отделена. Трудно обрести какое-либо христианское содержание или христианское понимание жизненных ценностей среди тех впечатлений, которые получает современный ребенок дома, в школе, читая книги, журналы, знакомясь с рекламой. Это относится и к тем семьям, которые регулярно посещают храм. Ребенок растет сегодня в обстановке, весьма напоминающей эпоху Римской Империи

Огромное отличие в том, что сегодня размыта четкая граница, всегда пролежавшая между мировоззрениями христианским и нехристианским. В Римской Империи школьное образование было совершенно светским. Господствующие представления о браке, о сути семейных отношений, о человеческой личности резко отличались от христианских. Ребенок-христианин рос дома, ясно сознавая, что быть христианином — значит отличаться от окружающего общества, отрицая его ценности. Компромисс с окружением или «приспособление» были немислимы. Сегодня эти границы размыты. Что означает «быть христианином? Кто сегодня называет себя христианином? Богословские различия стерты. Слова «консерватор», «доктринер» стали бранными выражениями. Также разрушено восприятие христианства как того, что тридцать или сорок лет назад придавало человеку в глазах общества респектабельность. Трудно упрекать молодежь в том, что она отвергает лицемерие подобного христианства, хотя в подобном восприятии было не одно только лицемерие.

Многие люди, называющие себя христианами, заявляют, что они воспринимают христианство, прежде всего как Нагорную проповедь, смысл которой заключается в любви и уважении к людям, в мире и благожелательности, а также признания весьма смутного ощущения некоей Божественной Силы, присутствующей в мире. Этого им вполне достаточно. Конечно, не стоит оспаривать искренности или ценности подобных утверждений. Но все же мы не вправе утверждать, что этические и моральные ценности — отличительная и исключительная привилегия христианства. Этические кодексы существуют не только у религий; даже коммунизм и нацизм имеют весьма строгий моральный кодекс, основанный на дисциплине, самопожертвовании, товариществе, послушании власти. Учебник этики для педагогических институтов, изданный в Советском Союзе, повествует о правилах хорошего тона, послушании, честности, взаимопомощи и тому подобных вещах в духе XIX века. Поэтому, если мы утверждаем, что христианская мораль — это сущность христианства, мы должны разобраться, что же это такое — христианская мораль и чем она отличается от нравственности в общепринятом ее понимании. Здесь налицо парадокс: христианство немисливо без своей морали, своего этического закона; и все же этический закон может существовать совершенно автономно от христианских понятий о жизни и может

быть даже враждебен христианской вере.

Таким образом, сегодня, воспитывая наших детей, мы сталкиваемся с ситуацией, с которой столкнулась и ранняя Церковь. И все же существует немало отличий. Мы не можем просто перенять благочестие средневекового человека. Духовные ценности и требования стали сегодня частью нашего мышления. Вера в свободу человека в Божьем мире, в творческое назначение человека в мире, уважение к человеческой личности и терпимость всегда были неотъемлемой частью христианской мысли в личной жизни святых и богословов, но в жизни общества, в быту они не были растворены. Инквизиция, религиозные преследования и войны, хождение по струнке дома и в школе, нетерпимость — все это отнюдь не объяснялось лишь «человеческим несовершенством». Все это было частью общепринятой и признанной системы «спасения Душ».

В течение веков философия воспитания (светская и христианская в равной мере) считала аксиомой, что душа любого ребенка — это «чистая доска». Защитите ребенка от дурных влияний, наказывайте за проступки, поощряйте за хорошее — и, в конце концов, вы получите хорошего человека.

Между тем, один из главных тезисов духовного христианского воспитания (как это видно, например, из «Добротолубия») гласит, что каждая душа уникальна и что задача духовника — определить конкретно, что необходимо для духовного роста каждой неповторимой личности. Этот подход не нашел отражения в религиозном воспитании детей. Отдельные духоносные наставники и святые обладали замечательным даром прозрения, проникая духовным взором в мир личности, но в целом в Церкви программа воспитания не ориентировала учителя на то, чтобы понять индивидуальность ребенка и помочь ему проявить врожденные таланты и особенности, поощрить его творческие способности и стремление к самовыражению, помочь ему глубже осознать причины его поведения.

Принцип свободы человека перед Богом был осознан человечеством лишь в последнее время. Именно эта концепция отличает наше христианское мировоззрение от современных антихристианских тоталитарных идеологий. Христианская вера — это свободный акт, в ней нет навязчивой самоочевидности, которой невозможно избежать. Она есть «уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). Без свободы не может быть веры. Вы можете подлинно уверовать только в том случае, если за вами остается свобода сомневаться. Это подразумевалось в христианском богословии всегда, но лишь совсем недавно стало частью общечеловеческого христианского сознания.

Все это приобретает огромное значение для углубления общих принципов христианского воспитания. Это означает лишь то, что мы можем явить человеку, во что мы верим, явить реальность веры в нашей жизни, но мы никого не можем заставить верить и, следовательно, никого не можем заставить верить правильно. Высший акт веры призван стать свободным волеизъявлением человека. На этом основан общепринятый ныне принцип веротерпимости, и потому мы не можем применять авторитарный метод религиозного воспитания. Это не означает, что мы отвергаем авторитеты. Весомая часть нашей веры основана, конечно же, на доверии к авторитету — к авторитету святых, Церкви, Священного Писания. Но это доверие — результат свободного выбора и никому не может быть навязано. Авторитарность в области религиозного воспитания теперь не срабатывает. Мы не можем внушить нашим детям: «Вы должны верить так-то и так-то, потому что так говорю я, или потому что так сказано в катехизисе, или потому, что так написано в Библии...» Мы можем и призваны говорить: «Я верю...», «Церковь учит..», «в Евангелии написано...» Воспитание должно основываться на точном знании, что любой подросток или юноша могут уверовать лишь благодаря собственному свободному выбору. Вот почему нам важно понимать наших детей, внимательно наблюдать за их умственным и эмоциональным развитием, мотивами их поступков. В отличие от традиций прошлого образ мышления ребенка и его творческое воображение призваны стать сегодня объектами христианского воспитания.

Сегодня Православной Церкви брошен вызов. В области религиозного воспитания ей необходимо обрести подход, который был бы укоренен в общецерковной традиции. В этой

живой традиции мы различаем не только знание о Боге, но и благодатную жизнь в Церкви, братские отношения с другими людьми. В то же время христианское образование направлено, прежде всего, на личность. Будь то младенец; отрок; подросток или юноша, педагог призван найти к каждому личностный подход, в зависимости от уровня: говорить на понятном языке, понимать и разделять нужды и заботы, любить личность в ее данности. Религиозный опыт действителен независимо от того в каком возрасте находится человек или на какой стадии интеллектуальной зрелости; процесс христианского воспитания должен стать процессом роста, накопления личного опыта, постепенного преобразования личности в целом. Эта цель и этот вызов настолько велики, что достичь и достойно ответить можно лишь в том случае, если мы будем жить полнотой церковной жизни. Цель христианского воспитания — реализация харизмы, благодати, Церкви как целостного организма.

Перед лицом вызова, который бросает нам современность, мы можем глубже осознать конкретные проблемы, стоящие перед современной Православной Церковью в Америке. Необходимо учесть влияние важных факторов:

Православие в Америке все еще не преодолело сознания «гетто» — «эмигрантской церкви», такого этнического ковчега, скитающегося вдали от Отчизны. До сих пор существуют церковные приходы, которые осознают себя подобными ковчегам. Однако национальный характер церковной жизни бывает в каждом новом поколении. Национальные традиции становятся более поверхностными, менее связанными с подлинными религиозными ценностями, хотя по-прежнему весьма важны для многих. Из ответов на анкету, разосланную в 1972 г. родителям в 100 приходах, следует, что 70% опрошенных считают, что «традиции, унаследованные от родителей», оказали огромное влияние в воспитании детей православными; 89% упомянули «посещения церковных служб»; 56% отметили значение проповедей; 19% назвали влияние религиозной литературы. Более гибкая церковная молодежь склонна считать, что сама природа Церкви умалется, когда ее уподобляют этническому гетто. Они ощущают, что Православие не может и не должно оставаться «русским», «греческим», «сербским» или «украинским», что Церковь выше национальных особенностей.

Такой подход, однако, оставляет нерешенной весьма важную проблему. Православие и церковная жизнь — это не абстрактные концепции. Они не обретают полного выражения в учении или богословских взглядах. «Домашние церкви», которые так часто упоминаются в посланиях апостолов, доподлинно живые клетки тела Церкви. «Домашняя церковь» по своей природе воплощает религиозные ценности и верования в повседневном быту, в поведении, праздниках, застольях и других глубоко традиционных обычаях. Семья есть нечто большее, чем отец, мать и дети. Семья — это наследница нравственных и духовных обычаев и ценностей, созданных дедами, прадедами и пращурами. Об этом нам постоянно напоминают рассказы Библии о ветхозаветных патриархах. Очень трудно создать по настоящему христианский жизненный уклад в стерильном лабораторном окружении, свободном от каких-либо традиций. С этой точки зрения американское Православие проходит трудный и ответственный период созидания собственных традиций. Я считаю, что для созидания этой новой традиции будет полезным, если нити религиозно-культурного наследия Родины будут вплетены в новую ткань.

Одна из особенностей православной жизни в Америке заключается в том, что христианскому воспитанию в церковно-приходских школах придается большое значение. Их часто называют «воскресными». В новых приходах школы проектируются столь же тщательно, как и храмы. Подчас новые школьные здания изумительно оборудованы и выглядят роскошно, если учесть, что используются они лишь в течение часа один раз в неделю. Миряне, которые преподают в этих школах (совершенно новое явление в православной церковной жизни) становятся «авангардом» Церкви, они наделены глубоким чувством ответственности и преданны своему делу. Они отдают себя Церкви целиком и потому часто являются лучшими ее членами.

Забота о религиозном образовании была вызвана, возможно, тем, что бытовое

благочестие первых иммигрантов не воспринималось новым поколением. Часто второе поколение оказывалось «потерянным» для американского Православия. Поэтому напрашивается вывод — сохранить православную веру возможно лишь в том случае, если детям дать более расширенное знание о ней. В православных приходах среди самых разных национальностей были созданы сотни воскресных школ, в которых преподавание велось на английском языке. Двадцать лет назад я слышала, как один священник сказал: «Если бы можно было втиснуть самое существенное в Православии в маленький буклет, тогда каждый ребенок в воскресной школе успешно усвоил бы материал и проблема была бы решена».

Подобный оптимизм ничем не оправдан. Более того, в структуре воскресных школ таились некоторые опасности.

Хуже всего, когда занятия устраивали по воскресеньям и во время литургии. Жизненная, подлинно православная традиция воспитания у нас отсутствовала, и мы заимствовали такую практику у протестантов. Она устраивала и детей, и родителей, потому что детей утомляла долгая церковная служба на непонятном языке, в которой они не могли участвовать. В результате семья никогда не посещала богослужения вместе, и дети не ощущали всей полноты литургической жизни. Воскресная школа заменила литургию, а уроки — таинства. Выпускники воскресных школ не были приучены посещать по воскресеньям храм. Это подрывало сущность богослужебной жизни, самые основы Православия.

Другая опасность заключалась, когда смешивали две цели — религиозное воспитание и школьное просвещение. В основе этой ошибки лежало, мне кажется, мнение, что если ребенок хорошо вы зубрит содержание учебников, то станет хорошим православным. Учителя и священники быстро поняли, что существующие учебники неудовлетворительны. Зубрежка катехизисов, молитв, словарей и текстов была настолько скучна, что преподаватели разбавляли ее сентиментальными пересказами «Библии для детей» и коротенькими песнями, а также играми из старомодных протестантских изданий, часто весьма спорных с догматической точки зрения.

В 1957 г была образована Комиссия по православному христианскому воспитанию, в работе которой приняли участие представители всех православных юрисдикции в Америке. По инициативе этой Комиссии были созданы руководства, стремившиеся приблизить богатства Православия к детскому восприятию, пробудить в ребенке творческое начало. Улучшение учебников и пособий продолжается по сей день; деятельность самой Комиссии, а также ее отделений и организованных ею семинаров для учителей способствовала оживлению работы по воспитанию в православных храмах Америки. Но возрастает понимание того, что школьные уроки и учебники действительны лишь в том случае, когда они становятся частью полноценной церковной жизни — жизни в богослужении, в христианской семье и христианской общине. Быть христианином ребенок учится только в живом христианском доме, в живой христианской общине

Таким образом, работа Церкви в области религиозного воспитания имеет три измерения: созидание полноценной литургической жизни в приходе, тесное общение с родителями и домом, а также религиозное обучение детей. Ни одно из этих измерений не может существовать и развиваться в одиночку. Такова главная задача Православной Церкви в сегодняшней Америке.

Цель христианского воспитания

Ощущение реальности Бога.

Первое, основное, весьма насущное и нелегкое задание, стоящее перед христианским воспитателем, — пробудить в ребенке ощущение реальности Бога. Другими словами, важно помочь ребенку узнать Бога, а не только узнать о Боге. Именно это ощущение реальности Бога почти совершенно отсутствует в современном обществе. Я помню, один молодой студент так это выразил: «Я не то, что не верю в Бога, — сказал он, — но Он кажется таким

нереальным». Многие люди, не будучи принципиальными атеистами, лично просто не ощущают Бога, Его власти,

Его присутствия в их жизни как реальной Личности, с Которой их связывают определенные отношения. Для многих христиан — православных, католиков и протестантов — церковные обряды, нравственные ценности, этнические и национальные традиции более реальны, чем простой факт, что Бог существует, что Его присутствие в нашей жизни ощутимо, что каждый из нас связан с Богом.

Мне кажется, что именно реальность божественного присутствия живо ощущалась в те моменты, когда Иисус Христос исцелял людей. В рассказе об исцелении слепого (Ин. 9) Иисус спрашивает: «Ты веруешь ли в Сына Божия?» Человек отвечал: «Кто Он, Господи, чтобы мне верить в Него?» Иисус сказал ему: «И видел ты Его, и Он говорит с тобою». Он сказал: «Верую, Господи!». Иисус не требовал точного изложения веры, искал не «знания о Боге», а призвания силы, которая вошла в жизнь слепого как сила Божия.

Для человека в любом возрасте существуют две возможности: либо жизнь и мышление, ведающие реальность божественного присутствия, либо вне её. Для трехлетнего малыша, которого окружает живая вера его близких, утверждение «Бог есть» — такая же реальность, как кошка или собака, тьма или свет. Бога на первых порах могут отождествлять с физическим объектом: иконой, картиной, небом, Святым Причастием. Но это не рациональное представление о Боге, а подлинное познание Его. Такое «чувственное» представление о Боге для малышей более реально, чем любые, даже самые простые абстрактные определения. Любые мысли о Боге, которые мы пытаемся передать ребенку, могут быть им усвоены лишь на определенном уровне мышления, глубоко отличного от взрослого. Если мы говорим трехлетнему мальчику, что «Бог сотворил цветы» и «Бог сотворил животных, и солнце, и меня, и тебя...», ребенок, возможно, представляет Бога в образе большого человека, который сидит и одно за другим творит все это. Опасности в таком представлении о Боге нет. Ребенок вырастет и забудет этот образ. Важно, что взрослый, которому он доверяет, помогает установить связь между тем, что ребенок знает, трогает, нюхает, слышит, и Богом. Физическое выражение присутствия Бога в непосредственном окружении ребенка (иконах, картинах, жестах, словах, звуках, вкусе) становится частью его опыта. А маленький ребенок обладает сильным и непосредственным ощущением реальности всего, что он познает. Позднее, мне кажется, такая живость восприятия и воображения исчезает.

Хорошим примером того, как живо дети ощущают реальность Бога, может послужить трехлетний мальчик, которого я знала. Повторив за матерью свою коротенькую вечернюю молитву, он выглянул в окно, помахал рукой небу и сказал: «Спокойной ночи, Боженька!»

Ребенок, которому неизвестно это ощущение реальности Бога, будет воспринимать Его отсутствие так же просто. Его мир «без Бога» будет таким же реальным и многоцветным, он так же будет радоваться жизни, если только родители окружают его любовью и создадут атмосферу безопасности. Для него «идеи» не имеют большого значения, а отсутствие религиозного воспитания будет заметно подобно тому, как, к примеру, в детях из не очень культурных семей заметно отсутствие привычки к чтению. Однако «отсутствие Бога» глубоко повлияет на ребенка, если оно выражается в том, что в семье мало любви, что в ней царит тревога беспокойство, страх.

По мере того; как ребенок подрастает, для него очень важно отделять «реальное» от «нереального». Любая история, рассказанная ребенку семи–восемью лет, всегда вызывает вопрос: «Это правда?» Часто ребенок пытается понять, насколько истинно то, что не совпадает с накопленным опытом. При этом становится значительно труднее привить ребенку чувство реальности Бога. Дети в возрасте от семи до девяти лет рационалистичны, хоть и на примитивном уровне; у них сильно выражены причинно–следственные связи, но еще слабо развито абстрактное мышление. Восемилетний ребенок не поверит, что Бог где–то в небе за облаками, но и объяснение взрослых о том, что мы понимаем под «небесами», остается нереальным. Передать детям этого возраста ощущение реальности Бога вдвойне

трудно из-за их склонности к нравственному ригоризму, а также из-за специфического чувства юмора, который взрослые часто не могут понять.

Религиозное воспитание детей в этом возрасте часто осложняется и тем, что мы склонны преподносить религиозные наставления, не стремясь увязать их с тем, что ребенок познает и воспринимает в обыденной жизни. Это ослабляет ощущение реальности Бога. Уроки воскресной школы остаются отвлеченным набором идей, знаний и информации; другой набор, часто более привлекательный и волнующий, ребенок обретает в мире школы, телевидения и среди друзей. Что, например, более реально для ребенка: библейские истории о чудесных исцелениях или его собственный опыт — доктора, прививки, больницы? Если Бог присутствует в исцелениях и отсутствует в повседневной медицине, ощущение реальности Бога в значительной степени слабеет.

Когда ребенок достигает подросткового возраста, ощущение реальности Бога становится все более и более смутным. Жизнь подростков насыщена интересами и эмоциями, не имеющими ничего общего с тем, что они понимают под религией. Забита ежедневная молитва, поскольку родители больше не следят за ней (и действительно, молитва не должна становиться такой же привычкой, как чистка зубов!). Религия часто отождествляется с хождением в храм и соблюдением внешних правил и привычек. Подростки считают — и это хуже всего, — что это «не для них». Именно тогда, когда дети начинают мыслить самостоятельно, пускай еще весьма незрело, когда они начинают открывать себя как личность, пускай эгоцентрично, о религии им слишком часто твердят в авторитарном стиле:

«Библия говорит...», «Церковь учи?...», «священник говорит...» Никто не пытается объяснить, что все это означает для них, как согласуется с их мышлением, нуждается ли в их одобрении. И все же именно среди детей этого возраста мы впервые можем рассчитывать на глубокий отклик, на настоящее понимание того, что такое религия, на способность чувствовать и мыслить религиозно.

Помочь ребенку ощутить реальность Бога — это цель всей нашей жизни. Конечно, никакие учебники, никакие уроки и поучения сами по себе не могут привить этого чувства. И все же я убеждена, что учитель должен всегда памятовать об этой цели, что она должна стать подлинным критерием всех наших преподавательских методов и уроков

«Ты не один».

Православный опыт христианской жизни учит, что человек не одинок перед Богом. С Богом можем быть только мы, все вместе. Мы все собраны вокруг Бога. Мы суть одно: одно Тело. Крохотная ячейка семьи, более широкое сообщество друзей, народ, Церковь — все это проявления единства. На каждом уровне это потенциальный религиозный опыт, и если он не стал частью христианского воспитания, значит, в чем-то оно ошибочно. Игра в детском садике при храме, реализация усвоенного на воскресных уроках в отношениях подростка с друзьями и соседями, осознание ответственности перед обществом и народом, приобщение к церковной жизни — все это частица того опыта единения, который полностью обретается в Церкви.

Этот опыт причастности к единому Телу является основой религиозного роста. Ребенок, который вырастает вне своей семьи, испытывает огромные трудности, страдает духовно и даже физически. Когда дети трех-четырёх лет приходят в детский сад, наибольшее впечатление оставляет у них не сказка, рассказанная няней, а совместная игра, песня, действие — сам факт причастия к группе. Те рутинные действия, которым так трудно обучить дома, — повесить пальто, тихо подвинуть стул — становятся привлекательными, когда ребенок делает их «как все» когда он становится членом группы.

Оптимальное число учеников в классе — то, при котором дети становятся слаженно работающей группой, а учитель — членом этой группы, лучшая преподавательская методика — та, при которой дети работают коллективно, хотя необходимо сохранять простор и для индивидуального творчества. Лучшая школа — та, которая организована при общине или в приходе, когда родители и учителя хорошо знают друг друга. Подлинный

литургический опыт — тот, когда люди «собираются вместе» как единая Церковь, когда они что-то делают вместе. Для взрослых христиан это совместное богослужение, совместная молитва. Они могут молиться молча, в сердце, совершая минимум движений. Для детей участие в молитве и богослужении должно проявляться физически, влиять на все чувства. В православном богослужении для этого существует много возможностей, их важно использовать.

Благодаря «активному» участию дети лучше поймут, что означает быть частью того Тела, которое есть Церковь.

Проходят годы, многое из того, чему мы учили наших детей, может забыться, но если они ощутили, что являются частью Церкви, принадлежат к единому Телу, если у них завязались личные отношения внутри той группы, которая отождествляется ими с Церковью, то мы заложили прочное основание для православного христианского воспитания.

Религиозное воспитание — это рост.

Религиозное воспитание связано с ростом. Рост — это прежде всего изменения. Человек меняется, он становится непохожим на себя, продолжая оставаться той же личностью. Рост происходит в глубинах личности: возрастают понимание, силы, разум, чувства. Если роста нет, наступает застой. Искусство воспитания может быть определено как «содействие росту». Это звучит тривиально, но это один из самых верных и стойких критериев воспитательного процесса. Насколько ваш урок содействует росту? Насколько он развивает способности учеников? Насколько наше преподавание способствует процессу самостоятельного роста учеников?

Евангелие дает прекрасную иллюстрацию подобного подхода. Воспитывая, Иисус Христос чаще всего употребляет притчи, т. е. «язык искусства», когда знакомые образы повседневной жизни помогают слушателям открыть и воспринять более глубокую истину. Обучение притчами требует от слушателя немалых усилий. Он сам должен уяснить значение образа. Это акт творческий. Коль скоро идея уяснена, ее можно продолжить и развить. Но прежде необходимо воспринять образ, отождествить себя с героем рассказа, пережить то, что пережил он. Такое обучение более способствует росту, чем изложение силлогизмов и неопровержимых логических схем.

Далее, к каждому человеку Христос обращается на его языке, учитывая его уровень духовного развития. Он не открывает Себя полностью сразу же, и Евангелия несколько раз упоминают, что «люди не понимали Его». И не было двух человек, которым бы Он открылся одинаково. Весьма индивидуально, постепенно осознавали Его ученики, Кто находится с ними.

Христианское воспитание в семье не сводится лишь к пассивному, статичному усвоению ребенком семейных правил. Христианское воспитание призвано учитывать постоянные изменения в характере ребенка: меняется его понимание любви, единства, послушания, радости и горя. Чисто физическое послушание младенца сменяется признанием нравственного авторитета родителей, а позже — восстанием против них.

Родителям труднее всего осознать, что их ребенок уже не младенец, признать перемену в его вкусах. Ребенок взрослеет, и внезапно могут потерять привлекательность такие радостные когда-то события, как дни рождения, пикники, походы. Тяжелее расстаться с ореолом всемогущества и всеведения, которым ребенок наделяет своих родителей. Но если ребенок не возрастает, не изменяется, если не меняется его понимание своей роли в семье и взаимоотношений с другими людьми, значит, его развитие прекратилось.

В школе рост возможен лишь в том случае, когда учитель овладевает вниманием ученика, пробуждая в нем сомнения, мысли, желание спорить, исследовать, решать проблему в ходе урока. Учебный процесс должен ставить перед учеником вопросы, соответствующие его уровню и признаваемые учеником подлинными проблемами, и предоставлять ему информацию, необходимую для решения этих проблем. Недостаточно просто преподнести какой-то объем фактических знаний. Все способы сделать урок интересным, все новейшие средства обучения бесполезны, если они не пробуждают творческие усилия ребенка, не

поощряют его развития. Этот критерий приложим ко всем сторонам школьной жизни. Выпуск стенгазеты, кукольный театр, спектакль и даже дискуссии могут быть так же лишены творческого начала, как и обучение в старой школе. Мы содействуем росту не тогда, когда говорим о нем, а лишь в том случае, когда наш метод обучения пробуждает творческое усилие, поиски, ошибки, дух исследования и, наконец, решение проблем.

Священная Тайна, «страх Божий».

Преподавание основ христианства должно быть «разумным служением» (Рим. 12,1), и все же наша вера не уместается в жестких рамках разума. Существенная часть нашей веры — ощущение священной тайны, благоговение, или страх Божий [1]. Христианская вера признает наличие тайны Бога, наличие тайны в мире и в жизни. Эта тайна превосходит человеческое понимание. Мы порой видим нашу сиюминутную жизнь очами веры в свете ценностей и реальностей, превосходящих наш опыт. Как это можно отразить в процессе религиозного обучения, процессе, прежде всего, рациональном? Как можно научить детей «понимать» и одновременно благоговеть перед чем-то, что выше их (да и нашего) понимания?

Эта задача становится еще труднее, когда мы осознаем, что дети от природы — великие реалисты, исполненные неистощимого любопытства. Любые попытки передать словесно ощущение благоговейного трепета, Божественной тайны, не достигнут цели и покажутся благочестиво-лицемерными тирадами. Важно помнить, что слово «страх» в словосочетании «страх Божий» выражает нечто совсем непохожее на «страх» в обычном понимании. Дети испытывают немало страхов — боязнь темноты, громких звуков, пауков и т. д. Вряд ли мы поможем им познать Бога, если попытаемся сравнить благоговейный трепет перед Ним с переживанием подобных страхов.

Порою считают, что логика и знание как инструменты познания несовместимы с благоговением перед «Непостижимым». На самом деле, пока мы не поймем, что существует нечто непостижимое, мы не научимся по-настоящему постигать мир. Может быть, именно поэтому детям трудно испытывать трепет перед Богом. Им не хватает знаний и разума, чтобы понять, что есть вещи, превышающие человеческие знания и разум. Я бы сказала, что Эйнштейну гораздо легче испытать чувство тайны и благоговения, чем восьмилетнему ребенку, который уверен, что в учебнике даны ответы на все вопросы.

Пробудить в ребенке чувство благоговения можно лишь в том случае, если мы поможем ему увидеть действия Бета в его жизни, учитывая его знания об окружающем мире, способности его рассудка. В этом случае дети с Божьей помощью все-таки испытают по-своему чувство священного, благоговения перед Божественной тайной.

В одном учебнике для подростков говорится:

«Наука предлагает человеку истину. Истину фактов — вполне конкретных и неопровержимых. Но неужели жизнь состоит только из фактов? Например, как можно разделить мгновение, когда человек умирает и когда он умер? Когда человек находится на операционном столе, может случиться непоправимое — и вот, наступает мгновение, когда доктора еще могут спасти его, и мгновение, когда уже слишком поздно. Его жизнь оборвалась. С биологической точки зрения это мгновение нельзя указать абсолютно точно. Некоторые клетки отмерли уже давно, другие еще долго будут жить. А невыразимая качественная разница налицо: вот, сейчас человек жив, а в следующее мгновение — мертв.

Перед лицом этой тайны наука беспомощна. Предлагаемые ею истины, факты, цифры могут определить лишь качественные, количественные или временные изменения, но только «духовное мышление» может уловить основное изменение.

«Научное мышление» ищет ответы на вопросы, «духовное мышление» подбирает ключи к тайнам. В этом существенная разница. Научный вопрос может иметь определенный ответ, а проблема — решение. Какой бы трудной ни была научная проблема, сколько бы времени ни понадобилось на ее решение, ответ есть всегда. А у тайны нет готового ответа. Как может человек ответить, что такое жизнь, что такое печаль, что такое радость? Человек может только глубже прочувствовать тайну этих понятий. Вы глубже проникаете в смысл

страдания, если теряете любимого, ухаживаете за ним во время болезни или видите, как он умирает. Такое проникновение мы называем познанием «жизненной правды». Чем глубже проникновение, тем весомее постигнутая истина. Когда человек познаёт скорбь, радость, понимая добро, распознаёт зло, он начинает видеть Истину. Он приближается к сердцевине Тайны» [2]

Хороший учитель должен быть готов использовать весь материал, заложенный в программе средней школы. Он призван научить детей знаниям, помочь им овладеть учебным материалом, ответить на их вопросы, но учитывать и те вопросы, на которые не может ответить. Он призван соотнести этот материал с религиозным пониманием жизни.

Целостность

В неразрывной связи с изложенными выше целями религиозного воспитания необходимо рассматривать и его «целостность». Это понятие означает, что христианская вера не является неким изолированным участком, — будь то частная жизнь человека или его отношения с окружающим миром. Нельзя быть христианином наполовину или время от времени, лишь в определенных сферах нашей жизни.

Человеческая природа, таланты, чувства, связи, поступки, интересы — все это часть религиозной жизни. Наша христианская вера объемлет не какую-то одну часть человеческой природы. В разговорах с приходившими к нему людьми Иисус Христос постоянно подчеркивал, что его последователи должны отдавать себя целиком. Богатый юноша, почти совершенный во многих отношениях, не мог отдать себя Господу целиком и ушел. Апостол Петр, хотя и оступался, отдал себя целиком и стал величайшим из апостолов.

Целостность должна проявляться и в том, как мы прививаем нашим детям начатки христианской веры. Учитель призван заботиться не только о том, чтобы Джонни знал наизусть «Символ веры» (хотя знать и понимать «Символ веры» необходимо), но и тем, что представляет Джонни собой как личность. А Джонни быстро почувствует это, даже если это личное отношение в словах не выразится. Если учитель сумеет подружиться с Джонни как с личностью, — а такая дружба не исключает требовательности, — это повлияет на ученика глубже, чем домашнее задание или лекция. Видеть в Джонни целостную личность, — значит проявить к нему интерес как к индивидуальности, попытаться понять причины его поступков и переживаний, познакомиться с его домом и окружением, судить о его учебе не только сравнивая с другими, но и по тому, что он вкладывает в нее.

Христианская целостность проявляется со стороны учителя в его отношении к тому, что происходит в классе. Он не должен быть ограниченным человеком; он призван интересоваться всем, что кажется важным и интересным его ученикам. Его авторитет только возрастет, если ученики вдруг обнаружат, что он знаком с вещами, которые с церковной школой ничего общего не имеют, зато важны для них.

В нашем плюралистическом, обмирщенном обществе представление о Церкви часто сводится к некоему изолированному, замкнутому в себе организму, которому абсолютно чужды проблемы мира. Конечно, в определенном смысле христиане — «не от мира сего», но только в том смысле, что они не принимают безбожной иерархии ценностей. Христианская Церковь призвана стать образцом любви и заботы о всем мире, и поэтому Она не может позволить Себе пребывание в изоляции от нужд людей. Она призвана сопереживать и сострадать нуждам и страданиям всех людей. Можем ли мы объяснить это нашим детям в обычных условиях приходской жизни? Можем ли без лицемерия научить тому, что до сих пор не осуществлено в нашей церковной жизни?

Я верю, что в какой-то очень малой мере мы можем осуществлять это. Мы призваны использовать любую практическую возможность, чтобы вовлечь церковные школы и детей в добрые дела, которые множат их опыт общения с людьми. Посещение храмов с другими этническими традициями, помощь нуждающимся, участие в миссионерской деятельности Церкви — все это возможно и полезно. Чем старше дети, тем более глубоко могут они постичь необходимость заботы Церкви о всем мире.

В заключение сформулирую пять задач, которые, по моему мнению, стоят перед

православным религиозным воспитанием:

- помогать детям обрести ощущение реальности Бога в нашей жизни;
- научить их понимать, что никто не одинок перед Богом, что все мы — часть Тела Христова, Церкви;
- способствовать гармоническому умственному и духовному развитию личности; подводить детей по мере их роста к благоговейному осознанию священной тайны Бога, превышающий пределы человеческого разума,
- помочь им понять, что христианская вера — это не водонепроницаемый отсек, что она охватывает личность и жизнь в их целостности.

Полагаю, что иным эти задачи не кажутся побочными по сравнению с прямой задачей всякого школьного образования: предоставить информацию, объяснить факты, направить к истине; добиться проникновения в суть проблемы и понимания. Конечно же, необходимо, чтобы ученики узнали факты; ибо люди действительно веруют и действуют в зависимости от того, насколько они знакомы с действительностью, понимают смысл происходящего и верно оценивают ситуацию. Об этой непосредственной, очевидной задаче преподавания в церковной школе пойдет речь в следующих главах. Но я глубоко убеждена, что если «побочные» задачи, о которых сказано в этой главе, не будут вдохновлять наше обучение, оно потеряет жизненность и значимость.

Наши дети

Прежде чем говорить о сути и методах христианского воспитания, необходимо пристально посмотреть на детей, с которыми нам предстоит работать. Каковы особенности их роста, чему предстоит их научить и чему они хотят учиться, каковы их интересы и способности?

Младенчество: от 0 до 3 лет

В течение первого периода, который Пиаже называет «сенсомоторной стадией», менее чем за три года ребенок вырастает из крохотного, беспомощного существа, копошащегося в пеленках, в маленького человека, который ходит, бежит и говорит; высказывает свои желания и вкусы; признает и любит одних людей, не любит или боится других; может быть веселым, любопытным, счастливым, грустным, сердитым, расстроенным; сопоставляет определенные вещи и личности с приятными или пугающими ощущениями; он умеет любить, жалеть, ревновать. К трем годам ребенок познает мир своего дома и вокруг него, накапливает огромное количество впечатлений. У него появляется живая фантазия, хотя еще недостаточно развит логический интеллект. Его разум проявляется в действиях. В три года он подготовлен к восприятию мыслей, основанных на чувственном опыте; ему доступны понятия размера, цвета, очертания и т. д.

Православная Церковь более, нежели другие христианские конфессии, осознает важность этого возраста. В течение первых недель жизни младенец знакомится с тремя Таинствами — крещения, миропомазания и причащения. Для него совершаются специальные церковные службы, во время которых происходит наречение имени и воцерковление. Церковь наделяет младенца благодатью и защищает его от зла задолго до того, как в нем пробудится разум и сознание. Этим Церковь, по-видимому, признает существование области подсознательного — более глубокого «я», чем уровень сознания, — и необходимость просвещения его. С точки зрения аскетической традиции нашей Церкви «я», которое мы осознаем, принимаем и даже в какой-то мере «творим» — это лишь верхушка айсберга. Существует значительно большая часть души, которая нами не осознается, но которая активно влияет на нашу жизнь. Это очень важная, критическая глубина почти целиком формируется в младенчестве. В каком-то смысле последующая жизнь взрослого есть развитие полученного в детстве.

Мы можем подвести итог духовным и физическим процессам, которые происходят на уровне сознания ребенка в возрасте до трех лет:

Открытие своего физического «я», развитие физических чувств — зрения, обоняния, осязания, движения, вкуса и слуха.

Открытие свободы и запретов, допустимого и недопустимого, культуры еды, пределов свободы в движениях, гигиенических навыков.

Открытие чувств безопасности и любви. К примеру, ощущение холода, сырости и неудобства с приближением матери сменяется ощущением тепла и комфорта. Один и тот же человек каждый день утоляет его голод. Если ребенку больно, его лечат и успокаивают. С течением времени при появлении любящего человека исчезает боязнь потеряться (часто возникающая даже во дворе дома), весь мир становится надежным и безопасным.

Открытие отрицательных чувств: гнева, страха, ревности.

Открытие разлада между своей волей и угнетающей волей других людей, обычно взрослых. Когда источник благополучия внезапно оборачивается против ребенка и становится врагом, источником неприятных переживаний, в нем поднимается буря чувств — удивление, враждебность, попытка испытать свои силы, временное подчинение или озлобление.

Ребенок накапливает факты и информацию, но осмыслить их еще не может. Он накапливает впечатления и образы, помнит звуки и запахи, но не может осознать причин этих явлений; он воспринимает их как нечто само собой разумеющееся.

К концу этого возраста, от двух до трех лет, ребенок обычно способен выражать свои желания словами, общаться с внешним миром, хотя порой речь его примитивна.

Воспитание ребенка происходит дома. Единственные воспитатели, которых знает ребенок, — родители или те, кто их заменяет. О процессе воспитания в младенчестве можно говорить как об общем развитии в атмосфере тесных семейных отношений. Из этого процесса нельзя выделить физическое и нравственное воспитание, нельзя говорить и об «обучении» младенца, хотя он узнает в течение первых трех лет жизни очень многое.

В каком-то смысле можно говорить о «священническом служении» родителей-христиан. Они как бы совершают Таинство, потому что вводят Бога в жизнь своих детей, а жизнь детей посвящают Богу. Такая задача требует священной цельности: то, как мать меняет пеленки, как кормит малыша или обнимает его, имеет такое же значение для религиозного роста младенца, как и то, как она молится над ним или несет его в храм. Все, что делает мать для ребенка, обретает религиозный смысл, если она дышит любовью и заботой, одаряет спокойствием и счастьем. Качество материнской любви зависит от того, насколько тесно она связана с Богом. Материнская любовь может обернуться гнетущей, ревливой, боязливой, она может исполниться страхом и смятением; подчас мать становится несчастной, эгоистичной, подавленной, так что у нее не остается возможности любить своего ребенка. Младенец в таких ситуациях, можно сказать, религиозно обездолен. Но радостная, ответственная, неизменная до самопожертвования любовь, которой многие матери окружают детей, религиозна по своей природе, вне зависимости от убеждений матери. Ребенок, не знающий страха и горя, радостно открывающий мир, становится религиозным.

Материнская любовь в силах приобщить ребенка к религиозному опыту взрослых и их молитвенной жизни, к участию в литургической жизни Церкви. Восприятие ребенком религиозной и культовой жизни может оказаться чисто чувственным, но, тем не менее, оно вполне реально.

В Евангелии поражает место, в котором Христос говорит о значимости доинтеллектуального переживания веру. Христос «вознегодвал», когда ученики, стремясь по-взрослому перетолковать Его учение, пытались не пустить к Нему матерей с детьми. Он сказал, что царство Божие принадлежит детям и что тот, кто не принимает Царства Божьего как ребенок, не войдет в него (Мк. 10, 13–16). Он явил, как Бог относится к детям: обнял их и благословил, возложив на них руки. Его любовь выразилась не в проповеди, даже не в притче, а в просто физическом соприкосновении. Он дал детям почувствовать Его близость физически, а обратившись к взрослым, подчеркнул, что восприятие Бога детьми, то, как они ощутили благодать Его благословения, отнюдь не случайно и полно религиозного смысла:

«Кто не примет Царства Божьего, как дитя, тот не войдет в него».

Жизнь нашей Церкви предоставляет немало возможностей чисто физически ощутить религиозные ценности. Пусть ребенок подержит свой нательный крестик, пусть трогает и целует икону, висящую над его кроватью, пусть обоняет запах ладана и любуется яркими красками храма, пусть его губы примут святое причасти и ощутят его вкус, пусть он почувствует капли освященной воды на лице, пусть слушает пение, крестится, даже если это кажется ему игрой. Все эти предметы, чувства, переживания в нашей Церкви не являются чем-то третьестепенным, что потом, во взрослом состоянии, отвергают. Все, что я перечислила, на протяжении жизни православного христианина не теряет значимости и смысла, будь то действие, жест или переживание. Ребенок, соприкасаясь с ними, приобретает свой, подлинный опыт участия в жизни Церкви.

Способность малышей накапливать образы, впечатления, фактическую информацию должна поддерживаться и религиозно. Взрослые знают, что дети учатся говорить, прислушиваясь к речи взрослых. Они помогают детям осваиваться в мире, учат их, что огонь обжигает, вода мокрая, а снег холодный; точно так же они призваны помочь им воспитать религиозные впечатления и идеи. Пусть ребенок наблюдает, как родители молятся; пусть родители объясняют ему то, что он видит в храме; пусть он посещает церковные службы и видит, слышит, обоняет, ощущает, касается предметов, исполненных огромного религиозного смысла. Впрочем, следует помнить, что все это приобретает подлинно религиозное значение и становится началом религиозного опыта лишь в том случае, если родители вполне искренни и благочестивы.

Однажды молодая мать двух детей сказала мне: «Я знаю, почему Танечке (ей два месяца) так нравится бывать в храме. Дома я всегда ужасно занята, необходимо успеть сделать кучу вещей, а в храме, в течение полутора часов, она спокойна пребывает у меня на руках, и я никуда не сорвусь, чтобы что-то сделать». Я искренне верю, что подобное переживание любви и покоя в храме приближается к религиозному переживанию.

К трем годам дети уже способны воспринимать праздничную атмосферу Рождества, Пасхи, дней рождений и именин.

Хотя мы не вправе говорить о «нравственном сознании» младенцев, их небольшой жизненный опыт все же подготавливает к восприятию нравственных понятий. Открытие для себя таких реалий, как свобода и запреты, безопасность и любовь, разлад своей воли и чужой, навязанной извне, неприятное чувство страха и ревности, удовольствие от одобрения, — многое из этого опыта младенческого возраста вливается в основу нашего религиозного развития. Эти чувства для себя ребенок открывает и в нехристианской семье, но только в христианской семье этот опыт просветлен духовной жизнью родителей.

Но превыше всего, о чем мы говорили, касаясь религиозного развития младенца, остается святое, загадочное действие Божьей благодати, которая питает его. Никто не может точно измерить и оценить воздействие церковных Таинств на наших малышей. Мы только можем с верой и благоговением стараться, чтобы эти пути для воздействия Духа Святого были открыты нашим детям.

Дошкольный возраст: от 3 до 6 лет

По составленной Пиаже таблице развития этот период соответствует «предоперативному этапу». Джон Ф. Эмлинг в своей превосходной брошюре, кратко излагающей теорию развития д-ра Пиаже, пишет: «В числе прочего для «предоперативного периода» характерен эгоцентризм. В эти годы ребенок не способен встать на точку зрения другого человека. Более того, он склонен сосредотачивать внимание на наиболее выдающихся чертах людей и вещей. Он не может классифицировать реальность по категориям и поэтому наделяет неодушевленные предметы человеческими особенностями и способностями... Кроме того, ребенок считает себя причиной всего происходящего. И даже если он не рассматривает свои действия как причину всего происходящего, он воспринимает действия объектов по аналогии со своей собственной жизнью.

На этом этапе ребенок всему находит причину, знает ответ на каждый вопрос. Его

устраивает любой ответ, вне зависимости от его логичности» [1].

Это самая младшая возрастная группа, с которой мы обычно имеем дело в церковной школе.

К этому возрасту дети овладевают навыками беглой речи, понимают речь других. С ними могут общаться не только родители, но и друзья, учителя, чужие люди; у воспитателя появляется такой действенное средство, как словесное общение. Он, например, может рассказывать сказки, которые, впрочем, необходимо тщательно обдумывать и отбирать.

Дошкольники младшего возраста могут слушать сказки не больше пяти минут, более старшего — не более десяти. Повествование должно постоянно сопровождаться жестами или звуками: дети могут повторять какие-то звуки, подражать движениям, показывать размер предметов, которые упоминаются рассказчиком, разглядывать большие и яркие картинки, прикасаться к предметам, иллюстрирующим повествование. Сюжет должен быть предельно ясным и простым, развиваться последовательно, без погружения в пространственно-временные категории. Если речь идет о прошлом, лучше всего употреблять выражения типа «давным-давно», «вчера» или, для более старших, «когда я был маленьким». Если речь идет о расстоянии, достаточно сказать: «рядом», «неподалеку отсюда», «далеко-далеко». Детскому восприятию совершенно чужды понятия о «правде», «нации», «праведности», «справедливости», «власти», «вере» и даже «любви», хотя они могут понять, что такое «добрый», «хороший» или «злой», «противный» человек. Учитель не должен говорить о тех эмоциях, которые детям еще не известны.

Нравственное развитие маленьких детей весьма примитивно, хотя они порой знакомы с этическими ярлыками, которые так любят навешивать на них. «Плохой мальчик», «хороший мальчик», «непослушный», «хороший» — как часто приходится ребенку слышать эти слова! Но он неспособен понять, хорош или плох тот или иной поступок, почему любопытство и любознательность в одних случаях поощряются, а в других запрещаются. Будучи младенцем, он познавал свои способности и свое окружение; теперь же он накапливает опыт одобрения и осуждения его поступков другими, который впоследствии оформит его понятия о «добре» и «зле». Пятилетний ребенок знает, что «Бог хочет, чтобы мы были хорошими», и «что бы не должны быть плохими», но весьма смутно представляет, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Он просто отождествляет это с одобрением или осуждением со стороны взрослых. Именно проявления одобрения или осуждения в христианской семье и христианском окружении призваны формировать этические представления ребенка.

Поэтому дошкольнику совершенно недоступны такие сущностные понятия, как грех, покаяние, искупление, смерть, воскресение, жизнь после смерти, хотя он по опыту знает, что такое «быть послушным» и «получить прощение». Он может знать о смерти кого-нибудь из близких или о рождении ребенка, но вызванные этим представления весьма примитивны и поверхностны.

Дети этого возраста нуждаются в постоянном движении и не могут долго сидеть на месте. Они склонны к свободным телодвижениям, простым и не ограниченным запретами. Соответственно должна строиться и творческая работа в классе.

Ребенок готов что-нибудь смастерить. Основными мускулами он уже владеет, и, хотя мелкая работа ему еще непосильна, он охотно возится с красками, кубиками, пластилином, песком. Его творческий инстинкт не отягощен самокритикой. Любая работа должна быть непродолжительной и приносить осязаемые, зримые плоды. Зачастую смысл нарисованной ребенком картинки непонятен другим, и может быть полезным предложит ему объяснить, что же он нарисовал. Дорогостоящих материалов и инструментов ему не нужно, но стоит подыскать какое-то пространство для работы и движения, даже если для этого придется по всему полу расстелить газеты.

Маленький дошкольник — крайний индивидуалист. Дети этого возраста редко сами играют вместе, исполняя две дополняющие друг друга роли. Подключение одного ребенка к игре другого обычно означает, что дети все же играют порознь, но параллельно. Это важно

помнить при работе с классом.

Умение координировать свои действия и игры с действиями и играми других детей является, возможно, главным достижением дошкольного возраста. На этом этапе развиваются важные способности: умение соблюдать очередность, следовать наставлениям и простейшим правилам, считаться с другими детьми, ощущать принадлежность к группе. В детских яслях и садах незаменимыми средствами обучения становятся хороводы, простые игры с пением и разыгрыванием ролей. Совершенно не подходят соревнования, игры с более или менее сложными правилами, требующие определенных навыков, объединения по командам.

Желание добиться одобрения и признания достаточно сильно в любом возрасте. Ребенок умеет хорошо держаться на людях, подражает жестам и поведению взрослых, охотно воспринимает наставления, как вести себя в храме, если только на него не слишком «давят», что вызывает упрямое нежелание подчиниться.

Ребенок почти неспособен в этом возрасте отличить реальное от фантастического. Он часто начинает рассказывать об истинном происшествии и вдруг придумывает совершенно неправдоподобные детали. Если бы учителя приходских школ могли услышать, как дети пересказывают дома услышанное, они были бы несомненно удивлены.

В наше время мир дошкольника не ограничен домом, но родители все же остаются для него всемогущими. Нет опасности, от которой взрослые, как считает ребенок, не могли бы его защитить; не произойдет никакой трагедии, если рядом стоит мама. Такое ощущение «любящего и справедливого всемогущества» может быть весьма полезным для развития детских представлений о Боге.

Дети пяти лет вполне готовы воспринять просто изложение библейского рассказа о сотворении мира. Ребенок может принять активное участие в этом рассказе; например, попросите его закрыть глаза, чтобы «представить» тьму, которая была до того, как Бог сотворил свет, а затем открыть, чтобы «представить» свет. Дайте им потрогать листики, цветы, семена; ребенок может изображать, как двигаются разные животные, как летают птицы.

Можно рассказывать о том, как Бог заботится о нас. Таков, например, рассказ о Ноевом ковчеге, то есть о том, как Бог спас Ноя, его семью, животных, как голубь улетел и после окончания потопа вернулся с зеленой веточкой. Этот рассказ можно разыграть в лицах. Детям понятны истории о Моисее в тростнике и об Иисусе Христе, умирившем бурю. Так же охотно воспринимаются рассказы о чудесах, если подчеркивать не собственно чудесное (этого дети не поймут), а то, как Иисус Христос заботился о людях и помогал им. Можно рассказать об Адаме и Еве в саду, о том, как Адам давал имена животным, как Адама и Еву изгнали из сада, о том, что обещал им Бог. Только не надейтесь, что ребенок поймет сущность «падения», «греха» и «спасения». Им нравится история про Христа и детей, рассказ о Рождестве. Можно неоднократно повторять одни и те же рассказы, если дети активно участвуют в них, — ведь в любимую игру можно играть изо дня в день.

Пятилетний ребенок, живущий в православной семье и участвующий в приходской жизни, накапливает определенный запас религиозных представлений и переживаний. В нем живет представление о Боге, Который сотворил все, Который добр и могущественен. Ребенок до известной степени переносит на Бога черты родителей — власть, любовь, всемогущество. Характер родителей оказывает огромное влияние на религиозное сознание ребенка. Благодаря рассказам и картинкам у ребенка складывается определенное представление об Иисусе Христе как Личности, но он еще не знает, что Бог и Христос — это одно и то же. Он не чувствует необходимости уточнять это. Православный ребенок учится креститься и произносить слова: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», но эти слова обычно не связаны в его сознании с рассказами о Боге, и еще рано касаться темы Троицы.

Представление о Церкви у ребенка неразрывно связано с храмом, — церковным зданием. Чем лучше он знаком с его устройством, тем уютнее он будет чувствовать себя. Он испытывает удовлетворение от того, что знает, как правильно себя вести: как креститься,

целовать иконы, принимать причастие, получать благословение и подпевать. Конечно, это чисто внешнее и механическое знание, но оно дарит ребенку чувство принадлежности к Церкви, он привыкает к храму, как к дому.

Главное в опыте церковной жизни малыша — частое причащение Святых Тайн. В Таинстве причащения в его жизнь входит благодать Божия, которая и есть самая суть христианской жизни. Таинство это реально и действенно, но это не означает, что ребенок может его рационально принимать. Он может понять, что имеет дело с чем-то особенно важным, особенно святым, исходя из благоговейного отношения к Таинству родителей и всех собравшихся. Объяснение же вполне можно свести к тому, что Святое Причастие — это священная пища, которую нам дает Бог. Можно добавить, что эту пищу Иисус Христос дал Своим ученикам, когда последний раз трапезовал с ними, и что как бы Он Сам дает нам ее, когда мы причащаемся.

Попытки объяснить маленьким детям слова «Примите, едите, сие есть тело Мое...» и «Сие есть Кровь Моя...» могут окончиться катастрофой. Я помню случай, когда искренние, но неловкие попытки учительницы объяснить маленьким детям значение Причастия завершились болезненной сценой: напуганные детишки в воскресенье отказались причащаться. Детям, приближающимся к пятилетнему рубежу, лучше всего рассказать историю Тайной Вечери, объяснив, что так впервые было преподано Святое Причастие, что Иисус Христос Сам дал его Своим ученикам, сопроводив теми словами, которые мы слышим теперь в храме и что Он завещал творить то же самое в память о Нем. Внимание детей можно привлечь к иконе Тайной Вечери, которая часто висит над царскими вратами.

Пятилетний ребенок, живущий в христианской семье, накапливает достаточные знания о различных праздниках и традициях и многое знает о христианском отношении к жизни. Пасха, венчание, крещение, похороны, освящение домов — все эти красочные события глубоко влияют на детское сознание.

В области религиозного воспитания ребенок пяти лет, конечно, далеко не «чистая доска». В благоприятных условиях он накапливает множество религиозных впечатлений, которые затем могут возрасти и развиваться. Даже если он не получил формальной религиозной подготовки, но рос в атмосфере любви и душевного покоя, подчиняясь семейной дисциплине, он вполне подготовлен к сознательному религиозному развитию. Если он был лишен такой атмосферы — ему нанесен большой ущерб. В эти годы формируется его духовное подсознание, которое станет почвой и фундаментом свободной мысли и сознательных действий в будущем.

Младший школьный возраст: от 6 до 10 лет

Дети этого возраста покинули замкнутый мир семьи. Они ходят в школу, имеют друзей и врагов, о которых родители не знают. Они сами принимают решения и общаются с детьми. Они соблюдают правила и обычаи большого мира: школы, соседей по дому, улицы, летнего лагеря. Им дают поручения, они сами покупают нужные вещи. Они познают, что закон — не только установленные родителями правила, но и школьный распорядок, правила дорожного движения, правила, принятые другими детьми. Все, что дети раньше принимали как должное, теперь постоянно подвергается испытанию и сравнениям. По мере того, как растет знакомство с законами и правилами, возрастает искушение нарушить их — что-то украсть, выругаться, позавидовать.

Ребенок по-новому начинает относиться к ровесникам. Многие дети с трудом налаживают дружеские взаимоотношения. Они не хотят работать и играть в одиночестве, но вместе трудиться еще не научились. Склонность, столь заметная у детей этого возраста, свидетельствует о зарождении коллективистского духа, — дети пытаются установить новые отношения между собой, обкатывая острые углы. Они могут сознательно мучиться от предательства или отчуждения. Лучший друг внезапно заводит нового товарища, и даже если это временно, боль от измены остра и реальна. Учитель пользуется огромным авторитетом, отчасти занимая место родителей. Новые друзья и враги создают более насыщенную и богатую эмоциональную среду.

В течение этого этапа происходит существенный скачок в умственном развитии. Ребенок учится устанавливать причинно-следственные связи, выделять то, что считает конкретным и реальным. У него появляется вкус к простейшему планированию и выполнению намеченного. Это можно заметить в играх детей. Они перестают быть лишь повторением знакомых действий: возня с игрушками, кубиками, мячом (поймал-бросил); игры становятся увлекательнее и сложнее, дети могут устроить клуб, разбиваются для игры по командам, играют в войну, больницу, в радио или телевидение, в приключения, исполняя каждый свою роль.

Прогресс в умственном развитии меняет отношение детей к рассказам. Их интересуют причины и следствия происходящего; слушая библейские рассказы, они спрашивают о том, что Бог хочет сделать с миром. Один мой знакомый семилетний мальчик, выслушав историю грехопадения, с раздражением спросил: «Ну почему, почему Бог не сделал Адама и Еву такими, чтобы они не хотели Его послушаться?» Этот ребенок вполне созрел для того, чтобы выслушать простейшее объяснение учения о свободе воли. Можно дать вполне удовлетворительное, отвечающее пристрастию детей к простым логическим схемам, объяснение догматов, например, Троичного (известное сравнение с формой, светом и теплом солнца).

Эти способности можно использовать для несложного планирования классной работы. Трудность заключается в том, что занятия в церковной школе происходят раз в неделю, и потому требуется определенное напряжение ума, чтобы в течение семи дней ребенок мог удержать в памяти содержание предыдущего занятия. Но, по сравнению с младшими группами, в которых еженедельный урок приходится рассматриваться как самостоятельно занятие, не связанное с предыдущими, потому что дети туманно помнят то, что было неделю назад, возникает больше возможностей для планирования, для разделения темы на несколько занятий; учитель в начале урока может воскресить в памяти детей пройденное раньше и пробудить первоначальный интерес.

Появляется и более ясное представление о «справедливости», чем то, которое наблюдалось раньше. И у младших детей проявляется инстинкт собственности, но только сейчас появляется четкое разграничение «моего» и «чужого» (с огромным уважением к своим правам и очень малым признанием чужих прав). Но все же эти права признаются, осознаются и довольно часто нарушаются с полным сознанием преступления закона. Идея «справедливости» носит ветхозаветный оттенок, в этом возрасте дети склонны делать упор на законность, почти не склонны прощать. Поэтому дети начинают не только фантазировать, но и сознательно и целенаправленно лгать, чтобы избежать неприятных последствий своих проступков.

Вместе с чувством «законности» и сознательных «преступлений» возникает и развивается более тонкое чувство: сострадание, желание защитить слабого, приятие определенных моральных норм и готовность выдержать определенные испытания из-за их соблюдения. Я помню семилетнюю девочку, которая с группой детей ходила в русский храм (без скамеек) в течение продолжительных служб Страстной недели.

- Тебе не хочется посидеть? — прошептала я.

Она очень торжественно поглядела на меня и шепнула в ответ:

- Не всегда надо делать то, что нам хочется!

Дети в этом возрасте способны искренне раскаиваться в своих поступках.

Как рассказывать детям этого возраста о Боге, чтобы рассказ был связан с их жизненным опытом? Другими словами, готовы ли они хоть как-то воспринять христианство? Могут ли они сознательно участвовать в богослужении? Что они могут понять из Священного Писания? Какие духовные и нравственные ценности важны для них?

В течение последних десяти лет на теорию христианского воспитания оказали большое влияние сочинения Рональда Гольдмана, который основательно изучил систему религиозного воспитания в английской средней школе. В Англии изучение Библии является частью школьной программы, и наряду с другими академическими предметами его

преподают учителя–миряне. Гольдман на основе многочисленных тестов показал, что из школьных уроков дети практически не извлекали какого–либо понимания Библии. Он предложил в своей книге «Готовность к религии» [2], чтобы вместо изучения Библии дети изучали отдельные темы, связанные с их жизненным опытом: дом, друзья, люди, которые нам помогают, пастухи и овцы, руки, ноги, одежда, завтрак, семена, дни рождения, праздники и т. д. Он считает, что любая подобная тема может быть рассмотрена в религиозном или библейском аспекте, может религиозно акцентироваться или закончиться разговором о религии как смысле жизни.

В пользу такого подхода можно сказать многое и не стоит ничего отрицать огульно. Но мне все же кажется, что такой способ преподавания не отвечает цели христианского воспитания. Урок или разговор о семье, о друзьях, о домашних животных — это не то же самое, что опыт семьи, дружбы, заботы о животных. Такой урок легко может превратиться в интеллектуализированную или сентиментальную абстракцию и остаться чуждым опыту самого ребенка. Наша цель — пробудить в ребенке сознание присутствия Божия, Его участи в нашей жизни, нашей связи с Ним. Библейские рассказы говорят именно об этой реальности, о реальности встреч с Богом; вдохновенные, яркие и простые, эти рассказы являются художественными шедеврами. Дело учителя разъяснить смысл рассказа или события так, чтобы он стал понятнее детям в свете их собственного жизненного опыта.

Какие же основы вероучения, какие понятия об отношении Бога к человеку можем мы передать ребенку в возрасте от семи до девяти лет?

Дети уже могут воспринять Бога как Творца вселенной. Религиозное значение эта идея получит только в том случае, если дети ощутили в какой–то мере красоту и чудесность окружающего их мира. Школьные учебники, к сожалению, отделяются сентиментальными фразами о красоте звезд, облаков и гор. Детей важно научить удивляться естественным событиям. Например, слова Библии: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод» — обретут для детей больше значения в том случае, если мы покажем им эти процессы. В классе можно выполнить простые опыты, можно показать фильм о росе растений. Так же можно проиллюстрировать другие аспекты творения. Дети могут нарисовать плакаты, рассказывающие о воде, о значении огня, атмосферы и т. д. Учителю полезно ознакомиться с учебниками по естественным наукам для тех же классов и, используя учебный материал, с некоторой долей фантазии проиллюстрировать историю творения. Это поможет ребенку преодолеть пропасть, отделяющую то, что он узнает о мироздании в храме, от того, чему его обучают в школе, пропасть, с которой начинается превращение религии в «изолированную комнату», «воскресное знание» — не имеющее ничего общего со знанием «будничным».

Дети могут воспринимать Бога как нашего защитника и покровителя. И здесь мы призваны учитывать детский жизненный опыт, врожденную способность познавать вещи путем сравнения. О всевозможных авариях и трагических происшествиях ребенок узнает из телепередач, они составляют ежедневную пищу для ума. Такие библейские повести, как рассказ о трех отроках в печи вавилонской, нельзя иллюстрировать как доказательство того, что не надо бояться огня. Подлинный смысл рассказа — в ответе отроков царю: «Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем... Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану не поклонимся». (Дан. 3, 17–18).

Многие библейские рассказы говорят о Божией помощи в минуты опасности, о том, как Бог допускает людям пострадать в течение некоторого времени, но всегда помнил о них и обращал их страдания на благо. Дети могут осознать, что для того, чтобы человек вышел на верный путь, он должен подвергнуться испытанию. Здесь уместны истории об Иосифе, о Валааме и его ослице, о пророке Ионе и многие другие.

Хотя еще рано обсуждать с детьми причину страдания, и особенно страдания невинных, подчас этого не избежать. Можно запечатлеть в их воображении образ Иисуса Христа, безгрешного, принявшего страдания; однако Его страдания и смерть не были концом

пути, потому что Он воскрес. Если дети сумели понять и сочувственно пережить неразрывность Страстей Господних и Его Воскресения, то в них заложена основа христианского понимания страданий. Более глубоко осмысливаться эту проблему им придется позднее.

Если дети не накопили запаса легко запоминающихся и любимых рассказов из Священного Писания, свидетельствующих о любви Бога к людям, Его помощи и защите, лучше не забивать их головы голословными утверждениями типа: «Бог нас любит», «Бог есть Любовь», «Мы должны любить Бога».

Говоря о вероучении, мы подступаем к догмату о Святой Троице. Еще раньше дети привыкли говорить «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», потому что эти слова постоянно употребляются в богослужении. В этом возрасте необходимо познакомить детей с образами, которые помогли бы им осознать значение этих слов. Конечно, им не по силам понять богословское объяснение Троичного догмата, но, отложив его на время, мы можем подготовить их к такому объяснению при помощи образов и рассказов. Рассказы должны быть простыми, но догматически точными, чтобы потом не пришлось чему-либо переучивать.

Вот несколько примеров подобных библейских рассказов.

Дети этого возраста подготовлены к вопросу: «Кто создал мир?» и готовы к ответу: «Мир создал Бог». Учитель может задать еще один вопрос: «Но кто сотворил Бога?», который, возможно, поразит учеников. Тогда учитель может сказать, что Бога никто не создавал, что Бог был всегда. Он может громко прочесть слова, с которых начинается Библия: «Сначала Бог сотворил небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». (Быт. 1, 1–3)

Эти слова говорят нам, кто есть Бог. Бог Отец Своим Словом создал мир. Иисус Христос, Сын Божий, называется также «Словом Божиим» (Логосом), а Святой Дух Божий носился над водою. Итак, в первой же фразе Библии говорится, что Бог — Отец, Сын и Святой Дух — создал мир.

Рассказывая детям постарше, что Бог создал человека, мы можем повторить слова Библии: «И сказал Бог (Святая Троица): сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всей землею. (Быт. 1, 26).

Чем же человек похож на Бога? Что в нем от образа Божия? Например, он должен заботиться о мире (хотя и меньше, чем Бог Отец). Он разумное существо, а на языке Библии «слово» («логос») означает также и «разум». Он и «духовное существо»: может молиться, любить, мыслить и чувствовать глубже, чем чувствует тело. Поэтому мы можем сказать, что в каждом человеке есть нечто от Святой Троицы.

Православные дети часто видят в церкви знаменитую икону Троицы, изображающую посещение Авраама тремя ангелами. Связанную с иконой историю рассказать очень просто. Можно показать детям, как три фигуры объединяются круговым движением, образуя единый круг. Если речь идет о воспроизведении иконы преподобного Андрея Рублева, учитель может добавить, что в эту эпоху Русь была разделена междоусобицами, и что художник, создавая свой шедевр, молился, чтобы изображенное им на иконе единство Святой Троицы помогло людям объединиться в любви к Родине.

Можно рассказать историю Преображения или Богоявления, подчеркнув, что люди видели Иисуса, Сына Божия, слышали голос Бога Отца, видели, как Дух Святой парил над головой Иисуса.

Абстрактное определение Троицы обычно превосходит интеллектуальные способности ребенка, но он может вдруг задать вопрос: «Как это — один Бог и три Лица? У Него что, действительно три лица?» Никакое абстрактное объяснение не будет понято, так что лучше всего привести в пример семью. «Сколько вас дома? Отец, мать, один-два брата или сестры? Вот видишь, вас несколько, но вы вместе составляете одну семью. В семье подчас бывают ссоры, мы не всегда любим друг друга, но Святая Троица — это действительно любовь,

поэтому Три Лица — это один Бог».

Мне кажется, важно напоминать ребенку о том, что в наших разговорах о Боге всегда есть элемент непостижимого, того, что мы не можем понять. Хорошей иллюстрацией этого может служить рассказ о блаженном Августине, который, гуляя по берегу и размышляя о Святой Троице, увидел маленького ребенка, выкопавшего ямку в песке и пытавшегося наполнить ее водой. Когда Августин поинтересовался, что он делает, ребенок ответил, что пытается перелить весь океан в эту ямку. Тут Августин понял, что так же невозможно для человеческого ума до конца понять сущность Бога.

Весьма непросто научить ребенка молиться. В более раннем возрасте молитва ограничивалась самим действием: встать перед иконой, опуститься на колени, перекреститься, повторить определенные слова. Теперь ежедневная молитва заключается не только в обязательном повторении молитв, заученных наизусть (занятие не совершенно бессмысленное, потому что оно создает отношение к молитве как к определенному долгу, правилу), но и в случайных молитвах просьбами от всей души: «Пожалуйста, Господи, сделай, чтобы завтра была хорошая погода», «Пусть мне на день рождения подарят велосипед!», «Вылечи ее!». Право на существование и ценность имеют оба вида молитвы, но необходимо и еще что-то. Это «что-то» нельзя навязать ребенку, он должен сам до этого додуматься. Задача воспитателя — поддерживать в детях дисциплину — помочь им не забывать молитвенного правила, не давая ему превратиться в чисто механическое повторение заученных слов, исключая самую возможность подлинной молитвы. Полезно предложить ребенку помолиться о чем-то действительно важном: о том, кто серьезно болен или попал в беду, поблагодарить Бога за какой-то особенно хороший подарок, попросить помощи Бога в затруднительной ситуации. Особенно трудно сохранить молитвенное настроение во время молитвы перед началом занятий в церковной школе. Добиться в это время молитвенной сосредоточенности почти невозможно. То и дело входят опоздавшие, детям хочется поговорить друг с другом, а учителя пытаются навести порядок. Мне кажется, нужно помочь детям сосредоточиться, собрать свои мысли перед чтением или пением молитвы. Например, прежде чем запеть «Царю Небесный», можно напомнить, что это молитва Святому Духу — «Подателю Жизни», который наполняет жизнью весь мир. «Постараемся пропеть моилитву так, чтобы и в нас была заметна жизнь». В другой раз можно привлечь внимание детей к одному из ключевых слов молитвы или к событию, с которым она связана.

Насколько я могу судить, детям этого возраста трудно посещать храм. Они меньше мешают взрослым и уже привыкли к службе, но часто им просто скучно. Лучше обстоит дело, если служба идет на английском языке, а дом или в школе детям объяснили, что означают все эти возгласы, но все равно ребенку очень трудно стоять совершенно спокойно, без движения, в то время как вокруг ничего особенного не происходит. Малыши развлекаются, глядя на огоньки свечей, яркие краски, вдыхая необычный запах ладана, слушая пение, но для детей постарше во всем этом новизны уже нет. Требования хорошо себя вести звучат строже, а дети в богослужении по-прежнему не участвуют.

В это время полезно объяснить детям вкратце смысл службы. Интерес к тому, что дети видят в храме, можно обострить, изучая архитектуру здания, назначение и смысл богослужebных предметов. Если они что-то узнают о святых и событиях, изображенных на иконах, то им будет о чем подумать, глядя на них. Если они понимают смысл литургии, ее главные моменты, то им легче следить за богослужением. Обучение может сопровождаться и творческими занятиями: изготовлением простых моделей, диаграмм, рисунков, календарей и т. д.

Найти возможность детям активно участвовать в литургии — средство более эффективное, чем любое обучение. Детскому хору можно доверить исполнение некоторых песнопений. Как можно больше мальчиков важно привлечь, чтобы они прислуживали в алтаре, а девочек — к украшению храма: они могут ставить свечи, раздавать просфоры и т. п. Во время крестного хода важно постараться, чтобы и дети участвовали в нем. Возможности

могут быть самые разные, в зависимости от приходских традиций и обычаев; необходимо помнить о том, что важно добиваться активного участия детей в богослужении.

Учителя и родители могут привлечь внимание ребенка к отдельным моментам церковной службы. Как часто священник читает Евангелие? Как и когда он выносит чашу? Сколько раз он выходит из алтаря во время литургии? Сколько святых ты можешь узнать на иконах? Эти и аналогичные вопросы учитель может написать на бумажках и раздать детям перед посещением храма, а результаты можно проверить в следующее воскресенье.

Но и в том случае, когда все сказано и сделано, не следует отчаиваться из-за того, что многим детям посещение храма дается с трудом. Усилие над собой — важная часть религиозной жизни, и полезно усвоить, что определенные вещи мы делаем не только потому, что нам так хочется, но и потому, что это наш долг.

Детям от семи до десяти лет мы можем немного больше рассказать о смысле причастия. Главное внимание надо уделить повествованию о Тайной Вечере и тому, что сделал и сказал Иисус Христос. Добавить можно мысль о приношении даров. Детям этого возраста нравится получить подарки и дарить самим. Они ждут подарков, думают о них. Они охотно делают подарки — готовят их на день Матери, составляют списки людей, которым хотели бы подарить что-нибудь на Рождество; это для них очень важно. Мы можем познакомить их с несколькими ветхозаветными рассказами о дарах и жертвах Богу, и эти рассказы послужат основой для понимания основного дара — жизни, которую дает нам Христос. Идею жертвы важно не только объяснить, но и подкрепить многочисленными рассказами-иллюстрациями. Святое Причастие — это дар Христа нам, священная пища, священная трапеза, которую Он разделяет с нами, чтобы мы могли жить с Ним. Мы принимаем этот дар, стараемся преподнести Ему наши маленькие подарки, если живем так, как хотел того Он. Эти мысли лучше вплетать в рассказы и примеры; объяснения необходимо по возможности сокращать и упрощать; если ум ребенка впитает эти образы, будет заложена основа дальнейшего духовного роста.

В этом возрасте ребенок впервые идет к исповеди, и это большое событие в его литургическом опыте. Те три таинства, которые он получал до сих пор, не требовали его понимания. Но таинство покаяния требует подлинного личного участия и разумения. Это церковное правило, конечно, не случайно. Ребенок семи-восьми лет достиг «возраста разума», способен сознательно выбирать между добром и злом, может грешить и каяться. Соответственно этому меняется основная задача христианского воспитания: важно развить в ребенке способность распознать проявления греха в обычной жизни.

Дети от семи до десяти лет понимают необходимость послушания. «Быть хорошим» — означает слушаться родителей и учителей. Не повиноваться — значит «быть плохим». Они понимают и принимают деление на «честное» и «нечестное» — обычно в форме протеста против нечестного обращения с ними: «Учитель несправедлив!», «Ты обманул!» Дети склонны расценивать храбрость и смелость как добродетель, достойную восхищения, даже если они проявляются впустую, например, чтобы забраться в какое-то опасное место. Девочки легче проявляют нежность, сочувствие и привязанность. Часто развиваются ревность, комплекс неполноценности, униженности, но они обычно носят подсознательный, немотивированный характер. Дети считают, что «грех» — это нарушение каких-то правил, когда совершается что-то запрещенное. Беззаботность, заканчивающаяся трагедией, например порчей вещей или несчастным случаем, тоже признается грехом. Дети безоговорочно принимают семейные принципы и пользуются ими как эталоном для определения добра и зла.

Общество, в котором живет ребенок (будь оно христианское лишь по названию, нейтральное или откровенно враждебное христианству), охотно поддерживает понимание морали как соблюдение правил поведения. В любом обществе мораль как следование определенным правилам провозглашается обязательной, «естественной» моралью.

Христианская нравственность, которой мы призваны научить детей, глубже. Детям важно помочь осознать, что грех — всегда какой-то разрыв в отношениях с другими, а не

просто нарушение правил. Конкретно это означает, что детей важно научить ценить личные отношения, связывающие их с родителями, с членами семьи. А на этом опыте любви, уважения и доверия в отношениях с близкими закладывается понемногу отношение к Богу. Трудность состоит в том, что словесные формулы не помогают детям. Ребенок должен на практике понять, что это такое, когда тебе доверяют или ты доверяешь. Он должен почувствовать, что ощущают другие люди, должен научиться состраданию и дружбе, прощению и взаимопомощи. Преподавать этот опыт можно через рассказы, подготовленные так, чтобы ребенок почувствовал себя участником описываемых событий. Понять смысл рассказа часто помогает спонтанное разыгрывание детьми его как пьесы. Одной из наиболее удачных попыток, объяснить детям смысл покаяния, было представление в лицах детьми семи и восьми лет повествования об Адаме и Еве, а затем — притчи о блудном сыне. В импровизированном диалоге «змеи» и «Евы» проявилось четкое понимание смысла рассказа:

- Он запретил тебе есть фрукты?

- Нет, не запрещал — кроме вот этого одного дерева.

— (невинным голосом) Почему?

- Ну, Он сказал, что мы умрем.

— (интригуяюще) Вот так, Он так и сказал? (заговорщическим шепотом) Так Он сказал неправду! Если вы съедите это яблоко, вы сами станете, как Бог!

- О, ты не должен так говорить! Это неправда! Неужели ты действительно думаешь, мы станем как Бог?! (Энергично) Нет, я этого не сделаю! (Нерешительно, после паузы) А яблоко правда такое вкусное, как кажется?

Две девчущки семи и восьми лет изобразили все степени искушения — с драматической экспрессией, с сомнениями и паузами. Они мгновенно уловили различие между попыткой Адама оправдаться («Она мне его дала!») и раскаянием блудного сына («Я недостойн!»)

Нравственное воспитание ребенка младшего школьного возраста заключается прежде всего в развитии в нем понимания и осмысления отношений, связывающих его с другими людьми и Богом. Понятие о раскаянии неотделимо от общей темы: разорванные отношения могут быть восстановлены, если сожалеешь о случившемся, если простишь и получишь прощение. Лейтмотив покаяния — желание восстановить прежние отношения с Богом, и Бог всегда, в любом случае, готов простить нас.

Допущение к Таинству исповеди имеет в этом возрасте решающее значение. До семи лет дети причащаются часто, иногда каждое воскресенье. После этого частое причащение прекращается и сводится к причастию один или два раза в год. Подготовка ребенка к первой исповеди — это важная часть пастырской работы. Именно священник может решить, когда ребенок готов к исповеди. Некоторые дети могут подготовиться раньше, другие позже. А самое главное, чтобы первая исповедь не стала порогом, за которым обрывается частое причащение.

Только тот священник, которые слышал детские исповеди, может проникнуть в загадку покаяния. Отец Фома Хопко пишет: «В этом возрасте главной проблемой исповеди является двойственный характер связи ребенка и Бога: 1. Бог дает законы, которые мы должны исполнять; мы должны поступать хорошо. 2. Бог прощает, любит и никогда не бросает нас, какие бы плохие поступки мы ни совершали, если мы сожалеем об этом и пытаемся поступать хорошо. Но все же мы должны поступать хорошо.»

У детей этого возраста мне приходилось наблюдать любо чувство, что «все в порядке — пускай я скверный, но Бог простит», либо крайнее отчаяние и растерянность. До сих пор ребенку всегда казалось, что он (она) поступает хорошо. Теперь появляется сознание того, что человек может стараться быть хорошим, а ничего не выходит, и он «поступает плохо». Отношение ко злу в себе имеет решающее значение для всей жизни человека, и впервые оно вырабатывается в этом возрасте. Очень трудно помочь ребенку осознать, что и безразличие («я ничего, мол, не могу с собой поделаться!») и отчаяние, уныние — ошибочны и греховны. Ребенок должен научиться различать плохое в себе и все же пытаться победить

его. Он может добиться победы с Божией помощью и с помощью других людей, хотя безгрешным не станет никогда.

Средний школьный возраст: от 10 до 13 лет

Чем дети старше, чем сложнее их характеры, тем меньше они открыты учителю церковной школы, в общем—то незнакомому человеку. Дети сформировались, восприняли определенный склад поведения, который наложил свои отпечатки на их характеры. В течение нескольких лет на них влияло семейное окружение, родители, братья, сестры, родственники. Влияли на детей культурные и национальные черты семьи. Глубокие следы оставляет в ребенке его положение в семье, рождая иногда ревность, чувство отверженности и собственнический инстинкт, дух соперничества и т. д. Дети приучаются сдерживать душевные порывы, появляется способность к самоанализу.

Для детей одиннадцати—двенадцати лет родители уже не являются всемогущими авторитетами, как раньше. У детей было время оценить их, сравнить с другими людьми, с родителями друзей, с учителями. Назревает подростковый мятеж. Любопытно отметить, что дети фанатически защищают обычаи своего дома, считают, что именно так все и должно быть, и в то же время весьма критически относятся к тому, как родители обращаются с ними, легко сердятся на братьев и сестер.

Учителя церковных школ, пытаясь наладить контакт с семьями учеников, сталкиваются и с другой трудностью. По мере усложнения религиозного воспитания выясняется, что идеи, излагаемые в церковной школе, не согласуются с представлениями родителей. В наше время православные родители, как правило, в детстве получили довольно скудные и отрывочные знания о своей Церкви. Поэтому учителю приходится проявлять большое терпение и такт, когда ученик заявляет: «Да, но папа говорит, что» или «Мама говорит, что Церковь учит». Учитель должен попытаться найти крупицу истины в том, чему учат дома: «Да, это очень интересно. Я думаю, причина этого в том...» — и можно дополнить и развить идею, которую стоит объяснить классу.

Отношения между мальчиками и девочками натянутые. Они держатся обособленно, двумя группами, которые относятся друг к другу критически и несколько враждебно. Мальчик и девочка изредка могут почувствовать взаимную симпатию, но она немедленно становится объектом насмешек, подчас довольно дурного тона. В течение многих лет дети испытывали влияние секса, который проник в телевизионные программы, коммерческие фильмы, рекламу. Эти образы глубоко влияют на представление мальчиков о мужественности и особенно на представление девочек о женственности. Девочки перенимают замысловатые позы и жесты, безудержно пользуются косметикой, если дать им волю. Мальчики собирают порнографические картинки, книжки, учатся ругаться. Во многом это еще игра, фантазия. Дети могут заявить, что картина, изображающая Адама и Еву в раю, слишком «сексуальна». Однажды «неприличной» они назвали превосходное изображение обнаженного ребенка в католической брошюре о пяти чувствах.

Мне кажется, что программы просвещения, включенные в гигиенические курсы средней школы, не всегда удачны. Конечно, определенные знания о физических аспектах секса так же необходимы, как и о других функциях тела, но существуют по крайней мере два отличия. Половое просвещение детей в этом возрасте вызывает более глубокие эмоции, более глубокие чувства — сознательные и подсознательные, — чем, к примеру, обучение уходу за зубами. Это понятно, потому что секс — важная часть роста и развития личности, он не может быть отделен от общего понимания смысла нашей жизни. Отношения мужчины и женщины входят в Божий замысел о мире, их можно правильно узреть лишь в свете религиозного понимания жизни и человека. Секс обесценивается, если его рассматривать только с физиологической точки зрения, вне зависимости от духовного замысла. С другой стороны, физиологический аспект секса — это интимная сторона жизни. Мне кажется спорным вторжение в эту традиционно скрытую часть жизни личности. Ребенок не будет лучше понимать жизненный и интимный характер человеческих отношений, если их ввести в школьную программу. Я слышала однажды, как тринадцатилетняя девочка жаловалась, как

трудно ей было запомнить пятнадцать методов предотвращения беременности, и как было обидно, что только пять из них действенны, а заучить надо было, как выяснилось позже, только их. Мне кажется, что христианское воспитание должно помочь детям десяти–тринадцати лет выработать представление о сущности человека и лучше понять Божий замысел относительно мужчины и женщины.

Какого интеллектуального уровня достигают дети в этом возрасте? Как они мыслят, каков их интеллектуальный багаж, помогающий судить, сравнивать, оценивать?

Рональд Гольдман пишет о среднем, предподростковом возрасте:

«Поиск смысла жизни готов войти в новую, более активную фазу, потому что развитие логического мышления вызывает трудности в становящемся религиозном мышлении. Представления, сложившиеся раньше, не изменяются, но уже появляются трещины и сомнения. Если раньше ребенок беззаботно воспринимал несвязанные между собой и подчас противоречивые идеи, то теперь осознает потребность осмыслить все накопленное, привести все это в порядок, разрешить кажущиеся противоречия. От нас требуются огромные усилия, чтобы помочь детям в этом возрасте выработать целостный взгляд на мир, отличный от той дуалистической системы, которая разграничивает веру и жизнь» [3]

Вера, которую мы несем детям, должна стать «разумной верой». Они многое могут понять, они жаждут понять, хотя им не чужд примитивный скептицизм. Дети легко улавливают и воспроизводят логические схемы рассуждений, даже абстрактных, если цепочка мыслей ясна, проста и коротка. Если объяснение или проповедь затягиваются, интерес и внимание к ним угасают. Дети охотно воспринимают упрощенные формулировки, если те кажутся им логичными. Интеллигентный одиннадцатилетний мальчик сказал мне: «Да, я вполне понимаю значение спасения. До прихода Иисуса Христа все шли в ад. После того, как Он пришел, умер и воскрес из мертвых, все идут на небо». Определение было ясным, кратким и потому удовлетворило его. Учитель должен быть достаточно искушен в богословии, чтобы излагать подобные проблемы ясно, кратко, просто и одновременно так, чтобы зерно вероучения (мысль об отношениях Бога и человека) росло и развивалось.

В этом возрасте встречается иной тип мышления, сознательно подразделяющий знание на две независимые части — то, что я узнаю в школе, читаю в книгах, вижу по телевидению, и то, чему учат на уроках Закона Божия. Двенадцатилетняя девочка, выросшая в консервативно–православном окружении, как–то сказала мне с отчаянием при упоминании о теории эволюции: «Нет, я решила верить в Адама и Еву!» Очевидно, она сравнила, взвесила и после мучительных сомнений решила, что будет придерживаться этой теории, что бы ни говорили в защиту науки. Я попыталась объяснить ей, почему, с моей точки зрения, между библейской истиной и наукой нет глубинного противоречия, и она изумилась, но явно почувствовала облегчение.

Библию, даже Новый Завет, дети знают довольно неровно. Некоторые рассказы они слышали много раз, и потому им кажется, что они «знают» Библию. «Ох, не надо опять про это!» — вот типичная реакция школьников, когда в шестом классе вновь начинается изучение жизни Иисуса Христа. С другой стороны, обнаруживается поразительное невежество детей в отношении фактической и смысловой стороны Священного Писания. Даже Нагорная проповедь целиком им незнакома, а о значении Ветхого Завета они не знают почти ничего, кроме нескольких рассказов про Адама и Еву, Ноя, Авраама, Иосифа и Моисея. Мало дети знают Ветхий Завет как предшественник Нового, это им непонятно. При этом они пытаются самостоятельно найти какие–то удовлетворительные объяснения. Однажды в лагере группа двенадцатилетних ребят была возмущена заявлением товарища, будто Тайная вечеря была еврейским праздником, а Иисус Христос — евреем. Они гордились возражением: «Да, возможно, Иисус Христос родился евреем, но ведь Он был крещен!»

Я привела эти образчики детского мышления для того, чтобы показать уровень, которого достигли дети и с которого следует начинать обучение. Дети требуют логичности и связности, но их собственная логика и мышление весьма примитивны. Учителю иногда

трудно ответить на их вопросы именно потому, что они ожидают чересчур простого и ясного ответа. Чрезвычайно разнится запас знаний, а различия в духовной зрелости гораздо сильнее, чем в любом другом возрасте. Постоянно прорывается специфическое чувство юмора, подчас довольно жестокое. Учителю иногда трудно решить, стоит ли посмеяться вместе с учениками над шуткой или прервать остроты, граничащие с кощунством.

К концу этого периода ребенок накапливает основной запас знаний, мнений и идеалов, которые определяют его личность. Дети способны выстраивать основные христианские положения и собственные впечатления в довольно связное, хотя и примитивное мировоззрение. Христианское воспитание призвано помочь им в этом. Оно призвано ориентироваться прежде всего на их жизненный опыт, на их интересы и любознательность, на знания, которые они приобретают в светской школе, на человеческие отношения, в которых они участвуют. Другими словами, христианское учение, которое мы им преподаем, должно стать органической частью их образа мыслей, их мировоззрения.

По моему мнению, в соответствующих классах приходской школы следует коснуться следующих тем.

Бог Творец. Много ли может поведать нам наука о происхождении мира? Как это соотносится с христианской верой? Сотворение человека и теория эволюции. Ответственность человека за мир, сотворенный Богом. Что такое чудеса? Будущее нашего мира.

Иисус Христос, Спаситель, Сын Божий, Сын человеческий. Все эти выражения детям знакомы, но следует раскрыть их смысл. Важно объяснить не только смысл догмата об Иисусе Христе, Сыне Божиим, как о втором Лице Святой Троицы, но и значение Христа в жизни каждого человека. Что означает Иисус Христос для меня? Что Он изменил в моей жизни?

Мне кажется, необходимо определенное внимание уделить историчности Нового Завета, его достоверности как исторического источника. Следует объяснить, что такое церковное Предание и какова его ценность. Говоря о спасении, не следует сводить его к событию, происшедшему две тысячи лет назад, необходимо подчеркнуть его смысл и реальность для сегодняшней жизни. Что означает «спасение» в жизни одиннадцатилетнего Томми? Может ли оно его взволновать? Когда я видела, с каким восхищением дети десяти–двенадцати лет слушали запись рок–оперы «Иисус Христос — суперзвезда», я ощутила их готовность, их стремление пережить реальность личности Христа, даже если эта реальность преподносится им в искаженном и неточном виде. Эта рок–опера — вызов нашей системе обучения.

Дух Святой. Дети научились призывать Духа Святого в молитвах, они знают евангельские рассказы о Богоявлении и Пятидесятнице. Их представление о Духе неизбежно связано с прошлым, но я убеждена, что к одиннадцати–двенадцати годам дети способны воспринять мысли о Боге — Духе Святом, о той живительной силе Духа Святого, которая поминутно влияет на их собственную жизнь. Очень важно на этом этапе раскрыть смысл Таинств. Что такое Таинства? Что я получаю, участвуя в них? Как изменяется моя жизнь при совершении Таинств надо мной? При обсуждении этих вопросов важно объяснить, что Дух Святой реально присутствует в их жизни.

Церковь. В этом возрасте у детей сложилось четкое представление о Церкви как здании, собрании, учреждении. Они присутствовали на Божественной литургии, причащались и исповедовались. В то же время они остаются незначительным православным меньшинством, живущим в неправославном обществе. Многие их друзья — нехристиане, иудеи, агностики. Их друзья–христиане или один из их родителей могут быть католиками или протестантами. Как все это объяснить? Общение с людьми учит детей, что православные ничем не лучше других. Разговаривая друг с другом на эту тему, они обычно приходят к выводу, что люди веруют по–разному и что все пути к Богу могут быть хороши. В приходской школе и на уроке Закона Божия они с готовностью объяснят, что Православная Церковь — это единственная истинная Церковь. Но как они совмещают это с тем, что видят,

слышат и говорят в нецерковной будничной обстановке? Мне кажется, что мы должны гораздо внимательнее и с большим сочувствием относиться к этим противоречиям, а не игнорировать их, предоставляя детям самим находить ответы.

Наша жизнь. В своем окружении дети черпают многие представления о жизни, о счастье и горе, о том, что важно и неважно, о смысле жизни. Телевизионная реклама постоянно отождествляет счастье с определенным сортом дезодоранта, сигарет, шампуня, средством похудеть. Высшая цель — стать привлекательным человеком. «Семейные» фильмы, которые смотрят дети, или книги, которые они читают, чаще всего со счастливым концом, который обычно отождествляется с успехом. Хороший парень побеждает плохого; бедняк становится богачом; Тарзан всегда выручает из беды; Батман вовремя приходит на помощь; справедливость торжествует. В хороших концовках нет ничего плохого, и я не думаю, что правы те, кто обсуждает в детских книгах такие проблемы, как гомосексуализм, психозы, супружеская неверность и т. д. Но мне кажется, что необходимо детское понимание счастья, горя, успеха или неудачи наполнять христианским смыслом.

Обильный материал для обсуждения того, что такое успех или неудача с христианской точки зрения, содержится в житиях таких святых, как Иоанн Златоуст, Кирилл и Мефодий, апостолы Петр и Павел.

Рано или поздно все дети сталкиваются с болезнями, страданиями, горем. Самое меньшее, чему мы можем научить их, — это то, что и страдание имеет смысл. На уроке можно предложить ученикам найти в Евангелии, какими словами Христос исцелял больных. Детям можно объяснить, что Бог создал мир добрым, что Он не создавал страдания. Дух зла внес страдание в наш мир. Бог помогает нам побеждать страдания, обращая его в благо, обращая его на пользу (см., например, у апостола Павла о «жале в плоть» — 2 Кор. 12, 7).

Изучение Таинств дает возможность открыть детям этого возраста различные стороны осмысления жизни. Из многих источников дети приобретают обширные познания о половой жизни; при изучении таинства брака можно, в простой форме, преподать им более глубокое понимание всего спектра отношений мужчины и женщины. В Быт. 1, 26–30 и Быт. 2, 24 ученики могут найти те задачи, которые Бог поставил перед людьми: господствовать над землей и всем творением, свободно использовать плоды земные, жениться и иметь детей. При обсуждении можно указать, как люди извращенно воспользовались этими дарами. Ответственность за мир превратилась в эгоистичную эксплуатацию; пользование земными плодами развилось в жадность; соединение двух людей в браке превратилось в самоудовлетворение физических инстинктов. Изучение обряда венчания может раскрыть, как Таинство помогает христианам осознать подлинные задачи вступающих в брак.

Есть еще одна тема, которой упорно избегают учителя и которой живо интересуются дети в этом возрасте — смерть. Что происходит после смерти? Почему мы молимся за умерших? Смерть — это хорошо или плохо? Почему Бог допускает смерть детей и молодых людей? О смерти важно упоминать и в разговорах с детьми младшего возраста, но теперь вопросы становятся более продуманными и критическими. Ответы можно найти в церковном учении, но любой ответ поверяется реалистическим восприятием детей. Ответы не должны формулироваться абстрактно, они должны исходить и опираться на жизненный опыт ребенка.

Богослужение. Я думаю, что в этом, среднем возрасте; главное в литургическом воспитании — дать детям пищу для ума, чтобы они могли поразмышлять во время службы. Как и в более раннем возрасте, необходимо использовать любую возможность для того, чтобы дети могли активно участвовать в службе: пусть они поют в хоре; прислуживают в алтаре; читают в храме. Все это они могут исполнять вполне осознанно и ответственно. Можно разрешить им убирать и украшать храм. Девочек можно научить печь просфоры. Некоторые священники иногда (например, по случаю возвращения детей из летнего лагеря) совершают богослужения, во время которых поют и читают исключительно дети. Старшие девочки пекут просфоры, проскомидия совершается в центре храма, чтобы дети могли собраться вокруг и наблюдать за происходящим, они сами читают имена тех, кого хотят

помянуть. Причащаются все дети.

И в классе важно помочь ученикам вникнуть в смысл богослужения; попросить их как-то выразить этот смысл. Можно подробно разобрать знакомые молитвы — напри мер, «Отче наш» — и нарисовать плакаты, объясняющие смысл каждого прощения. Изготовление плакатов, моделей, диаграмм, календарей и других пособий, раскрывающих смысл Таинства или праздника, помогает детям четче сформулировать собственные ощущения. Есть ещё один творческий подход к учебе: создание детьми фильма — например, иллюстрирующего прощения ектений.

Необходимо, конечно, проконтролировать, чтобы такой подход не гипертрофировался, чтобы сохранялась пропорция между различными подходами, чтобы ничего не выпадало. Все методы обучения должны быть направлены на более глубокое понимание смысла изучаемого; дети не должны выполнять задание механически; оно не должно быть слишком сложным и требующим больших затрат времени.

В соответствующих классах можно начинать чтение Библии, особенно Нового Завета. Дети лучше узнают Писание, если научатся находить те места, которые читаются на службе, к которой они пойдут.

Очевидно, что празднование церковных праздников (за исключением Рождества и Пасхи) в нашем обществе постепенно сходит на нет. Исчезает чувство радости, возникающее в праздничные дни. Джонни не понимает, почему тот факт, что Иисус Христос поднялся на гору и говорил с Моисеем и Илией, должен вызывать у него счастливое и радостное настроение. Дети младшего возраста могут почувствовать в службе что-то необычное, если в храме происходит освящение и раздача плодов, но детей старшего возраста это событие не волнует. У них дома каждый день едят фрукты и без освящения. Поэтому важно готовить детей к праздникам, объяснять их значение — не только как воспоминания о давно прошедшем событии, но как события, важного для нас и сегодня. Эти объяснения должны учитывать реалистическое мышление детей этого возраста. О Сретении можно говорить, как о встрече Ветхого и Нового Заветов,, но для детей эта встреча может представлять лишь чисто теоретический интерес. Можно поговорить о почитании старости и ее даров: мудрости, преданности, надежды и веры, о том, что дают нам старики. Можно пробудить в детях более глубокое понимание личности Девы Марии — юной Матери, которая в минуту радости без страха выслушала слова: «Тебе самой меч пронзит душу». Наверное, есть и другие важные аспекты, которые можно раскрыть в беседе. Проводить такие уроки лучше загодя, задолго до наступления праздника, чтобы дети знали, что он означает.

Хотя с детьми этого возраста легче общаться на интеллектуальном уровне, намного труднее проникнуть в их внутреннюю духовную и нравственную жизнь. Отчасти это объясняется тем, что они научились быть такими, какими их хотят видеть взрослые. Если им нравится взрослый — священник, учитель, друг — они стараются порадовать его правильным ответом или действием, заслуживающим одобрения. Но не все их действия и эмоции верно отражают внутреннее состояние.

Дети не хотят проявлять своих чувств отчасти потому, что взрослые редко способны их понять, отчасти потому, что сами не уверены в своих мыслях и чувствах, и особенно в первопричинах своих чувств. Я однажды наблюдала переживания двух девочек — десяти и двенадцати лет — в ночь, когда у них родился маленький братик. Они были возбуждены, счастливы — и все же плакали. После бессонной ночи старшая девочка, целиком уйдя в себя, замерев, наблюдала восход солнца, хотя и не могла объяснить, что и почему она чувствует.

Другая трудность состоит в том, что дети менее сентиментальны, чем взрослые, и у них появляется специфическое чувство юмора, которое может довести до отчаяния самого благожелательного учителя. Мне запомнилась пожилая и не очень опытная преподавательница, которую доводили до слез иронические замечания умного мальчика одиннадцати лет. Весь класс — дети в целом добрые и воспитанные — находил это смешным. Они спустя несколько лет вспоминали, как было «смешно». Бывает, что учитель рассказывает историю, рассчитанную на сочувственный и благоговейный отклик детей, и

вдруг неожиданная мелкая деталь может показаться им смешной до коликов.

Мне кажется, что у детей этого возраста мы призваны принимать на веру существование внутреннего духовного и нравственного мира. Мы знаем, что он есть, знаем его предназначение, знаем, что он развивается собственными, порою загадочными путями. Важно уважать и его, и его проявления, даже если они представляются нам загадочными. Воздействовать на формирование этого мира мы можем повествованиями из Священного Писания, историческими, из жизни святых или современности. Можно использовать вопросы и беседы, в которых затрагиваются проблемы, помогающие им выработать более глубокую и гармоническую точку зрения на мир. Но что на самом деле усваивают дети, остается сокрытым от нас.

Поскольку дети этого возраста достигли определенной степени зрелости и независимости, их церковную жизнь важно обогащать. Я бы назвала «опытом общинной жизни» летние приходские лагеря, праздники и паломничества. Они на практике помогают узнать, что такое человеческие взаимоотношения и общая ответственность. Хотя дети еще не могут сами планировать и организовывать подобные мероприятия, они с удовольствием принимают в них участие, и это значительно расширяет и углубляет их жизненный опыт.

Подростковый возраст: от 13 до 16 лет

Подростковый возраст — период между детством и зрелостью. Потенциальные умственные возможности в этом возрасте вполне равны возможностям взрослых. Подростки стремительно меняются в физиологическом плане, а это вызывает неловкость в движениях, эмоциональную неуравновешенность, повышенную рефлексивность.

Одна из главных особенностей этого возраста — чувствительность и неудовлетворенность. Подростки недовольны собой, своей семьей, собственной внешностью (отсюда увлечения экстравагантными модами) Им не нравится комната, и они пытаются обставить ее самым нелепым образом. Они не удовлетворены школой: учебниками, оценками, учителями, экзаменами. Если у них нет особых талантов, особых интеллектуальных запросов и способностей (а все это встречается очень редко), то они пресыщены системой формального обучения. Они недовольны взрослыми — родителями, учителями, взрослыми в целом — «потому что они нас не понимают» и особенно «потому что они нам не доверяют». Они не понимают, что большинство любящих родителей просто не может «доверять» суждениям и мудрости подростков, входящих в новый и незнакомый мир, о котором у них нет ни малейшего представления и в котором родители могут оказать им лишь незначительную поддержку. Подростки не доверяют родителям, их суждениям и мнениям. Это период взаимного недоверия.

Подростки проходят период болезненного неудовлетворения общественной жизнью. Прежние развлечения более не веселят. Семейные праздники утратили свое очарование. Вечеринки скучны и «не удаются», потому что подростки или никак не могут наладить отношения друг с другом, или слишком развязны, и тогда идут в ход наркотики, вино, беспорядочные половые сношения; не потому, что подростки особенно к этому склонны, — просто они жаждут испробовать новые пути. В самых счастливых семьях подростки сохраняют привязанность к родным, но при этом болезненно переживают внутренний конфликт между семьей и теми социальными отношениями, которые завязываются в этом возрасте.

Эти особенности часто кажутся негативными и мучительными, но они — часть позитивного процесса. Подростки пытаются познать себя, выяснить, какие отношения их связывают с другими — взрослыми, ровесниками, со своим или противоположным полом.

Открытие своего «я» рождает вопросы: «Что я думаю?», «Что я чувствую?» — и более общий: «Кто я?» В детстве мечтаешь стать балериной, космонавтом или чемпионом. Теперь необходимо доказать себе и окружающим, кто ты на самом деле. «Действительно ли у меня замечательный голос?», «Могу ли я стать гениальной артисткой?», «Есть ли у меня задатки великого ученого?», «Выйдет ли из меня футбольная звезда?» Поэтому подросток чрезмерно чувствителен к критике, которая может и обескуражить его, и заставить проявить свои

таланты.

Молодые люди познают себя в процессе отношений с другими людьми. Это всегда двусторонний процесс. Как относится ко мне священник, родители, учителя — и как отношусь к ним я? Меня воспринимают неверно, потому что взрослые видят меня не таким, каков я есть сегодня, — то есть почти взрослым, — а таким, каков был вчера и позавчера, — маленьким ребенком. В этот период серьезному испытанию подвергается любовь родителей и детей друг к другу. Если родители любят своего ребенка не эгоистично, не собственнически, если они всегда радуются его росту, то их любовь легко переживает этот сложный период поиска и испытаний. Но это требует терпения и понимания.

Приобретают важное значение взаимоотношения с противоположным полом. На протяжении многих лет дети говорят о нем, видят по телевизору, в рекламе, читают о нем в журналах. Но то была игра, а не что-то настоящее. И вдруг это становится чем-то совсем другим. Это становится тем, что я ощущаю, что причиняет мне боль или радость. Это по необходимости период вопросов. «Нравится ли мне такой мальчик?» «Нравится ли мне такая девочка?» Это период проб и ошибок, разбитых сердец, разочарований, несурзных трагедий. В лучшем случае эти переживания приводят к более глубокому пониманию себя и своих идеалов, но на этом пути детей поджидает много ловушек.

Помимо этих сугубо личностных взаимоотношений приходится строить отношения и с коллективом сверстников. «Подхожу ли я?» «Нравлюсь ли им?» «Хотелось бы мне присоединиться именно к ним?» Все эти вопросы подросток (он или она) должен решать самостоятельно. В наше время родители оказывают весьма слабое влияние на эту возрастную группу, создавшую свою культуру. Мальчики и девочки сами должны решать, по плечу ли им требования того или иного коллектива.

Многое из сказанного мною во все времена отличало юношество. Просто в нашем обществе эти проблемы приобрели большую остроту.

В результате бурного развития технологической цивилизации последних десятилетий наши дети больше знают о сексе, о социальных и расовых проблемах, о преступности и насилии, науке и технике. Подростки не стали взрослее, чем раньше, но они больше знают, хотя им часто не хватает зрелости, чтобы усвоить эти знания. Они живут в эпоху, когда «общественный строй» «их мира» дискредитирован. Их старшие братья и сестры ниспровергли высокомерные устои «американского образа жизни», и стране нечем гордиться, если перед ней стоят такие неразрешенные проблемы, как загрязнение природы, преступность, насилие. Среди американских политических деятелей они не видят никого, кто бы обратил внимание на их духовные запросы, ответил бы на их поиски истины, на их врожденный идеализм — ни Авраама Линкольна, ни даже Уинстона Черчилля, чье обещание: «Ничего, кроме крови, труда и слез», — вызвало небывалый героизм в английском народе.

Крушение устоев христианской нравственности и семейных традиций в американском обществе началось еще в предыдущем поколении. Неудивительно, что нравственность, покоящаяся лишь на страхе беременности и последующего социального остракизма, оказалась не слишком устойчивой. Общество стало более терпимым; есть «пилюли», так зачем волноваться? Какие знания о «святости брака» могут почерпнуть молодые люди, когда они видят бесчисленные разводы родителей своих сверстников? Эпоха «процветания» в значительной степени определила иерархию ценностей у родителей современных подростков. Слишком большое значение придавалось дорогим автомобилям, виллам, техническим выдумкам и высокому положению в обществе. Дети теоретически отвергают такую культуру, хотя лишены никогда не испытывали. В наше время молодежь очень заметна, ее трудно не услышать, и недовольство старшего поколения часто оборачивается враждебностью. Подростки готовы платить той же монетой, и разрыв между поколениями увеличивается.

Какова же задача Церкви по отношению к подросткам? В принципе, Церковь может предложить им такие духовные ценности, которые молодежь способна сознательно и

свободно принять, поскольку ею достигнут определенный уровень зрелости. Церковь призвана дать им зримый образ и живые ощущения того, чем должна стать жизнь, что такое святость, что есть истина, вера, верность. В Церкви они могут обрести прощение, понимание и любовь, даже в том случае, если они поступили неверно, разочарованы или смущены. По выражению Рональда Гольдмана, подросткам важна «свобода, растворенная в ощущении безопасности». Он пишет: «Вообще все люди, сталкивающиеся с новым явлением и новыми воздействиями, чувствуют себя в опасности, пока не приспособятся к ним. Вот почему подростковый возраст — опасный период. В этом возрасте максимальна нагрузка на человеческую психику, происходит испытание на прочность. Подросток нуждается в свободе для своих экспериментов и исследований, но и в безопасном укрытии, откуда он мог бы совершать вылазки и возвращаться».

Каково же до сих пор положение подростков в нашей Церкви в Соединенных Штатах? Пытается ли Церковь найти с ними общий язык? Конечно, кое-что делается, но практика показывает, что все это неэффективно. Существует множество молодежных организаций, созданных по национальному признаку, предоставляющих подросткам возможность участвовать в общественной жизни, проявлять — пусть даже поверхностно — преданность Православной Церкви. В наше время большинство православной молодежи остается вне этих организаций, хотя 30, 40 или 50 лет назад они возникали совершенно спонтанно. Не отвечают их запросам и воскресные школы, потому что подростки не любят программ, лишь формально предназначенных детям.

Для того, чтобы подростки духовно развивались, необходимо, чтобы их вера стала частью собственного жизненного опыта, их собственного мышления, их собственной нравственной жизни. Этому процессу можно способствовать в открытых и свободных беседах, участием молодежи в церковной жизни, а главное — дружбой с ними.

Размышлять над тем, что вам неизвестно, — бесплодно, а именно таково положение большинства подростков. Они слишком мало знают о христианстве. В молодежных группах важно сочетать свободу и непосредственность выражения с обогащающей мышление открытостью, важно, чтобы подростки больше узнали о христианской вере; тогда деятельность таких групп будет полезной и творческой.

Если подростки поймут, что нуждаются в этих знаниях, они будут лучше усваивать и то, что необходимо знать о Библии и Церкви. Поэтому обучение призвано ориентироваться на проблемы и вопросы, интересующие молодежь. Знания важно преподносить как ответы на их вопросы. Такой подход многого требует от руководителя; он должен не только много знать, но и уметь отыскивать нужные сведения, чувствовать и понимать, что происходит в умах учеников.

Я не считаю возможным предлагать планы учебных курсов для детей старшего возраста, поскольку такие курсы должны строиться в зависимости от данных учителя и интересов конкретной группы. В принципе, подросткам необходима информация по тем же вопросам, что и младшим классам: вероучение, литургия, библеистика, церковная история, духовная жизнь и нравственность; однако обстоятельства укажут, что именно будет полезнее и интереснее в данном случае. Замечательные образовательные возможности открывает молодежный хор с хорошим регентом, если руководитель позаботится, чтобы на каждой песне кратко объяснялось значение отдельных слов, праздников, места песнопений в литургии. Идеальная обстановка для учебы возникает в том случае, если учитель сумеет создать дружескую атмосферу, проявит заинтересованность и заботу о каждом ученике. Подобные группы можно организовать и для молодых приходских учителей и их помощников, чтобы они, готовясь к урокам у малышей, могли убедиться, что правильно поняли содержание, цель и значение каждого урока. Полезно обучение групп подростков-алтарников или инструкторов летних лагерей. Еще одна возможность — обучение иконописи "

Если организуются регулярные классные или групповые занятия, может пригодиться следующий принцип: начинать занятия с вопросов, которые заинтригуют учащихся,

например: «Чем православные отличаются от других христиан?», «Действительно ли я хочу быть православным? Почему?», «Что мне нравится в других религиях?», «Что мне трудно принять в Православии?» Это поможет создать атмосферу взаимного доверия и свободы выражения своих мыслей. Молодые люди должны понять, что учитель ждет от них не правильных ответов, а прежде всего их собственного мнения. Иногда легче получить откровенные ответы, если они подаются в письменной форме, без подписи. Такого рода опрос можно осуществить на первом занятии.

Обсуждение полученных ответов и дополнительных вопросов может протекать по-разному. Можно начать с исторического очерка, объясняющего современное положение Церкви. Можно провести занятия по литургии других христианских и нехристианских исповеданий, сравнивая их с православным богослужением. Можно изучить жизнь одного из святых или просто выдающейся личности. Большую пользу приносят подобные занятия, если они не ограничиваются работой над книгами, а требуют от учеников докладов, исследований, интервью, визитов. Обучение может включать дискуссии, лекции, а также работу учащихся с книгой, внеклассные занятия.

Подростки помоложе по-прежнему могут увлекаться изготовлением плакатов, фильмов, газет, рассказывающих о прошлом Церкви или о библейской истории; но не стоит делать это лишь для того, чтобы только занять чем-то руки ребят. Важно, чтобы все, что они делают, было направлено на выражение какой-то идеи, было выявлением внутреннего смысла.

Для детей как будущих членов Церкви может стать полезной любая работа, требующая общения с другими людьми, принятие на себя определенной ответственности: организация «марша» по какому-нибудь поводу, проведение паломничества или похода; подготовка специальной церковной службы по поводу отдельных событий и т. д.

Важнее всего, как сложатся отношения взрослого-руководителя — священника либо мирянина — с молодежью. Учителю важно завоевать их доверие, стать другом, важно проявлять понимание, симпатию и искренний интерес к личности подростка, но оставаться твердым в своих убеждениях. Именно это ищут ученики: друга — честного, достойного доверия, принимающего их такими, какие они есть, чьи убеждения, как они чувствуют, связаны с их интересами. Основная проблема — найти такого руководителя.

Христианское воспитание в семье

Тем не менее семья почитается «домашней церковью», и задача родителей — стать «священством» в мире. Наша христианская вера должна воплощаться в христианской семье, наша вера призвана проявляться в ежедневной, ежечасной жизни. В приходской школе дети находятся час в неделю, на церковной службе — еще один-два часа, в лоне семьи мы пребываем постоянно, изо дня в день, она влияет на все стороны нашей жизни — личные отношения, приготовление пищи, трапезу, на здоровье и болезнь. В семье проходит вся жизнь ребенка.

Не в моих силах начертать для Церкви план руководства и помощи семье. В этой книге я только пыталась добиться большего понимания того, что такое воспитание христианина в семье, какие проблемы и задачи с этим связаны.

Любовь и семья

Отличительный признак семьи — это любовь, которая лежит в основе ее; семья — зримое воплощение любви нескольких людей друг к другу. Юридическая регистрация не создает семьи; для нее не имеет значение сходство вкусов, возрастов, профессий или число людей. Семья основана на взаимной любви мужа и жены и на любви родителей и детей. Семейная любовь отличается от других проявлений любви. Она экзистенциальна в том смысле, что — в отличие от романтической любви или поклонения идеалу, которые всегда требуют пышных слов и объяснений, — семейная любовь не нуждается в словах. Более того, эта любовь известна абсолютно всем, потому что к тому или иному виду семьи принадлежит

каждый человек.

Христианское понимание семьи и семейной любви не совсем обычно. Оно сходно с тринитарным учением о Боге: человек не может существовать сам по себе; до конца человеком он становится в том случае, если любит других людей. Возможны и исключения из правила — люди могут не любить друг друга, родители могут не любить своих детей, дети могут не любить родителей; но отсутствие любви — это всегда извращение подлинной природы семьи.

Муж и жена

Отношения между мужем и женой весьма разнятся от романтической влюбленности, которая напоминает большую волну, снимающую лодку с песка. В этих отношениях оба супруга должны отречься от своего «я». Они становятся частицей нового единства. Оба призваны стать счастливыми, чтобы был счастлив один из них; если один несчастен, несчастны оба. Самостоятельных решений больше быть не может. Беда одного становится общей бедой. Что бы вы ни делали, все касается и другого. В браке двое в буквальном смысле становятся одним.

Трудность в том, что любовь не равнозначна симпатии. Всегда остаются какие-то черты характера, которые не нравятся супругам друг в друге, например высокомерие, лень, болтливость, беззаботность, привычки и вкусы, приобретенные до брака, манерность и т. д. Иногда муж и жена действуют друг другу на нервы. Как же совмещать любовь с антипатией к чужим недостаткам? Семейная жизнь имеет характер постоянной «притирки», можно сказать — «аскезы», и опытные монахи говорили мне, что семейная жизнь требует от человека куда больших аскетических усилий, чем жизнь в монастыре. В других социальных группах вы можете избежать встреч с раздражающим вас человеком. Вы можете взять себя в руки и на некоторое время стерпеть чужие недостатки; но в семье некуда скрыться. Каким бы вы ни были, вы обязаны уживаться с другими членами семьи, каковы бы они ни были. Христианская семья («домашняя церковь») появляется в том случае, когда «уживание» становится воплощением христианской веры, надежды и любви.

Тринадцатая глава Первого послания к коринфянам навсегда останется лучшим учебником любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всегда надеется, все переносит...» Любой христианской семье требуются долгие годы, чтобы приблизиться к этому идеалу любви, чтобы так решать все проблемы.

Я убеждена, что любовь и гнев могут сосуществовать. Если вы никогда не сердитесь, значит что-то неладно в вашей любви. Муж и жена любят друг друга, считают другого достойным любви, и поэтому не могут оставаться равнодушными к тому, что противоречит такому отношению. Иисус разгневался на торговцев в Храме именно потому, что любил людей, т. е. и этих самых торговцев. Гнев, порожденный любовью, — необходимейший элемент супружеских отношений; брак — это не общество взаимного поклонения. Скажу более: я не вижу ничего дурного в боязни разгневать мужа или жену. В каком-то смысле супруги становятся совестью друг друга. Но их гнев — не озлобленный и не раздраженный. Он быстро улечивается, и наступает час примирения, прощения; пробуждается сочувствие к обиженному.

Любовь к детям

Семья растет, у нее появляются новые измерения и перспективы. В браке люди покидают состояние одиночества, становясь частью друг друга; после появления детей родители все больше отдают себя им, так что иногда возникает чувство потерянности в круговерти семейных забот и обязанностей. Каждый из членов семьи призван отыскать себя, личность любящего должна стать сильнее и богаче прежней. «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24). Это подлинная аскеза семейной жизни — трудная и мучительная. «Я» каждого из родителей ущемляется, ломается, подавляется нуждами других членов семьи. Христиане и

не-христиане одинаково проходят через это испытание. Бессонные ночи, физическая усталость, скованность, беспокойство — всего этого не избежать. Отец может почувствовать себя заброшенным из-за того, что жена стала больше внимания уделять материнским обязанностям. Ущемление своего «я» может переживаться болезненно, с горечью. Христианство учит, что добровольная жертва хотя бы частью гипертрофированного «я» может стать началом созидания нового, лучшего человека. Наряду с готовностью принести в жертву часть своего «я» развивается не менее сильное желание познать «я» других, понять потребности их личностей, взгляды на жизнь, их способности.

Чтобы глубже осмыслить отношения с собственными детьми, родители нуждаются в духовном руководстве и творческом вдохновении. В основе этих отношений — любовь, полная ответственности, включающая авторитет и уважение, а также стремление понять личность ребенка. С христианской точки зрения родительская любовь обладает эмоциональной полнотой любви, важно, чтобы она не становилась эгоистичной. В идеале она совершенно бескорыстна, и образец этому — любовь Божией Матери к Иисусу Христу. Родители не должны считать свою любовь неким подарком ребенку, который, в свою очередь, должен быть благодарен им, как за благодеяние. Когда я слышу жалобы родителей на неблагодарность детей, я начинаю сомневаться в их любви. Любовь матери к ребенку наполняет ее жизнь, обогащает ее. Это любовь к чему-то большему, чем она сама, к тому, что ей уже не принадлежит. Ребенок вырастает и уходит от родителей. Жертвенный, христианский смысл родительской любви состоит в признании этого факта, в радостном согласии с правом ребенка на независимость. Образы Авраама и Исаака и сегодня образец для родителей, которые жаждут посвятить жизнь ребенка Богу — не прервать его жизнь, а подчинить ее больше Богу, чем самим себе. По-моему, это прекрасно выражено на иконах Богоматери с Младенцем, прямо сидящим на Ее коленях: Ее руки обнимают Его, не прижимая к Себе.

Любовь детей к родителям и родным

Любовь детей к родителям меняется со временем, и сложность заключается в том, что ребенок с возрастом отчуждается от родителей. Родителям необходимо и приятно сознавать, что маленький ребенок совершенно зависим от них, почитает их всемогущими. Однако нормально развивающийся ребенок проходит через этапы роста: он обретает независимость и становится способным к мятежу. В лучшем случае со временем устанавливаются нормальные дружеские отношения, полные взаимного уважения; позже сменяются сопереживанием, привязанностью и благодарной любовью взрослых детей к состарившимся родителям.

Отношения «любви-ненависти» между братьями и сестрами — в некотором роде модель наших отношений со всеми людьми. Обычно считается, что братья и сестры должны любить друг друга. В какой-то степени это верно, но всем известны совершенно противоположные чувства, проявляющиеся среди родственников. Дети, искренно любящие друг друга и привязанные к семье, могут отчаянно ссориться друг с другом. Они часто вполне серьезно говорят: «Я ненавижу его...», «Я убью ее...», «Я никогда не буду с ним разговаривать...». В каком-то смысле это вполне естественно, почти неизбежно. В процессе развития подрастающий ребенок сердится, и это столь же нормально, как для младенца — кричать, когда он голоден. Многие родители говорят: «Ладно, пускай накричится, тише будет!» и в этом есть свой резон: чем сдерживать гнев, пусть лучше подерутся или всласть поругаются — тогда можно все забыть и простить.

Но есть и обратная сторона медали. Вопль младенца может быть симптомом голода. Мать пытается кормить его по расписанию, чтобы у малыша не возникало причин кричать. Если ссоры и гнев — симптомы внутренних потребностей, такие потребности важно распознавать и удовлетворять как-то иначе. Если ссора свидетельствует о том, что не все в порядке, то родители или воспитатель призваны понять, в чем дело, а затем помочь ребенку постепенно справиться с трудностями. Гнев — это способ продемонстрировать, что не все в отношениях с другим человеком мне нравится. «Я хочу, чтобы эта игрушка, стул, чашка,

этот человек были моими, чтобы похвалили меня, — а он все это присвоил себе!» Конфликт завязывается из-за желания иметь. Его причиной может стать потребность в любви: «Я ударил его, потому что он не хочет разговаривать со мной!» Причиной конфликта может стать неумение решить проблему, желание быть постарше или моложе, покрасивее или, наоборот, не таким хорошеньким, или более авторитетным. Ссора может быть проявлением ревности, попыткой определить свою позицию, свою роль, решить «кто главнее».

Эти и подобные им проблемы неисчислимы, они сопровождают нас всю жизнь. Цель воспитания — особенно христианского — помочь человеку вырасти и сформироваться, выработать творческое, действенное и «доброе» отношение к таким проблемам. Старый принцип — «учиться на практике» — остается в силе. Если привычка решать все проблемы, сердясь на другого, закрепится, из ребенка вырастет инфантильный взрослый, который будет выходить из себя по пустякам.

К ссорам и дракам детей, надо относиться как к симптомам болезни. Подавление этих симптомов не поможет, хотя, конечно, необходимо научить ребенка сдерживаться: нельзя позволять детям калечить друг друга или делать жизнь невыносимой для окружающих. Симптомы важны, если они помогают выявить и излечить болезнь. Многие подсознательные причины ссор — например, страх перед наказанием или боязнь не справиться с заданием — в нормальной, любящей семье устраняются по мере развития ребенка. Но этот процесс можно ускорить. Ссору можно «охладить», если развести бойцов и попросить каждого объяснить, что и почему произошло, не перебивая друг друга. Обычно сам процесс нахождения нужных слов для выражения сути конфликта (если детей не перебивать и не спорить) снимает раздражение. Ссора угасает сама собой, и не требуется даже формальных извинений. Более того, и тот, кто говорит, и тот, кто спокойно выслушивает, глубже осознают причины ссоры: ревность, одиночество, чувство отверженности или что-то еще. Родители получают возможность помочь ребенку понять, каково его место в семье и жизни, каков он сам. «Да, ты младший, а раз ты младший, значит...», «Да, ты девочка, а это значит, что ты можешь делать некоторые вещи, которые мальчики делать не могут...», «Ты у нас старший, поэтому то-то и то-то делать трудно, но зато...»

С другой стороны, ссоры и раздражение детей могут привлечь внимание родителей к причинам, которыми они вызваны и которыми необходимо заняться. Важно уделять больше внимания ребенку, который чувствует себя заброшенным; можно исцелить комплекс неполноценности, открывая в нем способности и дарования, на которые раньше не обращали внимания. «Заводиле» нужно внушить чувство большей ответственности за свои поступки.

Я глубоко убеждена в том, что воспитывать всегда лучше примером, действием, отношением к ребенку, а не словами. Читать нотации бесполезно и может быть даже вредно, если это учит ребенка скрывать подлинные побуждения и чувства словами, которые им не соответствуют.

Основная цель христианского воспитания в семье — научить детей понимать, что есть добро, что значит быть добрым. Для них «добро» — это состояние счастья, радости, внутреннего мира и любви к другим людям. Как сказал апостол Петр в момент Преображения: «Хорошо нам быть здесь!» Фундамент христианской жизни будет прочным лишь в том случае, если дома детей научили стремиться к добру, если они на практике узнали, «что такое хорошо».

«Родня»

Современное общество склонно ограничивать рамки «семьи» родителями и детьми. Вряд ли мы можем что-нибудь изменить, но необходимо, по крайней мере, признать важность родственных уз в христианской среде. Для детей семья и родители — это весь мир. Отношения с родителями неизбежно носят эгоистический характер, потому что родители обеспечивают детей, управляют их жизнью. Дети — это ось, вокруг которой вращается жизнь родителей. С другой стороны, отношения с бабушками и дедушками, тетями, дядями и двоюродными братьями и сестрами гораздо сложнее. И здесь существует привязанность, принадлежность друг другу, но связь эта ослаблена. Существенное различия в образе жизни.

Для детей это незаменимая возможность вступить в качественно новые отношения с людьми. Дядя, например, может быть большим оригиналом и вести себя совсем не так, как родители; бабушка, или прабабушка, может быть инвалидом и требовать большего внимания, чем сами дети и т. д. Хотя время крепких семейных кланов прошло, важно постараться поддерживать отношения с родственниками, не забывая о них, — перепиской, посещениями, празднованием семейных дат. Имеют право на существование и семейные альбомы. Любящие, дружеские отношения с родственниками воспитывают и облегчают переход от узкого семейного круга к полноправному участию в жизни общества.

Мировоззрение семьи

Одной из самых важных сторон жизни семьи является понимание жизни, ее смысла, счастья, «иерархии жизненных ценностей» — другими словами, всего того, из чего складывается мировоззрение. Я считаю, что это вопрос не только веры или идеологии, но нечто более загадочное и глубокое. В «смешанных браках» трудно добиться единой точки зрения, но часто ее нет и в том случае, когда муж с женой лишь формально принадлежат к одной Церкви. Но я знаю случаи, когда в браке поистине воплощался союз любви, причем «единство» супругов, их общие взгляды на жизнь органически сочетались с уважительным отношением к инакомыслию любящего человека.

Единое мировоззрение основано на общем понимании счастья, а в христианской семье — на христианском понимании счастья. Человек по природе хочет быть счастливым. Многие антихристианские течения спекулируют на этом стремлении человека к счастью. Даже реклама в метро обещает нам всевозможное счастье и мир духовный, если только мы купим ту или иную вещь, сделаем то-то и то-то (даже если посетим «церковь, которая нам нравится»). Человек рождается со стремлением к счастью, с инстинктивным ощущением того, что жизнь должна стать счастливой, что если мы не счастливы, значит не достигли своей цели. Это, быть может, что-то вроде подсознательной памяти о жизни человека до грехопадения.

Об этом хорошо написал ныне покойный архиепископ Пражский Сергей в серии статей «О Благобытии» [2]. Говоря о человеческой ностальгии по счастью, он отмечает, что «несчастливыми мы себя чувствуем лишь в том случае, когда принимаем временное господство сил зла за наше подлинное «я», за истинную природу нашей личности. Другими словами, мы несчастны, когда принимаем зло за неотъемлемую часть подлинного своего «я»" [3]. Эта ошибка заставляет нас спотыкаться в словах и поступках. В отношениях с людьми мы тоже порою склонны отождествлять их подлинную природу и характер со злом, которые в них видим; обращаемся с ними так, как если бы зло было естественной частью их личности, если бы они были злы. Повседневная жизнь и особенно жизнь семейная — это возможность установить отношения с подлинным «я» в человеке. Она помогает добраться до подлинной сути личности, отказаться от отождествления всего неподлинного, временного и злого с истинной сущностью любимого человека. Каждый день жизни дается нам для того, чтобы обрести хотя бы частицу добра и радости, которые являются сутью вечной жизни. Чтобы обрести добро в жизни, мы призваны каждую минуту быть творцами. Радостное

преображение мира возможно только в творческом преодолении злых наваждений. Побеждая грех, мы обнаруживаем добро, а обнаруживая добро — приобщаемся к вечной жизни [4]. Епископ Сергей предлагает учиться, чтобы находить доброе в людях и в жизни, чтобы побеждать зло.

Я подробно остановилась на мыслях епископа Сергея, потому что считаю их непосредственно относящимися к задаче созидания христианского образа жизни в семье и глубоко проникающими в суть проблем. Они вскрывают корни взаимного (и зачастую «оправданного») недовольства мужем или женой; причины, по которым вкусы, мнения и желания детей не нравятся родителям; причины антагонизма между детьми и родителями и между самими детьми. Эти мысли точно указывают суть различий между «счастливыми» и «несчастливыми» семьями.

Родителей важно учить христианскому пониманию счастья как «блаженства»,

«благобывтия», в духе Нагорной проповеди, а родители, в свою очередь, призваны учить этому детей — в том числе и личным примером. Блаженство — это состояние любви, общения в любви, доверия (секуляризированное общество заменяет этот термин понятием «обеспеченности»), свободы развиваться и реализовывать полученные от Бога творческие способности. К сожалению, представление многих мирян о христианстве лишено этого чувства радости и блаженства; напротив, христианство порою предстает как формальный набор обязанностей.

Мне кажется, что христианское воспитание самих родителей состоит не в том, чтобы заставлять их соблюдать церковные установления, приводить детей в воскресную школу и т. д., — а раскрыть перед ними смысл основных жизненных реальностей. Понять истинную природу своих обязанностей, своего долга родители могут, спрашивая себя: «Что такое счастье?», «Что такое грех?», «Что они означают для нас?», «Что такое любовь?», «Что означают для меня мои дети?», «Чего я хочу для них?» Конечно, необходимо соблюдать правила и нельзя преступать законы, но прежде всего родители должны руководствоваться пониманием смысла жизни.

Дисциплина в семье

У любви есть еще одно проявление — дисциплина, этот «крест власти», который призваны нести родители. Дисциплина прежде всего означает признание порядка, сложной структуры власти и послушания, которая создается в семье. Это и подчинение жены мужу (что, мне кажется, гораздо тяжелее для мужа, чем для жены, и чаще всего именно муж не в силах вынести такой порядок), и уважение мужа к жене (1 Петр. 3) [5]. Иерархический принцип осуществляется и в семейной дисциплине. Например, разногласия между мужем и женой возникают в том случае, если подвергаются опасности ценности более важные, чем их взаимоотношения, — принципы и убеждения, которыми невозможно поступиться. Возникают ситуации, при которых действия одного из родителей разрушают личность детей. Но если дисциплину приходится нарушать, то только ради подчинения ценностям высшего порядка, то есть ради послушания высшего порядка.

Дети прекрасно понимают, насколько искренне родители соблюдают принятые дисциплинарные правила — будь то регулярное посещение храма, доброжелательство и гостеприимство, воздержание от курения или алкоголя. Христианский быт строится на исполнении закона как действенного принципа, как жизненной позиции, а не пустой формальности или безжизненного обряда. Только в такой атмосфере ребенок может научиться дисциплине.

Ребенок учится дисциплине с первых месяцев жизни, когда его защищают от незаметной для него опасности. «Не выбегай на улицу!» «Не трогай!» «Не лезь сюда!» Иногда ребенка приходится останавливать силой. Разумный родитель не станет требовать от маленького ребенка послушания, если его необходимо добиваться силой, — например, просить поцеловать тетю, если этого ребенок не хочет. Впрочем, очень рано в послушании начинает играть главную роль решение самого ребенка — слушаться или нет: «Мама сказала этого не делать. А что будет, если я все-таки сделаю? »

Важно именно на этом этапе, чтобы в доме установилась общая атмосфера дисциплины. Все должно быть четко разграничено: что нельзя и что можно, за что всегда (а не под горячую руку) накажут, должна царить четкая иерархия ценностей. Если непослушание ребенка повлекло за собой какое-то происшествие — разбил вещь, разлил воду в ванной — можно его наказать или побранить за непослушание. А если это же происшествие вызвано неловкостью или желанием помочь, наказывать и бранить нельзя. Одна старая няня, всю жизнь возившаяся с детьми, рассказывала о двух семьях, в которых ей пришлось работать: «В одной все запрещалось, а на самом деле можно было делать все, что хочешь. В другой можно было делать все, но уж если что-нибудь было нельзя, так взаправду нельзя».

Чем старше ребенок, тем важнее для него понимание иерархичности дисциплины. Родители-христиане могут помочь детям понять, что в основе всякой дисциплины лежит

один принцип: «Да будет воля Твоя», а не принцип родительского «я так хочу».

В идеале четкая структура дисциплины должна сочетаться с пониманием мотивов детского поведения; не стоит распускать детей, страшась, что они перестанут вас любить, если вы будете требовательны к ним.

Важно заметить разницу между принятием дисциплины и обязательных правил и попытками–родителей навязать детям свои вкусы, чувства, настроения и переживания. Возможно, что запрещение смотреть телевизор в Страстную пятницу вполне разумно, но переживают ли при этом дети то же, что их родители, — другой вопрос. Этого нельзя требовать, навязывать. Можно только надеяться, что в свое время ребенок поймет это сам. В семьях многих священников дети на той или иной стадии развития враждебно относятся к религиозным идеям и чувствам, потому что их «перекормили» разговорами на эти темы. Ребенок художника может искать разрядки в яростном увлечении спортом. Эмоционально чуткая, идеалистическая мать может не понять дочь, поглощенную своей наружностью, модой, светской жизнью. Сколько бы мы ни рассуждали об идеалах и чувствах, мы не сможем навязать их ребенку, вложить в него угодные нам чувства.

Подводя итоги этой теме, мне хочется так сформулировать основные требования семейной дисциплины:

Вся семья, включая родителей, должна следовать одним и тем же правилам и запретам.

Родители устанавливают простые, четкие правила поведения и закрепляют их своим собственным постоянным чувством ответственности за порядок семейной жизни.

Родители любовно пытаются понять причины поведения ребенка, его точку зрения, его вкусы и личность.

Родители ясно сознают, чего можно достичь с помощью дисциплины, а что выходит за пределы ее компетенции и не может быть навязано принуждением.

Домашняя молитва

Можно ли научить молитве? Молитва — это беседа с Богом, это «стояние перед Богом», для молитвы необходимо искреннее усердие человека с помощью благодати Божией. В каком-то смысле молиться учат так же, как учат говорить. Существует врожденная способность к речи; но должно быть и то, о чем нужно сказать, и обладание искусством речи. В семье ребенок учится говорить, общаться с другими людьми, и в семье же может «научиться» молитве. Сначала ребенок молится с другими, приобретает привычку ежедневно молиться, а затем молитва может стать живым опытом, сначала детским, а потом и вполне взрослым. Я упоминаю о разных видах молитвы, чтобы родители поняли, чего они хотят: заучивать молитвы, конечно, же полезно, но это не есть обучение молитве.

Лучший способ приобщить ребенка к опыту молитвы — это молиться вместе с ним. Все начинается с молитвы родителей над новорожденным; для матери это, возможно, величайший молитвенный опыт. С этой минуты и закладывается основа для ежедневного участия ребенка в молитве.

Обычно первая молитва ребенка — это просьба («Господи, пожалуйста...»), когда ребенок составляет длинный список имен, которые ему хочется упомянуть. Очень важно, чтобы родители действительно молились с ребенком. Первый опыт разговора с Богом для ребенка очень важен. Тем самым он подтверждает, что Бог есть, и ему важно связать с этим открытием имена людей, которых он знает и любит. В этом возрасте ощущение присутствия Бога вполне естественно. Когда ребенок подрастет, можно научить его благодарственной молитве («Благодарю Тебя, Господи...»); родители могут помочь ребенку вспомнить самые радостные события дня.

В православных семьях обычно прежде всего выучивают молитву «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь», которую произносят при крестном знамении. Молитва эта соединена с действием, которое малышам кажется игрой; она коротка и полна смысла даже для взрослых, только не забудьте объяснить ребенку когда он станет старше, смысл молитвы. Поэтому она кажется мне лучше, чем «детская молитва» в форме стихов, тем более что сочиняют их не сами дети, и, повзрослев, они станут стыдиться таких молитв.

Труднее выработать верное отношение к длинным молитвам. Нельзя игнорировать сокровищницу молитв великих святых, которая собрана в наших молитвословах. Но когда слышишь, как ребенок восьми–девяти лет торопливо бормочет «Отче наш», сомневаешься, можно ли считать, что он научился молиться.

Можно предложить ребенку заучить одно выражение, одно предложение, но он должен глубоко вникнуть и понять его. Объяснить молитву можно при помощи простых понятий («Это молитва Святому Духу, Который дает нам жизнь...»). Дети заучивают короткую фразу: «Царю Небесный, Утешителю, прииди и вселися в нас!» В течение года эту молитву можно дополнять и расширять, пока, наконец, ребенок осмысленно не запомнит всю ее целиком. Так же можно поступить с молитвами, посвященными праздникам: ограничиться сначала ключевым предложением или первыми словами, чтобы дети смогли узнать это песнопение в храме.

Время молитвы, каким бы оно ни было непродолжительным, должно протекать в неторопливом, спокойном общении родителей и ребенка. Родителям, может быть, труднее всего соблюсти именно это правило, но оно стоит усилий. Достаточно десяти минут, чтобы прочесть или рассказать короткую повесть из Священной Истории, объяснить смысл молитвы, поговорить о том, что случилось днем. Я уверена, что самое важное в процессе обучения ребенка молитве — ежедневное непродолжительное и неторопливое общение с ним. В этот краткий период необходимо прививать привычку молиться, привычку «стоять перед Богом». На практике легче подольше помолиться перед сном и очень быстро — может, даже просто перекреститься и попросить у Бога благословения на грядущий день — утром, без родителей.

Домашние молитвы не должны ограничиваться лишь утренним и вечерним правилами. Молитвы перед едой теперь почти исчезли из семейного быта, потому что исчезает самое понятие о еде как поводе для сбора семьи. Вместо завтрака каждый что-то перехватывает, убегая на работу или в школу; второй завтрак обычно берут с собой, а во время обеда родители рады, если дети с тарелками усаживаются перед телевизором. Изменить это, быть может, нельзя, но, по моему мнению, каждая семья должна хотя бы изредка собираться за столом — во всяком случае, по воскресеньям и праздникам. В разных семьях перед едой молятся по-разному: где лишь крестятся, где-то читают молитву, а где-то и поют. Важно хотя бы на короткое время собраться вместе, почувствовать присутствие Божье в нашей жизни.

Другой повод для общесемейной молитвы — когда кто-нибудь уезжает из дому. По русскому обычаю все домашние на минуту присаживаются и молчат, а затем крестятся. Вообще, крестное знамение, которым благословляем кого-нибудь, — это прекрасная, краткая и молчаливая молитва, и у родителей часто находится повод, чтобы именно так благословить своего сына или дочь. В любой день рождения, на именинах или годовщине можно пропеть «Многая лета!»

Все стороны семейной жизни должны пройти проверку на прочность. Уцелеет обычай простой, искренний, не надуманный. Не является исключением и семейная молитва; и для христианской семьи необходимо обрести способ ежедневно замечать присутствие Бога в нашей жизни.

Праздники

Еще одна сторона церковной жизни тесно связана с семьей. В деле христианского воспитания важны домашние традиции, связанные с праздниками и постами. Церковные праздники для детей — настоящее торжество, если их отмечают и дома. Только дома ребенок получает подлинное удовольствие и радость в праздничный день. Праздничная литургия совершается в храме, значение праздника объясняют в школе, но праздником для детей он становится дома. Может быть, поэтому церковные праздники отмечаются все скромнее. Раньше в крестьянском быту церковные праздники были связаны со всем укладом жизни. Я еще помню многие традиции, соблюдавшиеся, когда я была маленькой: на Троицын день дома украшали зелеными ветками, на Преображение благословляли первые

плоды, на Благовещение выпускали из клеток птиц, на масленицу пекли блины и катались на санях. Некоторые традиции стали частью нашей жизни в США: обед в День Благодарения [6], елка на Рождество и подарки на Новый год, освящение воды и домов на Крещение, ограничения в еде Великим Постом, кулинарные хлопоты перед Пасхой и разговление в пасхальную ночь. Православие в Америке призвано беречь такие традиции и создавать свои, столь же красочные, и так же отвечающие современным нуждам, как и традиции «прежней Родины». Это может помочь излечить худосочие нашей церковной жизни.

Вот где вполне уместна инициатива отдельных семей и родителей. Я слышала о двух замечательных случаях. Одна бабушка–гречанка была расстроена тем, что у детей в Нью–Йорке дома нет лампадки и, стараясь сохранить огонек пасхальной свечи, которую она принесла домой из храма, зажгла от нее конфорку газовой плиты. Другой бабушке очень хотелось, чтобы дети почувствовали праздничное настроение в день Рождества Богородицы. Родители внуков были на работе, сами дети — в школе; в храм пошли только бабушка и дедушка. К возвращению детей из школы бабушка сменила икону на кухне иконой Богородицы, зажгла перед ней лампаду, испекла пирог с надписью: «С днем рождения!» и поставила его на стол. Удивленные дети спросили, у кого день рождения, и этот вечер стал для них настоящим праздником.

Ответственность семьи за христианское образование

Христианская семья призвана передавать знания о своей вере детям — прежде всего малышам, которые именно дома узнают о Боге, о жизни Иисуса Христа на земле, о молитве и церковном богослужении, о праздниках и великих святых. Помощь необходима многим родителям: они сами знают далеко не все и не всегда понимают, как необходимы эти знания их детям. Важно научить их отличать основные истины, сущность нашей Православной веры от второстепенных традиций и народных обычаев (которые, например, запрещают кроить по воскресеньям). В этих традициях нет ничего плохого, но они подменяют суть веры, если им придается первостепенное, сверхъестественное значение. Мне кажется, что семья должна прежде всего вникнуть в христианское представление о Боге: что означает для нас Его присутствие, Его власть, Его любовь, Его попечение, Его справедливость. От родителей дети могут узнать некоторые библейские, особенно евангельские рассказы, простые молитвы, первые сведения о церковных службах, которые посещает семья, получить представление об основных праздниках (Рождество, Крещение, Вербное Воскресение, Страстная Неделя, Пасха, Троицын день).

У детей старшего возраста важно пробудить интерес к религии. Родители не могут всего знать, но должны интересоваться многим, проявлять любознательность, искать ответы на вопросы детей. Неожиданный разговор, возникший как ответ на вопрос ребенка или как реакция родителей на необычную или неприятную ситуацию, — важные средства воспитания. Мне кажется, родителям необходимо отказаться от желания выглядеть перед детьми всезнайками. Будет лучше, если они сообща с детьми станут искать ответы на вопросы, размышлять над проблемами. Не может ответить на все вопросы и приходской священник, и, я думаю, развитию ребенка больше всего помогает желание узнать что–то новое: «Ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7).

Подведем итоги. Чтобы стать подлинно христианской, семья призвана относиться к жизни, ее ценностям и проблемам в свете христианской веры; а это может и не совпадать с обычным благочестием родителей. Христианская семья как внутри себя, так и за ее границами призвана к стяжанию такой любви, какая описана в первом послании к Коринфянам, 13. Христианская семья должна быть пронизана обязательной для всех дисциплиной, в ней должна царить христианская иерархия ценностей. Повседневная рутина в христианской семье пронизана светом Божественного присутствия — оно проявляется и в семейной молитве, и в церковных традициях и праздниках. В христианском доме разум, таланты и дарования ребенка призваны развиваться, поскольку христианство сознает огромную ценность человеческой личности.

Учитель

Приходскому священнику важнее всего подобрать талантливых учителей для церковной школы. Такой учитель должен отвечать трем условиям:

1. Он должен иметь хотя бы минимальный, но подлинный опыт участия в церковной жизни. Другими словами, его православная вера может быть несовершенной, но должна быть искренней.

2. Он должен находить общий язык с детьми.

3. Он должен обладать способностями к развитию и совершенствованию как педагог.

Важны все три качества, хотя у разных кандидатов, естественно, они развиты не равноценно. Многие миряне, искренне желающие послужить Церкви, не решаются обучать детей вере, потому что не чувствуют себя достаточно подготовленными. В этой главе я попытаюсь описать, на основе собственного долгого опыта работы в церковной школе, что требуется от учителя.

Учитель как личность

Преподавание часто связано с ущемлением самолюбия учителя и чувством неудовлетворенности собой. Поэтому учитель должен верить в себя и свое призвание — а эта вера парадоксальным образом требует глубокого смирения. Только смирение приносит мир душевный. Вы не преувеличиваете свои способности, не считаете себя гением. Вы считаете естественным, что нравитесь не всем ученикам, что даже лучшие ваши уроки захватывают не весь класс. Смирение поможет вам чрезмерно не расстраиваться из-за случайных педагогических неудач: «А кто я такой, чтобы быть хорошим учителем? Стоит попробовать еще раз». Как учитель вы ответственны за руководство классом и за поддержание в нем дисциплины; смирение избавит вас от пустой суеты, от жалоб раздраженного и ущемленного «я».

Учитель призван сознавать ограниченность своего влияния на детей. Он не может стать психиатром, поскольку у него нет необходимой подготовки и соответствующих знаний о прошлом ребенка. Его общение с ребенком, ограниченное церковной школой и мероприятиями, связанными с нею, — это лишь часть жизни ребенка. Общение с ребенком ограничено, и учитель призван напрячь все силы, чтобы понять причины и смысл поведения ученика (застенчивость или озорство, безразличие или лень), чтобы подобрать к нему ключик. Но он должен сознавать пределы своих возможностей и не считать себя всемогущим. Тем не менее наши детские воспоминания говорят, что иногда случайное слово или поступок учителя способны произвести незабываемое впечатление.

Учитель должен знать как свои таланты, так и свои недостатки. Одни учителя — прекрасные рассказчики и

умеют приковать внимание всего класса; другие, напротив, умеют пробуждать детскую энергию и одарены особой наблюдательностью к способностям детей. Одни превосходно объясняют самые сложные вещи, другие — неплохие художники или музыканты. Учитель должен хорошо знать, на что он способен и как эти способности лучше использовать.

Важнее всего для учителя — умение любить детей. Однако необходимо уяснить, что мы понимаем под «любовью». Вряд ли любит детей тот, кто называет их «очаровашками» или «ангелочками», или тот, кто любит всех детей одинаково. Напротив, естественно, когда один ребенок нравится больше, а другой меньше. Мне вновь приходится напомнить апостола Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит всего надеется, все переносит» (1 Кор 13, 4–8). Я часто примеряла это определение к возникающим в классе ситуациям. Радоваться ли, когда оказывается прав заносчивый и несимпатичный ученик? Надеяться ли, что благодать Святого Духа коснется самого безнадежного паяца в классе? Гордиться ли тем, как ты преподаешь? Уважать ли каждого ребенка, быть ли вежливым со

всем классом? Несомненно и то, что именно такая любовь преобразует учителя, обогащает его жизнь, и он перестает быть «медью звенящей и кимвалом звучащим». Учитель возрастает как личность, если он по-настоящему любит детей.

Еще одно важное для учителя качество — его интерес к жизни, его увлечения и любознательность. Человек, поглощенный лишь жизнью прихода, никогда не станет хорошим учителем. Подобная замкнутость означает, по-видимому, что наша христианская вера не соприкасается с жизнью общества. Дети среднего и старшего школьного возраста особенно уважают людей, хорошо овладевших какой-то профессией, — будь то сфера науки, искусства, техники или спорта. Даже хобби или увлечение взрослого помогает преодолеть секуляристское отделение религии от полноты жизни. Поэтому и необходимы учителя из мирян. Молодежь считает само собой разумеющимся, что священник верит в Бога и Церковь. Но если о вере им рассказывает инженер или профессиональный художник, то эффект гарантирован, даже если богословски он подготовлен недостаточно (лишь бы он не был чрезмерно самоуверен).

Краткий итог: влияние учителя на учеников определяется прежде всего его личностью, примером его «я». Задатки хорошего учителя есть у того, чья вера — пускай несовершенная — искренна и неподдельна, кто возрастает в вере (а не коснеет), кто отличается широким кругозором, живой заинтересованностью, смирением (на практике это часто равнозначно чувству юмора), любовью и добросовестностью.

Общение с детьми

Этот врожденный дар есть не у каждого, а без него трудно стать хорошим учителем. Однако способность к такому общению можно развить. Умение общаться с детьми — это прежде всего умение увидеть их такими, какие они есть на самом деле; определить уровень, на котором с ними можно общаться. Если с этой точки зрения прочесть Евангелие, мы увидим, что именно так Христос общался с людьми, которых Он учил и которым служил. Для готовящегося стать учителем очень полезно бывает остаться с одним или несколькими детьми, которые чем-нибудь занимаются или играют, не для того, чтобы их учить, а просто понаблюдать за ними, стараясь узнать как можно больше о каждом из них — об их мыслях, вкусах, чувствах. Это весьма полезное упражнение, которое стоило бы включить в курс подготовки учителей.

Когда мы работаем с классом, необходимо делать записи о каждом ребенке, о реакции детей, их поведении и участии в работе класса. Такие заметки помогут учителю наладить общение с каждым ребенком. Слишком часто мы увлекаемся содержанием урока, стремимся перегрузить детей информацией. Внимание обращаем лишь на тех учеников, которые нам помогают, а пассивные выпадают из поля зрения. А ведь внимания учителя, общения с ним значительно больше требует ребенок робкий, замкнутый или безалаберный хулиган. Помогают такие заметки потому, что мы обычно забываем то, что происходило в прошлое воскресенье. Если нужно было побранить ребенка, упрекнуть его или призвать к порядку, то после этого обязательно важно найти случай похвалить его. Если застенчивый ребенок сказал или сделал что-то дельное, к этому стоит несколько раз вернуться на протяжении урока, чтобы подчеркнуть ценность сделанного, — просто похвалить недостаточно. Встречаются дети, которым тяжело включиться в общую работу, они портят общее дело. Им можно дать индивидуальное задание, которое необходимо выполнять в одиночку, но которое является частью общей работы.

Что бы ни делал учитель, какие бы «хитрости» ни использовал, чтобы заинтересовать учеников, его духовный рост как воспитателя в значительной степени определяется стремлением глубже узнать детей, приблизиться к ним, увидеть мир их глазами.

Руководство группой и работа с ней

В основе преподавания лежит умение общаться с отдельными детьми, но при работе с классом требуется нечто большее. Сейчас уже не пользуется почетом дисциплина, требовавшая от класса полного молчания и абсолютного спокойствия. Теперь главный упор делается на творческое участие учеников в уроке, на «обучение делом», на «открытом»

классе. Такое обучение требует от учителя гораздо большего и легко может выродиться в хаос, повергающий в изумление учеников, учителя и родителей. Одна моя знакомая, очень способная учительница, пришла неподготовленной в класс, который еще не привык к самостоятельному труду и не сдружился в работе. Недолго думая, она решила устроить вместо урока игру, надеясь сблизить между собой детей. Одна группа детей отнеслась к этой идее с восторгом, зато две других ушли, не желая участвовать в игре. В итоге урок не состоялся, игра своей цели не достигла, а родители, которые издалека везли детей в церковную школу, довольно мрачно наблюдали за бестолковой игрой, чувствуя, что время тратится впустую.

Творческие занятия с группой требуют тщательного обдумывания и подготовки. Прежде всего, учителю должна быть совершенно ясна цель и задача каждого урока: надо от этого места, где мы сейчас, добраться до следующего. Например, в шестом классе изучают Таинства, и на прошлом занятии начали изучать Таинство крещения; ученики принесли свидетельства о крещении, обсудили значение членства в Церкви. Цель очередного урока — добиться более глубокого понимания символики обряда крещения. В начале учитель должен напомнить классу, о чем шла речь в прошлый раз. Чтобы достигнуть цели, учитель предлагает ученикам написать каждому по два–три вопроса, на которые они хотели бы получить ответ, чтобы лучше понять то, что происходит во время крещения. Собрав все вопросы, учитель предлагает классу разделиться на несколько групп, каждая из которых подготовит ответы на определенные вопросы. Одна группа может изучить чинопоследование обряда по требнику, другая — что говорится о крещении в Евангелии; третья поищет главу о крещении в учебнике церковной истории; четвертая приготовит плакат, изображающий отдельные этапы крещения и их символическое значение. Такой план урока означает, что все необходимые материалы будут у учителя под рукой: требник, Новый Завет с указаниями, учебник, материалы для плаката. Если времени достаточно, в конце урока группы могут рассказать о проделанной работе, или, если время истекло, доклады можно отложить до следующего урока. Даже в хорошо организованном классе, которому даны самые ясные указания, все равно будут происходить движение, шум и разговоры. Ученикам потребуется время, чтобы приступить к работе; возникнут споры, разногласия. Учитель призван поддерживать достаточно четкий порядок и использовать свой авторитет для созидания рабочей атмосферы.

Детей необходимо приучать к подобной работе, их важно обучить основам новой дисциплины — уважению к работе другого. Создание в классе творческой атмосферы не означает отказа учителя от авторитета. Авторитет и дисциплина в классе основаны на иерархии ценностей. Это не имеет ничего общего с личным престижем учителя, с его самолюбием, желанием защитить свой авторитет от саркастических и насмешливых замечаний. Учитель не имеет права слагать с себя ответственность за руководство классом; именно он оценивает, что сделано учениками. Дурное поведение или кривляние одного не должны мешать всему классу, и я убеждена, что в таких случаях учитель должен проявить твердость, даже если понадобится выставить ученика из класса. Это, конечно, не означает, что трудный ученик не нуждается в особой заботе и внимании. Важно дать ему такое задание, которое вовлекло бы его в общую работу. И, конечно, вполне можно дать всему классу минуту отдыха, возможность расслабиться, посмеяться перед тем, как приступить к работе.

Что должен знать учитель?

Почти невозможно сформулировать академические требования, предъявляемые к учителям церковных школ. Решающим фактором остается желание учителя учиться. Учитель призван стараться узнать хоть немного больше, чем то, что содержится в учебниках. Этому могут помочь пособия для учителей, выпускаемые Комиссией по православному христианскому воспитанию. При планировании курсов подготовки учителей или программ для самостоятельного чтения необходимо дать учителю какие-то основные понятия о Православии. Учитель должен хорошо знать Новый Завет, включая Деяния и Послания,

чтобы евангельские образы стали для него живыми. Он должен хорошо представлять значение Ветхого Завета как предшественника христианства. В литургии он должен знать и понимать смысл Таинств и хотя бы те богослужения, которые совершаются в приходе. Он должен иметь представление о вероучении, хотя бы в пределах Символа Веры. Он должен хотя бы немного знать церковную историю, жития некоторых святых.

Гораздо труднее определить тот «православный дух», который необходим православному педагогу. Мы живем в эпоху культурных перемен. Мы заново воссоздаем православный уклад жизни, православный быт, и делаем это в обществе, которое Православия не знало и которое само переживает моральный и духовный кризис. Нам постоянно приходится делать выбор, принимать решения. Как, например, согласовать православное отношение к смерти с отношением к смерти и похоронам современных американцев? Как соотносится православное Таинство освящения (совершаемое обычно над больным) с «помазанием духом» о котором так часто говорят в наши дни сектанты? Как относится Православие к импровизированным общественным молитвам? Православный дух, православное чувство меры и вкуса, часто определяют личность и поведение наших учителей. Лучшим определением сущности Православия в жизни мне кажется выражение Бердяева: «Совершенство свободы в совершенстве соборности; соборность в свободе и свобода в соборности». (Это определение дал Н. А. Бердяев в беседе с известным баптистским проповедником Шервуд Эдди; я была переводчицей во время этой беседы)

Подготовка учителей

Объем книги не позволяет подробно обсуждать программы подготовки учителей так как эта тема требует подробной разработки. Я все же хотела бы сформулировать основные принципы, на которых должна строиться такая программа.

Подготовка учителя — не разовое мероприятие, а длительный процесс. Я много лет работала в Комиссии по православному христианскому воспитанию, и меня часто приглашали выступить перед учителями в приходах или на Всеправославных конференциях. Аудитория была, как правило, отзывчивой, и мои попытки сформулировать цели нашей работы, значение христианского воспитания, описать духовные потребности детей встречались с большим энтузиазмом. Но часто я с горечью чувствовала, что мой опыт не поможет собравшимся стать лучшими учителями. У кого-то вспыхнет вдохновение, кто-то лучше поймет, какое место призвано занять христианское воспитание, но мой опыт не сможет помочь практически — развить преподавательские способности.

Мои преемники по работе в Комиссии стали устраивать семинары для практического обучения методам преподавания, с использованием художества и ручного труда. Но и у них оставалось неудовлетворенное чувство, поскольку, усваивая технику преподавания, участники теряли понимание цели и смысла, и далеко не все педагоги осознавали подлинную цель христианского воспитания.

Все конференции, съезды и семинары приносят наибольшую пользу тем мирянам, которые посещают их из года в год, постепенно усваивая те навыки, которые им преподносят. Их трудом и усилиями постепенно просвещается и вдохновляется наш церковный народ на дело христианского воспитания детей и молодежи.

Старшее поколение помнит, что в традиционно православных странах, откуда мы приехали в Америку, детское религиозное воспитание совершенно отсутствовало; возможно, что призвание к христианскому воспитанию — это особая задача, особая ответственность, особая харизма Православия в Америке.

Я считаю, что главное в составлении программ для подготовки учителей — принцип «целостности». Если речь идет о совершенствовании методики преподавания, то необходимо сказать и о том, что именно мы преподаем с помощью этой методики. Если речь идет о расширении наших знаний в области библеистики, литургики, догматики, церковной истории, то необходимо показать, как практически ввести эти знания в школьную программу. Если тема семинара для учителей — основные принципы православного воспитания (значение церковной школы, роль семьи, участие детей в литургической жизни и

т. д.), — то участников стоит привлечь и к практической работе по внедрению этих принципов в программу и методику. Другими словами, чему бы ни были посвящены отдельные занятия учителей, они всегда должны включать основные вопросы: Чему мы учим? Почему мы учим? Кого мы учим? Как надо учить?

Подготовка учителей осуществляется различно. Разнообразные ежегодные конференции — продолжительностью от одного до трех дней — приносят пользу благодаря длительности. Открывается возможность общинной литургической жизни. Но все это требует большой подготовительной работы, которую не заменишь благими намерениями. На одной из таких конференций, где была и я, присутствовало пятьдесят человек; на каждой из трех лекций обновлялось 50% слушателей; только 10% участников посещали литургию; всенощная была отменена; не была организована выставка и учительский семинар. Какой бы интерес ни проявляли участники, польза от таких конференций невелика, особенно если подобные встречи не повторяются.

Другая полезная форма подготовки учителей — еженедельные лекции в течение месяца. Это не только средство подготовки преподавателей, но и источник общего церковного образования для мирян. Успех дела зависит от того, насколько удалось подобрать хороших лекторов, их умением реагировать на запросы аудитории. О чем бы ни шла речь — о вероучении, литургике, библеистике, церковной истории и т. д., — интерес проявляется в том случае, если тема связана с нуждами слушателей.

Я уже упомянула семинары, которые пытаются дать учителям практические навыки; использование музыки, рисования, ремесел, искусство вести дискуссии. Стоит упомянуть еще одну форму подготовки учителей — скромную, но весьма полезную: регулярные встречи учителей одной школы или даже одного отделения школы, и лучше тех, чьи ученики принадлежат к одной возрастной группе. Полезным может стать обсуждение своих проблем, планирование занятий, оценка результатов, взаимное посещение занятий. Ценность таких встреч возрастет, если время от времени члены группы будут делать доклады о какой-нибудь прочитанной ими хорошей педагогической или богословской книге.

Призвание учителя церковной школы

Заканчивая эту главу, я хотела бы высказать несколько мыслей о призвании учителя церковной школы. Что означает слово «призвание»? В беседе с Мотовиловым преподобный Серафим Саровский говорит о цели человеческой жизни. Он говорит что она заключается в «стяжании Духа Божьего»: «Стяжайте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают» [1]. Он объясняет, что наша жизнь и поступки обретают смысл в зависимости от того, насколько наши труды исполняют нас Духом Святым. «Некоторым людям, — говорит он, — больше благодати Божией дает помощь бедным, другим молитва, а третьим — какая-то творческая деятельность. Важно, чтобы ваши действия открывали ваше сердце действию Божественной благодати. Тогда ваша работа станет вашим призванием, будь то садоводство, сочинительство, благотворительность, пост».

Если общение с детьми, участие в их росте и развитии духовно обогащает вас, если вы чувствуете, что в этом общении сами растете, делаетесь все более самим собой, — вы можете быть уверены, что у вас призвание педагога. Ни один учитель не скажет, что слова Христа о детях — «таковых есть Царство Небесное» — вдохновлены моральным совершенством детей. Мне всегда казалось, что особая благодатность детства заключается в другом и, прежде всего, в реальности и простоте их веры. Дети лишены раздвоенности, присущей взрослым. Религиозная жизнь ребенка целостна. Бог, небеса, ангелы для него существуют точно так же, как игрушка, приятель, кошка. Ребенок, находясь в храме, чувствует себя так же, как и играя в песочнице (что иногда очень смущает взрослых). У него свежее восприятие: краски никогда не меркнут, запахи всегда остры. Дети не стоят на месте, они растут;

этот постоянный рост и есть сущность религиозной жизни. Все в ребенке постоянно меняется, и в этом всегда таится надежда. Разочарование или беда быстро забываются, и

поэтому дети умеют искренне прощать, а простить для них — значит забыть. Дети бывают заносчивы и хвастливы, но хвастовство это напускное, потому что они ведают, что знают очень мало, что они многого не умеют, что они слабы: поэтому детство дышит смирением. За какие-то их свойства Господь называет их обладателями Царства Небесного, и пока мы соприкасаемся с миром детства, это Царство приоткрыто и нам. Часть особой благодати детства передается и нам.

Обучение детей вере оказывает влияние на нас и в ином плане. В процессе религиозного воспитания мы обращаемся к центру человеческой личности, к сердцу жизни. Обучая растущую человеческую душу вере, общению с Богом и с людьми, которое является сутью нашей веры: мы сами невольно проникаемся ею. Мы должны обладать теми знаниями о вере, которые преподаем, и эти знания должны обладать нами. Вы не сможете рассказать детям о Воскресении Христа, если смысл этого события не стал частью вашей собственной жизни, если религиозный смысл этого события не вошел в Вашу душу. Вы не можете открыть детям смысл Пасхи, если душой и сердцем вы не были с женами мироносицами, с Иоанном и Петром, если вы не задыхались от бега, не произносили вместе с Марией: «Господи!...» Если вы учите христианству, то христианство должно пронизывать глубины вашего сердца.

Мы можем пройти по жизни так, как будто мир не был сотворен Богом, как будто не рождался Христос, как будто Он не умирал и не воскрес. По природе своей мы ленивы и лишены воображения. И вдруг нам приходится этому учиться. Мы становимся средством, при помощи которого эти события влияют на развитие ребенка. Вы становитесь проводником, через который течет мощный электрический ток, — и это переживание воодушевляет вас. Если вы испытали это хотя бы единожды, значит вы обрели истинное призвание, и оно останется с вами на всю жизнь.

«Семья — малая церковь» в условиях современной жизни

Выражение «семья — малая церковь» дошло до нас с ранних веков христианства. Еще Апостол Павел в своих посланиях упоминает особенно близких ему христиан, супругов Акилу и Прискиллу, и приветствует их «и домашнюю их церковь» (Рим. 16, 4). А говоря о церкви, мы употребляем слова и понятия, связанные с семейной жизнью: священника называем «отцом», «батюшкой», себя называем «духовными детьми» нашего духовника. Что же так роднит понятия церкви и семьи?

Церковь — это объединение, единство людей в Боге. Церковь своим существованием Своим утверждает, «с нами Бог»! Как повествует евангелист Матфей, Иисус Христос сказал: «...где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20). Епископы и священники — не представители Бога, не заместители Его, а свидетели Божьего участия в нашей жизни. И христианскую семью важно понимать как «малую церковь», т. е. единство нескольких любящих друг друга людей, скрепленных живой верой в Бога. Ответственность родителей во многом схожа с ответственностью церковного духовенства: родители тоже призваны стать в первую очередь «свидетелями», т. е. примерами христианской жизни и веры. Нельзя говорить о христианском воспитании детей в семье, если в ней не осуществляется жизнь «малой церкви».

Приложимо ли такое понимание семейной жизни в наше время? И в западном мире, и еще больше в России, бытовые условия, общественная жизнь, государственный строй, господствующее направление мыслей часто кажутся несовместимыми с христианским пониманием жизни и роли семьи в ней. В наше время чаще всего работают и отец и мать. Дети с раннего детства проводят почти весь день в яслях или детском саду. Потом начинается школа. Члены семьи встречаются только вечером, усталые, торопливые, прошедшие весь день как бы в разных мирах, подвергаясь разным влияниям и впечатлениям. А дома ожидают хозяйственные заботы — покупки, очереди, стирка, кухня, уборка, шитье... Кроме того, в каждой семье случаются и болезни, и несчастные случаи, и трудности,

связанные с квартирной теснотой и неудобствами. Да, семейная жизнь сегодня — это часто настоящий подвиг.

Еще одна трудность — конфликт между мировоззрением христианской семьи и государственной идеологией. В школе, среди товарищей, на улице, в книгах, газетах, на собраниях, в кино, в передачах радио и телевидения мощным потоком льются и заливают душу наших детей идеи, чуждые и даже враждебные христианскому пониманию жизни. Противостоять этому потоку трудно.

Да и в самой семье редко сейчас встретишь полное понимание между родителями. Часто нет общего согласия, общего понимания жизни и цели воспитания детей. Как тут говорить о семье как о «малой церкви»? Возможна ли она в наше время?

Мне кажется, что стоит попытаться вдуматься в смысл того, что есть «Церковь». Церковь никогда не означала благополучия. В своей истории Церковь всегда переживала беды, соблазны, падения, преследования, разделения. Церковь никогда не была собранием только добродетельных людей. Даже самые близкие ко Христу двенадцать апостолов не были безгрешными подвижниками, не говоря уже о предателе Иуде! Апостол Петр в минуту страха отрекся от своего Учителя, сказав, что не знает Его. Другие апостолы спорили между собой о том, кто из них первый, а апостол Фома не поверил, что Иисус Христос воскрес. Но именно эти апостолы и основали Церковь Христову на земле. Христос избрал их не за добродетель, ум или образованность, но за их готовность все бросить, от всего отказаться, чтобы следовать за Ним. И благодать Духа Святого восполнила их недостатки.

Семья даже в самые трудные времена — это «малая церковь», если в ней остается хотя бы искорка стремления к добру, к истине, к миру и любви, иначе говоря, к Богу; если в ней есть хотя бы один свидетель веры, исповедник ее. В истории Церкви бывали случаи, когда лишь один единственный святой защищал истину христианского учения. И в семейной жизни бывают периоды, когда только кто-то один остается свидетелем и исповедником христианской веры, христианского отношения к жизни.

Ушли времена, когда можно было надеяться, что церковный быт, традиции народной жизни смогут воспитать в детях веру и благочестие. Не в наших силах воссоздать общий церковный уклад жизни. Но именно теперь на нас, верующих родителей, ложится обязанность воспитывать в наших детях личную, самостоятельную веру. Если ребенок сам, своей душой и своим умом, в меру своего детского развития, верит, знает и понимает то, во что он верит, лишь в этом случае он может эту веру противопоставить враждебному окружению.

Возможно ли это в детском возрасте? Мне кажется, исходя из моего опыта работы с детьми можно наметить четыре пути воспитания детского религиозного опыта:

1. Чувство и понимание «святого», «святости» — святого предмета, крестика, иконы, храма, человека, святости всего божественного.
2. Не надо быть злым, важно быть добрым, любить и жалеть других.
3. Во всем мире, природе, есть порядок, смысл, и все делается для чего-то. Все устроено волей Божьей.
4. Интересно постепенно узнавать что-то новое о жизни, о людях, о вещах, о Боге. Хорошо познавать то, что познается.

В наше время верующим родителям важно не только знакомить детей с тем, во что они верят, — рассказывать о евангельских событиях, объяснять молитвы, водить, когда можно, в храм, — но и развивать у детей религиозную сознательность. Дети, растущие в антирелигиозном мире, должны знать, что такое религия, что значит быть религиозным, верующим человеком. Как пример могу привести полученную из Советского Союза рукопись покойной Е. Трояновской, педагога и верующей православной женщины 1. Во введении к этому труду она рассказывает детям о стрекозе и красочно описывает, как эту стрекозу воспринимают проходящие мимо. Дождевой червяк просто не замечает. Птица видит в ней пищу, девочка — игрушку, художник — красоту, ученый задумывается об устройстве ее крыльев и глаз. Мудрец увидел все то, что видели другие, но и еще кое-что.

Он увидел в ней творенье Божие и стал размышлять о Боге. Прошел еще один человек, самый удивительный. Это был святой. Залюбовался стрекозой, и сердце его возгорелось еще большей любовью к благому Богу, сотворившему ее. Он стал молиться, и душа его наполнилась светом и любовью.

Такого рода рассказы и разговоры с детьми могут помочь развить и утвердить их религиозное сознание.

Мы не можем принуждать наших детей к каким-то героическим конфликтам с окружающей средой. Мы призваны понимать трудности, с которыми они сталкиваются, должны сочувствовать им, когда в силу необходимости они умалчивают, скрывают свои убеждения, чтобы избежать конфликта. Но в то же время мы призваны развивать в детях понимание того главного, чего необходимо держаться и во что они крепко верят. Важно помочь ребенку понять: не обязательно говорить о добре — надо быть добрым! Можно спрятать крестик или иконку, но нельзя над ними смеяться! Можно не говорить в школе о Христе, но важно стараться узнать о Нем как можно больше.

Церковь знала периоды преследований, когда надо было скрывать веру, а иногда страдать за нее. Эти периоды были временами самого большого роста Церкви. Пусть эта мысль поможет нам в наших трудах по созиданию нашей семьи — малой церкви!

Объяснение детям молитвы «Отче наш»

Недавно мне пришлось разговаривать с молодой женщиной, приехавшей из Советского Союза в Америку несколько лет тому назад. Родители ее были коммунисты, члены партии. Верующая бабушка умерла давно, так что внучку ничему научить не смогла. Дети росли, никогда не слыша о Боге, ничего не зная ни о Церкви, ни о молитве, никогда не видали икон. Но, как это ни удивительно, мать-коммунистка научила своих детей только одному: словам молитвы Господней «Отче наш». В 18 лет она пришла к вере и крестилась. Меня поразило именно то, что мать-коммунистка почувствовала в словах этой молитвы что-то столь драгоценное, что захотела передать это своим детям.

Родители-христиане обыкновенно начинают читать эту молитву с детьми до того, как они способны понять ее смысл. Детям можно рассказать, как однажды, когда Иисус Христос кончил молиться, ученики стали просить Его научить их молиться. Иисус Христос научил их той молитве, которую мы называем «Молитвой Господней» — «Отче наш». Маленькие дети постепенно учатся повторять за родителями слова, — когда-нибудь они услышат, как поют эту молитву в храме. Вполне достаточно, если они поймут, что Иисус Христос научил нас называть Его — Отцом. Ведь Бог любит нас, как добрый отец — своих детей. Понемногу можно, в ответ на вопросы, объяснять непонятные слова: «царство», «насущный хлеб», «долги». Когда же дети становятся старше, недостаточно просто объяснять непонятные слова. В молитве Господней заключено целостное мирозерцание, особое понимание нашего отношения к Богу, к жизни, к самому себе.

В Русской Православной Церкви эту молитву читают и поют по-славянски. Славянский текст ее весьма прост и понятен. Но есть, разумеется, перевод на современный русский, как и на все языки мира. Мы будем пользоваться славянским текстом.

Возьмем хотя бы первые слова:

«Отче наш, иже еси на небесех...», то есть «Отче наш, сущий, существующий на небесах...». Вероятно, большинство детей слышали о том, что космонавты, летая в космос, там Бога не видели. Что же означают слова «на небесех»? Значит ли это, что если мы достаточно высоко поднимемся в небо, то увидим Бога? Нет, мы знаем и верим, что Бог невидим. Если бы Бога можно было видеть, то невозможно было бы говорить о вере в Бога. Мы не можем верить в дом, в вещь, в то, что мы можем потрогать, увидеть, осязать. Но мы верим в любовь к нам кого-то, мы можем доверять искренности человека, верить в добро. То, во что мы верим, всегда невидимо, поэтому вера всегда свободна, — ты можешь верить, а можешь и не верить. Нельзя заставить верить. И когда мы называем Бога нашим Отцом Небесным, то мы хотим этим сказать, что кроме нашего видимого, физического мира, есть другой мир, — духовный, невидимый. Он столь же реален, как и окружающий нас видимый

мир, в котором действуют и влияют на нас духовные силы — любовь, радость, раскаяние, жалость, верность и многое другое. Первыми словами молитвы Господней мы утверждаем нашу веру в духовный мир, окружающий нас, и нашу веру в Бога — благого, любящего, всемогущего и невидимого нам Отца.

В любом языке, подбирая доступные нам понятия и впечатления, трудно найти более подходящий символ духовного мира, чем небо — безграничное, бесконечное, вечно прекрасное и таинственное. Небо и еще более таинственный космос учат нас молитвенно обращаться к Богу. Иисус Христос всегда употреблял доступные нам понятия: «небо», говоря о духовном мире, «хлеб», говоря о наших земных нуждах, «долги», говоря о наших отношениях с людьми.

«Да святится Имя Твое...» Пусть в нашей жизни славится Имя Божие. Часто это прошение объясняют детям, как требование благоговейно употреблять слово «Бог», как грех «божбы». Но мне кажется, понятнее и полнее объяснить детям, что мы, христиане, призваны жить так, чтобы нашей жизнью прославлялось Имя Божие. С этим связано и следующее прошение «Да приидет царствие Твое», — детям часто непонятное. В этом прошении есть, конечно, таинственная надежда всех христиан на второе пришествие Иисуса Христа и установления царства Божия на земле. Но по учению Отцов Церкви, это есть молитва и о том, чтобы Господь воцарился в душе каждого из нас. И апостол Павел пишет в своем послании к Римлянам: «Ибо царствие Божие... праведность и мир и радость во Святом Духе...» (Рим. 14, 17). Именно такое понимание этого прошения в молитве «Отче наш» ближе детям. Они опытно знают состояние радости, мира и любви, ведь о детях сказал сам Иисус Христос, что «таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19, 14).

Следующее прошение «Да будет воля Твоя» — очень важно для воспитания основного христианского отношения к нашей жизни. Дети, да и не только дети, часто обращаются к Богу с конкретными просьбами, просят Бога исполнить то или другое их желание, важное или неважное. Способность познавать, что в жизни надо искать не осуществления своих случайных желаний, а осуществления высшей Божьей воли, Божьего замысла о нас, — основа основ христианского отношения к жизни. Мне часто приходилось рассказывать детям пример из жизни двух святых отшельников, живших в пустыне. Сговорились они посадить каждый у входа в свою келью пальму, чтобы давала она им тень в дневную жару. Встречаются они через некоторое время, и один отшельник говорит другому: «Вот, брат, молюсь я Богу, чтобы послал Он дождь на мою пальму, и каждый раз Он исполняет мою просьбу. Молюсь о солнечных днях, и Бог посылает мне солнце. А ведь, смотри, твоя пальма растет куда лучше моей. Как же ты молишься о ней?» И ответил ему другой отшельник: «А я, брат, просто молюсь: Господи, сделай так, чтобы моя пальма росла. А уж Господь посылает и солнце и дождь, когда нужно».

Детям постарше стоит объяснить, что прошение «Да будет воля Твоя» — не только способность принимать волю Божию, но, что важнее, стремление осуществлять ее.

Прошение «о хлебе насущном» учит нас не беспокоиться о многих наших нуждах, о том, что нам только кажется нужным. И собственным примером, и в беседах с детьми важно научить их разбираться в том, что нам в нашей жизни действительно необходимо «как хлеб насущный», а какие желания временны и несущественны.

«Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Когда мы грешим, мы виноваты перед Богом. И если мы каемся, Бог прощает нам грехи наши, как отец прощает ушедшего из родного дома сына. Но часто люди бывают несправедливы друг к другу, обижают друг друга, и каждый ждет, чтобы другой стал справедливее. Часто мы не хотим простить другому его недостатки, а этими словами молитвы Господней Бог учит нас прощать грехи и недостатки других, поскольку мы желаем, чтобы и Бог простил наши грехи.

И, наконец, последнее прошение «Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого» ставит перед подрастающим ребенком вопрос о зле, об искушении, о борьбе со злом, которая происходит в душе каждого из нас. Чтобы воспитать в человеке христианское понятие о зле и добре, недостаточно только объяснить слова этого прошения молитвы «Отче

наш». Повествование за повествованием, поучение за поучением, притчу за притчей находим мы в Священном Писании, которое помогает нам постепенно понять, что в мире есть зло, злая сила, сопротивляющаяся благу, доброму замыслу творения Божия. Эта злая сила постоянно старается привлечь нас, подчинить нас себе, «искушает» нас. Поэтому нам часто хочется сделать что-то дурное, хотя мы и знаем, что это плохо. Без помощи Божией мы не могли бы бороться с искушениями, поэтому мы просим Его помощи, чтобы не поддаваться дурным желаниям.

Христианское воспитание нравственности сводится к развитию в человеке способности осознавать в себе плохое — плохим Распознавать в себе злые намерения и побуждения, действия или чувства, сожалея о том, что подумал или поступил плохо, т. е. покаяться. А каюсь, зная, что Бог всегда прощает кающегося, всегда встречает его с любовью, радуется ему, как отец в притче о блудном сыне радуется возвращению своего согрешившего и покаявшегося сына. В христианской нравственности нет места ни отчаянию, ни унынию.

Обучение детей церковным молитвам

Надо ли детям учить наизусть молитвы? Ведь молитва — это наше обращение к Богу, разговор с Богом. Разве возможно связывать непосредственное движение души с заучиванием наизусть слов, и притом слов не всегда детям понятных?

Конечно, ничто не может заменить личного, непосредственного обращения к Богу, этого взлета нашей души к Богу — в радости, страдании, просьбе, благодарности. Такая молитва является плодом духовного вдохновения. Но мы познаем из нашего жизненного опыта, что ни один талант, никакое искусство не может жить и развиваться благодаря одному только вдохновению. Требуется и труд, и обучение, и терпение, и долгие усилия, и тренировка. То же самое, мне кажется, относится и к молитве. Важно развивать в себе и привычку молиться, и внимательность, и сосредоточенность, и умение понимать, о чем можно и нужно молиться, и как надо молиться. Долгие века, еще во времена Ветхого Завета, святые, вдохновенные люди обращались к Богу, и эта сокровищница духовного опыта открыта нам в текстах церковных молитв. Их молитвы могут научить нас молиться, вдохновить нас, когда наша душа суха и черства. Молясь словами этих молитв, мы как бы упражняемся, тренируемся в молитве. И это полезно и необходимо для нашего духовного развития.

Как и всякое другое упражнение, заучивание детьми молитв должно быть им по силам — и умственным и духовным. Во времена моего детства заучивание наизусть было основой всякого обучения. Помню, когда мне и моему брату было лет 9–10, нам задано было выучить наизусть заповеди блаженства, и мы придумали зубрить их, прыгая в такт словам на большой тахте:

«Бла–ЖЕН–ни НИ–щие ДУ–хом...» Вряд ли дошел до наших сердец глубокий смысл Нагорной Проповеди.

В раннем младенчестве дети не способны понимать слова молитвы — для младенца достаточно слышать слова, благоговейно произносимые близкими взрослыми. И крестное знамение является для младенца как бы игрой — как и все другое, что он учится делать. Подрастая, он учится выговаривать первые «формальные», если можно так сказать, молитвенные слова: «во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Мне кажется, что задумываться над этими словами дети начинают не раньше 3–4-х лет, и в зависимости от развития ребенка приходится нам, родителям, давать доступные ребенку объяснения. Ответы, объяснения всегда легче воспринимаются, когда они образны, наглядны. Например, в житии святых Кирилла и Мефодия, просветителей славян, рассказано, что святой Кирилл объяснял тайну Святой Троицы, сравнивая Ее с солнцем. Мы видим, говорил он, сияющий круг, мы ощущаем его тепло, мы окружены солнечным светом, но солнце одно. А в житии блаженного Августина рассказано, как, размышляя о тайне Святой Троицы, он увидел на берегу моря маленького мальчика, копающего ямку в песке. «Что ты делаешь?» — спросил блаженный Августин. Мальчик ответил: «Я хочу все море

перелить в эту ямку». И увидел святой в этом указание, что невозможно маленькому уму вместить тайну Святой Троицы.

Детям постарше можно преподать и более отвлеченное объяснение: Бог — это любовь. Любовь никогда не бывает одинока, любовь всегда связывает одного с другим. И если вообразить себе самую совершенную любовь — гораздо выше, сильнее, чище, чем может быть любовь человеческая, — то это поможет нам понять единство Святой Троицы: Бог–Отец, Творец всего; Бог–Сын, Слово Бога, обращенное к людям; Бог–Дух Святой, все оживотворяющий. В Своей совершенной любви — это Единый Бог.

Мне кажется, что из всех церковных молитв важнее всего детям знать и понимать слова молитвы Господней — «Отче наш», молитву Святому Духу — «Царю Небесный» и молитву Божьей Матери — «Богородице Дево, радуйся». В этих трех молитвах заключается сущность христианской Православной веры. Молитва Богу, Отцу Небесному, которой научил нас Господь, Иисус Христос, учит нас, как нам жить с Богом и в Боге. В молитве «Царю Небесный» мы обращаемся к Духу Святому, дающему силу жизни всякому творению Божию. Молясь Божьей Матери, мы учимся понимать высший смысл человеческой жизни, почитая Ту, Которая в святости и смирении Своем смогла стать земной Матерью Господа.

Учить детей молитвам надо понемногу, объясняя прошение за прошением и вместе с ними читая всю молитву и молясь с ними, пока дети ее не заучат.

Вот простое объяснение молитвы Господней:

Отче наш, иже еси на небсех, да святится имя Твое — Отец наш небесный, пусть все будут славить и любить Тебя. Помогни нам жить так, чтобы нашей жизнью славилось имя Божье на земле.

Да придет царствие Твое — пусть наступит Твое царство, Твоя власть в моем сердце и в сердцах всех людей.

Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли — пусть будет не так, как я хочу, а так, как Ты хочешь. Пусть люди делают на земле то, что Ты хочешь, столь же охотно и радостно, как ангелы делают то, что Ты хочешь, на небе.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь — дай нам все, что нам необходимо для нашей жизни.

И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим — прости нам все, в чем мы виноваты перед Тобой, как и мы прощаем тех, кто виноват перед нами.

И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого — не дай нам поддаваться нашим дурным желаниям, но избавь нас от всех злых сил.

Беседа о молитве «Царю Небесный», важно сказать детям, как в последней Своей беседе с учениками, перед Своими страданиями, Иисус Христос сказал им, что Он умолит Отца, и Бог даст им Утешителя, Духа Истины, Который будет с ними всегда, Который от Отца исходит и будет свидетельствовать об Иисусе Христе (Ин. 14, 16–17; 15, 26).

По–славянски эта молитва читается так: Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй. Сокровище благих, и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша. Аминь.

В переводе на русский язык: Царь небесный, Утешитель, Дух правды, Который всюду находится и все исполняет, Сокровище всего доброго, Дающий жизнь, приди и поселись в нас и очисти нас от всего плохого и спаси, Благой, души наши. Аминь.

К объяснению этой молитвы хорошо добавлять рассказы из Священного Писания, если дома есть Библия или взрослый, знающий эти повествования. В 1–й главе Ветхого Завета сказано, как при сотворении мира «земля была безвидна и пуста и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою», а во 2–й главе (7–1) — «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни; и стал человек душою живою». В Евангелиях рассказано о явлении Духа Святого во время Крещения Иисуса Христа Иоанном Крестителем, а в Деяниях Апостолов — о сошествии Духа Святого на апостолов. В свете этих рассказов молитва Духу Святому становится понятнее и ближе детям.

Третья молитва, которой, мне кажется, необходимо научить детей, — это молитва

Божьей Матери. Основана она на евангельском повествовании о том, как Деве Марии было возведено, что Она станет Матерью Иисуса Христа:

«Послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, вошед к Ней, сказал: Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидевши его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве и родишь Сына и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего.... Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя... Тогда Мария сказала: Се, раба Господня, да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 26–38).

Ожидая младенца, Мария пошла навестить родственницу свою Елисавету, которая в это время тоже ждала сына, Иоанна Крестителя. Увидев Марию, Елизавета приветствовала ее словами: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!»

Из этих приветствий и составлена была молитва, с которой мы обращаемся к Божьей Матери:

Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословена Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

Пониманию молитвы «Богородице, Дево...» помогают все евангельские рассказы о Божьей Матери — о Рождестве Христовом, о бегстве в Египет, о первом чуде на браке в Кане Галилейской, о Матери Божьей, стоящей у креста Господня, и о том, как Иисус Христос поручил заботу о Ней Своему любимому ученику Иоанну.

Если удастся передать нашим детям живое и молитвенное понимание этих трех молитв, будет заложено крепкое основание христианской Православной веры.

Как объяснять детям таинство святого причащения

Только в Православной Церкви к причастию допускаются младенцы с момента крещения и миропомазания. У католиков, лютеран и англикан «конфирмация» — таинство миропомазания — совершается позднее, когда дети достигают разумного возраста, и только после «конфирмации» подростки становятся членами Церкви и могут причащаться.

В Православной же Церкви таинство миропомазания совершается одновременно с крещением, и поэтому младенцев сразу допускают к причастию. А начиная с семи лет дети приступают к таинству исповеди.

У православных практика причащения младенцев объясняется тем отношением, которое преподал Христос: «Приносили к Нему детей, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же не допускали приносящих. Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие... И обняв их, возложил руки на них и благословил их» (Мк. 10, 13–16).

Иисус Христос показал, что физическое общение, физическая близость к Нему столь же реальны, как и общение интеллектуальное или духовное, и что непонимание младенцами «истин о Боге» не препятствует действительной близости «с Богом».

Веками приносили православные матери в храм своих младенцев и причащали их, и никто не смущался, когда в храме были слышны писк и крик младенцев. Помню, как молодая мать трех детей говорила мне, что ее трехмесячная Таня любит бывать в храме: «Дома мне всегда некогда, всегда я тороплюсь, суечусь, а вот в храме час или полтора она спокойно лежит у меня на руках, и никто нам не мешает...»

Но наступает момент, примерно к двум годам, когда ребенку, особенно если он не привык причащаться, необходимо объяснить, что такое причастие и как приступать к таинству. Мне кажется, что тут не стоит мудрить, достаточно сказать: «Вот батюшка тебе святого хлебца даст, вкусного...» или «Батюшка тебе причастие даст — святое, хорошее, вкусное...» Постепенно, благодаря отношению взрослых к ребенку–причастнику — как его поздравляют, хвалят, целуют, и потому, что в этот день его стараются одеть по-праздничному, — он начинает понимать, что причащение — радостное, торжественное,

святое событие.

Если младенец никогда не причащался, и когда его подносят к Чаше, он пугается причастия, как чего-то непонятного, может быть напоминающего ему неприятные ощущения, связанные с приемом лекарства, не надо, мне кажется, заставлять его. Лучше пусть он посмотрит, как причащаются другие дети, дать ему кусочек просфоры, поднести к батюшке под благословение, когда прикладываются к кресту, и сказать, что его причастят в следующий раз.

Годам к 3–4-м можно и нужно объяснять детям смысл таинства причащения. Можно рассказывать детям про Иисуса Христа, про Его Рождество, про то, как Он исцелял больных, кормил голодных, ласкал маленьких детей. И вот, когда Он узнал, что скоро умрет, Он захотел в последний раз собраться со своими друзьями-учениками, поужинать с ними. И когда они расположились за столом, Он взял хлеб, разломил и раздал им, сказав: «Этот хлеб — Я Сам, и когда вы будете есть этот хлеб, Я буду с вами». Потом Он взял чашу с вином и сказал им: «В этой чаше Я вам даю самого Себя, и когда вы будете пить из нее, Я буду с вами». Так Иисус Христос первый раз причастил людей и завещал, чтобы все, кто Его любят, также причащались.

Начав с простого объяснения, подрастающим детям можно рассказывать о Тайной Вечери подробнее и полнее, следуя евангельскому тексту. За литургией они услышат слова: «Приимите, ядите, Сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов» и «Пийте от нея вси, Сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за много изливаемая во оставление грехов». И к этому их надо приготовить. Но как бы мы ни упрощали евангельские рассказы, важно, чтобы не искажался их смысл.

По мере того как дети взрослеют, важно объяснять им не только евангельские события, с которыми связано таинство причастия, но и то, что оно означает для нас сегодня. За литургией мы приносим наши дары — хлеб и вино. Хлеб и вино — это наша пища и питье. Без пищи и питья человек не может жить, и наши простые дары означают, что мы приносим Богу в благодарность самую жизнь нашу. Вручая нашу жизнь Богу, мы не одиноки: вместе с нами и за нас отдает Свою жизнь Сам Иисус Христос. Объясняя детям смысл таинства святого причастия, можно рассказать, как священник приготавливает наши дары: вырезает частицы из принесенных просфор-хлебцев: одну частицу «Агнец» для причастия, другую в честь Божьей Матери, частицы в честь всех святых, а также в память умерших и живых, о которых его просят молиться. Следует обратить внимание детей, как торжественно переносят приготовленные дары на престол под пение молитвы «Иже Херувимы». Приносить дары — значит благодарить, и смысл литургии — наша благодарность Богу за дарованную жизнь, за наш мир, за то, что Бог Иисус Христос стал Человеком, вошел в нашу жизнь, взял на Себя наши грехи и страдания. Поэтому таинство литургии также называется «Евхаристией» — по-гречески «благодарность». Понимание смысла литургии приходит по мере того, как мы все глубже вникаем в каждый возглас, каждое действие богослужения, каждое песнопение. Это — лучшая школа, которая длится всю жизнь, и задача родителей — развивать интерес детей к познанию того, что они видят и слышат в храме.

На нас возложена ответственность — научить детей, как приступать к таинству святого причастия. Конечно, следует отличать самое существенное от второстепенного. Правила поведения в храме определяются до известной степени условиями нашей жизни. Неприменимы никакие правила к младенцам, но, начиная с семилетнего возраста, в практике Русской Православной Церкви установлено исповедоваться перед тем, как причащаться, соблюдать пост, т. е. не есть и не пить утром до литургии. Помолиться накануне за всенощной и постараться, если есть молитвослов, прочитать хотя бы некоторые молитвы перед причащением. Обычно священник дает нам указания о тех правилах, которые надо стараться соблюдать.

Мы, родители, призваны научить наших детей, как подходить к причастию: сложив руки на груди, а подходя к чаше, не креститься, чтобы нечаянно не толкнуть чашу. Следует назвать священнику свое имя. После причастия нам дают съесть кусочек просфоры и выпить

немножко вина с водой — это называется «запивка». Все это внешние правила, и нельзя их смешивать со смыслом и значением таинства, но установленное традицией поведение в храме имеет немалое значение. Детям важно почувствовать в торжественные минуты, что они умеют держать себя, как взрослые.

«Я отдаю себя Христу, а Христос входит в мою жизнь». Его жизнь во мне — вот в чем состоит таинство Святого Причастия, и в этом раскрывается смысл и цель нашей жизни.

О вере и суевериях

Недавно мне пришлось разговаривать с молоденькой учительницей — православной американкой русского происхождения, проведшей некоторое время в России. Рассказывая о том глубоком впечатлении, которое на нее произвело общение с церковными людьми на родине ее предков, эта американка заметила, что наряду с самой искренней и чистой верой ей пришлось встретиться с многочисленными примерами наивного суеверия. Суеверия, рассказывала она, процветают не только в быту, когда люди стараются не здороваться через порог или пугаются, если черная кошка перебежит дорогу. Они проникают и в религиозную жизнь положить столько-то земных поклонов, прочитывать столько-то раз такую-то молитву, съездить в такое-то святое место — и твое желание исполнится. Молитва, почитание святых, поклонение иконам воспринимаются иногда, как некая магия или волшебство.

Христианство в России всегда было верой народной, верой всего народа, а не только его интеллектуальной верхушки. Догматы веры облекались в образы народного художественного творчества. В этих перевоплощениях случались искажения веры, но часто народное творчество в своих сказках, преданиях и былинах действительно передавало представление о Боге в более доступной для народа форме, чем богословские труды великих церковных мыслителей. Как много глубокого смысла в таких сказаниях, как, например, о граде Китеже! А как поучительна народная сказка о Николе Угоднике, позванном Господом вместе с преподобным Кассианом Римлянином и опоздавшем явиться, потому что он помогал мужику вытаскивать увязший в грязи воз. Сказка объясняет, почему Бог память Николы Угодника установил праздновать два раза в год — 6 декабря и 9 мая, а Преподобного Кассиана — раз в четыре года — 29 февраля.

В замечательной книге «Мысли врасплох» Андрея Синявского есть рассказ:

«Старуха явилась из бани, разделась и отдыхает. Сын хотел было постричь у нее ногти на ногах, чудовищные, заскорузлые ногти. — Что ты, Костя! Что ты! Мне помирать пора. Как же я — без ногтей — на гору к Богу полезу? Мне высоко лезть... Вряд ли старуха забыла, что ее тело сгниет. Но ее представления о Царстве Небесном реальны до земной осязаемости. И свою бессмертную душу она воспринимает реально — с ногтями, в натальной рубашке, в виде босоногой старухи. Подобного рода уверенности часто недостает нашим философско-теологическим построениям, где все понимается настолько спиритуально, что уж неизвестно, существует ли Господь в самом деле, или Он только символ наших гуманных наклонностей».

Несмотря на верность высказанной Синявским мысли, мы должны признать, что суеверия могут быть опасны, особенно когда они проникают в религиозную жизнь и сковывают нас духовно, когда они заменяют суть веры внешними, бессмысленными приметам. И это особенно важно понимать нам, родителям, когда мы стремимся воспитать в наших детях сильную, крепкую, разумную веру.

Суеверия существовали всегда в истории русского православия, но в духовной жизни народа постепенно осуществлялся процесс религиозного просвещения и образования, формировалась иерархия ценностей. Было и то, что делали по обычаю, потому что так привыкли, потому что это весело и интересно. Но оставалась основа и суть нашей веры, то, на чем строилась жизнь: вера, любовь, долг, смирение, терпение. Помню, как еще в детстве, в деревне, я усердно собирала и клала себе под подушку двенадцать трав в ночь на Ивана Купалу, чтобы приснился мой будущий жених; помню, как весело было гадать под Новый Год. Это была игра, весело было «делать вид», что мы во все это верим, но мы не становились язычниками. Гораздо больше ценилось усердие, с которым мы несли домой

свечу в Страстной Четверг после чтения 12-ти Евангелий, зажигали от нее лампадку и берегли огонь до Пасхи. Не был ли это тоже, в каком-то смысле, суеверный обычай? Может быть, но в нем нам приоткрывался смысл того, что страдания Христа освящают и просвещают нашу жизнь, и благодаря обычаю мы воспринимали это реальнее, чем если бы нам объясняли на словах.

Теперь времена другие. Большинство православных семей лишено регулярного религиозного образования и просвещения. Лишены этого не только дети, но были лишены и родители, а иногда и дедушки и бабушки. Знаний о вере очень мало в наших семьях, а вера живет — она светла и чиста. Родителям приходится самим разбираться в том, как научить верить наших детей, как научить их понимать разницу между верой и суевериями.

Мне кажется, что всякое суеверие заключается в том, чтобы принести нам конкретную удачу, избавиться от определенной беды. Суеверие — это магизм, желание овладеть обстоятельствами, манипулировать ими, подчинив их себе. Магизм зародился вместе с первыми религиозными исканиями человека и всегда был в оппозиции к религии. В своей замечательной книге «Магизм и единобожие» протоиерей Александр Мень, трагически погибший в 1990 году, пишет: «...магией называются различные действия, цель которых — повлиять воображаемым сверхъестественным путем на окружающий мир». В этом определении верно одно: магия действительно имеет целью повлиять на окружающий мир.

Маг очень часто противостоит священнику. Это и понятно. Внутренняя направленность магизма и религии — противоположны... Священник обращается к Богу с молитвой, а маг ищет только достижения могущества на охоте, в земледелии, в борьбе с врагами...»

Цель всех суеверных привычек и верований — попытка человека как-то самому повлиять на события жизни: избежать неудачи, узнать, что случится, получить что-нибудь. Суть христианской веры противоположна этому. «Да будет воля Твоя!» — учит нас молитва Господня. Мы свободны в том, как мы относимся ко всем событиям, — принимаем их, стараемся преодолеть или изменить, используем их, как нам кажется правильнее, боремся или убегаем, но мы твердо верим: все, что посылается нам, посылается не без воли Бога!

«Вера же есть... уверенность в невидимом» — читаем мы в послании к Евреям (11, 1). Мы верим и можем верить лишь в том случае, когда мы можем не верить. Вера должна быть свободным актом нашей воли. Это единственное, о чем спрашивал Иисус Христос у больных перед исцелением:

«Веруете ли, что Я могу это сделать?» (Мф. 9, 28). Вера ничего не навязывает Богу и готова принять все, что посылает Бог.

Вера разумна и не противоречит знанию. Чтобы поверить, важно знать, во что веришь. Настоящая вера не слепа, и чем больше мы узнаем, тем больше мы верим, и чем больше мы верим, тем больше мы узнаем. Вера всегда есть личностный акт, исходящий от человека. Недаром молитва «Символ Веры», которую мы слышим за Литургией, начинается словом «Верую...».

Суеверные обычаи допустимы лишь как игра, как шутка, как наивная привычка. Но они становятся вредны, когда влияют на качество нашей веры. Вера исключает суеверия.

О значении поста в жизни детей

В наше время вопрос о соблюдении постов чуть ли не на самом последнем месте в наших заботах о духовном развитии детей: дети наши и о вере ничего не знают, и христианской нравственности не понимают, часто не имеют возможности посещать богослужения, не умеют молиться... О каком тут посте говорить! Как ни странно, но часто и дети и подростки сами придают немалое значение посту. Я слышала о случаях в России, когда дети убежденных атеистов придумывают какие-то желудочные заболевания, чтобы воздержаться от мяса. Знаю я, как и здесь, за границей, знакомые подростки и дети, учащиеся в американских закрытых школах, по своей собственной инициативе в течение Великого поста не ели мяса. А для некоторых мальчиков в соблюдении поста заключался даже спортивный элемент — ничего не есть до первой звезды в Сочельник, ничего не есть в

Страстную Пятницу. Это совсем не означало, что эти дети были особенно духовно развиты или особенно религиозно настроены. Просто пост — воздержание от пищи — был самой простой формой, в которой они сами, по своей инициативе, могли активно заявить о своей вере. Это приносило им чувство удовлетворения.

Соблюдение постов было прочной частью старинного русского быта, особенно в деревнях, где вся трудовая жизнь крестьян строилась по церковному календарю: от праздника к празднику, от поста к посту. Не знаю, что сохранилось от этих обычаев, но по тому, как в рассказах современных писателей описываются поминки по покойникам, по-видимому многое обычаи еще не забыты. Может быть, где-то сохраняется память о постах.

Мне кажется, что в нашем старинном понимании поста не все было благополучно. Не помню где — чуть ли не в «Дневнике писателя» Достоевского, — я прочитала о грабителе, которого судили за убийство девочки, которая несла на базар лукошко яиц. Убил грабитель девочку из-за тех грошей, которые он отобрал, а когда на следствии его спросили, почему он не съел яйца, ответил: «Да я не мог, ведь день-то был постный». Конечно, это страшная карикатура, но она отражает суеверное отношение к посту. Пост имеет духовный смысл. Пост сам по себе не цель, а только средство к достижению цели. Самое главное в жизни христианина — понимание этой цели.

Вот что говорит нам о посте Евангелие: перед тем, как выйти на проповедь, Иисус Христос ушел в пустыню и оставался там, постясь сорок дней, и наконец «взлалкал», т. е., почувствовав сильный голод, сильно ослабел. И именно в этот момент Иисус преодолел три искушения, которыми старался соблазнить Его нечистый дух, дьявол. Он предлагал Ему сотворить чудо для Себя, превратив камни в хлеб; поклониться дьяволу и за это получить власть над всеми земными царствами; и, наконец, доказать чудом Свою божественность. Отвергнув все три искушения, Иисус Христос возвратился «в силе духа» из пустыни (Лк. 4, 1–14).

Своим ученикам Иисус Христос, исцелив бесноватого, которого они не могли исцелить, сказал: «Сей род (т. е. нечистая сила, владевшая бесноватым) не может выйти иначе, как от молитвы и поста» (Мк. 9, 29).

Для нас, православных мирян, поститься — значит на некоторое время, перед великими праздниками, воздерживаться от некоторых видов пищи и вести более собранный, сосредоточенный образ жизни. Поститься — значит освобождать себя от еды и удовольствий, рабами которых мы становимся. Мы хотим освободить себя от этого рабства, чтобы обрести жизнь с Богом, жизнь в Боге, и мы верим, что жизнь в Боге даст нам большую радость, большее счастье. Поститься — значит укреплять силы в борьбе со слабостями, подчинять вкусы и желания воле, стать хорошим хозяином собственного душевного хозяйства.

Нам, родителям, важно помнить — никакие воспитательные меры, как бы мы ни старались, не дадут гарантий, что наши дети вырастут хорошими и умными, такими, как нам бы хотелось, что они будут счастливы и благополучны в жизни. Мы стараемся вкладывать в души детей христианские семена понятий, чувств, мыслей, настроений. Мы стараемся возвращать эти семена. Но воспримут ли дети их, разовьются ли в них эти чувства и мысли, этого мы не знаем. Каждый человек живет и шествует своим путем.

Как объяснять детям, что значит поститься? Вот примерная схема понятного детям «богословия» поста:

1. Главное в жизни — это любить Бога и ближних.
2. Любить не всегда легко. Часто это требует усилий и труда. Для того, чтобы любить, надо быть сильным. Важно стать хозяином самого себя. Часто мы хотим быть хорошими, а делаем плохое, хотим удержаться от злого, но не можем. Сил не хватает.
3. Как можно развивать свои силы? Надо упражняться, как это делают спортсмены и атлеты. Церковь учит нас поститься, тренировать свои силы. Церковь учит время от времени отказываться от чего-нибудь, что нравится: вкусной еды или каких-нибудь удовольствий.

Это и называется постом.

В семейной жизни пост воспринимается детьми в первую очередь на примере родителей. Родители отказываются на время поста от курения или каких-либо увеселений. Дети замечают разницу в том, что едят за семейным столом. Если нет общего семейного уклада, то верующий отец или верующая мать могут поговорить с детьми о какой-нибудь форме личного, незаметного для других поста: отказаться на время поста от конфет или сладостей, ограничить время у телевизора. Пост заключается не только в небольших лишениях. Важно усилить молитву, чаще ходить в храм. Если дома есть Евангелие, читать его с детьми. Есть и некоторые домашние работы, которые связаны с постом: убрать и вычистить комнаты или дом перед праздниками, привести в порядок хозяйство, предоставив детям возможность участвовать в уборке. В каждой семье найдутся какие-нибудь добрые дела — кого-то навестить, кому-нибудь написать, оказать какую-то помощь. Часто эти дела откладываются из месяца в месяц. Постом можно осуществлять эти благие намерения.

Церковный опыт предостерегает нас о некоторых опасностях поста. Эти опасности существуют и для детей. Первая — это «хвастаться» постом, поститься «напоказ». Существует опасность суеверного отношения к посту — не стоит придавать слишком большого значения мелочам: «Я съел, а это было не постное!» Мы можем вновь побеседовать с детьми о подлинном смысле поста. Конечно, не стоит позволять детям соблюдать пост, если он приносит вред их здоровью. Опытные священники говорили мне, что, приучая детей поститься, важно помнить два правила: 1) чтобы способствовать развитию детской духовной жизни, пост должен быть добровольным — сознательным усилием самого ребенка; 2) приучать поститься надо постепенно, начиная от того уровня духовного развития, на котором ребенок находится. «Лестница поста» в духовном опыте Православной Церкви не имеет конца. Никто никогда не может сказать, что он соблюдает все предписания поста, никто не может себя считать великим постником. Но если мы, родители, сумеем привить ребенку опыт того, что не всегда надо делать то, что хочется, что можно удерживать свои желания, чтобы стать лучше ради Бога и Божьей правды, мы сделаем большое дело.

Пост не означает уныния, пост — это труд, но труд радостный. На утрени, на первой неделе Великого поста, мы слышим в храме молитву: «Постимся постом приятным, угодным Господу. Истинный пост есть отчуждение от зла, воздержание языка, отказ от гнева, освобождение от дурных чувств, от излишней болтливости, от лжи...»

О воспитании правдивости в детях

Мы, родители, хотим, чтобы наши дети росли правдивыми. Мы стремимся доверять им, хотим, чтобы они нас не обманывали и чтобы на их слово можно было положиться. И как все подлинно ценное в жизни, правдивость не дается сама собой, без труда, без воспитания. Важно воспитывать не только правдивость, но и понимание того, что такое правда и что такое ложь. Это понимание дается не сразу и не легко.

В русском языке есть два, очень близкие друг другу по смыслу слова: «правда» и «истина». В «Толковом словаре русского языка» Ушакова истина определяется следующим образом: «то, что есть в действительности» или «совпадение мыслимого с действительностью». Слово «правда» тоже означает «то, что есть на самом деле», но к этому смыслу добавляется еще одно: «идеал поведения, заключающийся в соответствии поступков с требованиями морали, долга...» Когда мы говорим о правдивости, то подразумеваем способность человека видеть действительность такой, какова она есть на самом деле, и вести себя в этой действительности согласно своим нравственным убеждениям. Это, конечно, требует большой зрелости.

Для маленьких детей их «мир действительности» совсем не таков, как мир взрослых: для них реален мир фантазии, мир сказочный. Они часто одушевляют предметы и природные явления, боятся темноты или шума ветра, видят в них какую-то живую силу. Все мы знаем бесчисленные анекдоты о детском восприятии окружающего мира. Помню, как трехлетняя девочка, искавшая какую-то игрушку под кроватью, стала звать няню: «Няня, няня!

Смотри — пыль с хвостиком!» Это она впервые в жизни увидела мышь...

Мне кажется, что признание реальности сказочного мира, мира фантазии, совершенно закономерно. Сказка повествует, может быть, не о том, что на самом деле существует в окружающем нас реальном мире. Но в сказке есть своя правда — о добре, зле, геройстве, глупости, самопожертвовании. И взрослые, любящие детей, легко входят в этот мир сказочной фантазии, но он не делает их ни обманщиками, ни лжецами. Есть разница между «сказкой» и «суеверием», потому что сказка живет в мире фантазии, а суеверие вносит сказочные понятия в мир реальной будничной жизни.

Ребенок начинает говорить неправду не тогда, когда он рассказывает, как «он убил большого льва в саду», а тогда, когда он сознательно искажает факты, желая что-нибудь получить или избежать неприятных последствий своего поступка. Большую роль в этой детской лжи играет страх — страх наказания, страх, что на него рассердятся. Один из способов развивать в детях правдивость — и очень действенный — научить их, что признание проступка является самым лучшим выходом из положения, что только это спасает от наказания. Помню, какое тяжелое впечатление произвело на меня, когда отец мальчика, укравшего у товарища велосипед, долго убеждал сына сознаться, обещая, что его не накажут. А когда мальчик признался в краже, отец тут же закричал: «Ну и выпорю же я тебя, мерзавца!» Не было ли это наглядным уроком лжи?

Способствует детской лжи и невнимательность взрослых к тому, что думают и чувствуют дети. Конечно, у детей бывает немало желаний, причем часто неисполнимых. Излишнее баловство вредно, и важно с детства понимать, что невозможно иметь все, что тебе хочется. Но мне кажется, что родители должны быть внимательны к детским желаниям и мечтам, должны сочувственно выслушивать их. Важно понять, почему ребенку чего-то особенно хочется, и терпеливо объяснить причину, если его желание исполнить невозможно. Можно предложить ему подождать... «Важно уметь рассуждать с детьми, бесконечно рассуждать с ними...», — говорила мне когда-то мать маленького мальчика, который потом вырос и стал замечательным священником. Это была мать отца Александра Шмемана.

Самый лучший способ воспитания правдивости в детях, это, конечно, пример взрослых. Что видят дети в отношениях взрослых членов семьи? Если в семейных отношениях главенствует любовь и правда, не вырастет ребенок лживым! В романе французского писателя Виктора Гюго «Отверженные» описывается, как бывший каторжник Жан Вальжан заходит в дом старика-епископа в поисках приюта. Епископ гостеприимно принимает его, угощает. В удобный момент каторжник незаметно уходит, забирая со стола один из двух массивных серебряных подсвечников, единственных ценных предметов в доме. Полиция его ловит и, подозревая кражу, приводит обратно к епископу. Епископ радостно встречает каторжника и говорит: «Друг мой, ведь я подарил тебе оба подсвечника, а ты забыл захватить второй!» Этими словами он спасает беглеца. Важно помнить, что бывает «ложь во спасение», бывают случаи, когда формальная ложь ради доброго дела не нарушает правды.

Мне кажется, что самое главное — это воспитать в детях и, прежде всего, в самих себе способность разбираться в том, где ложь и где правда. Мы любим представлять самих себя и обстоятельства, в которых живем, не такими, каковы они есть на самом деле. Слишком часто мы видим их такими, как нам хочется. Мы оправдываем свою бездеятельность мнимой болезненностью, а нетерпение и властность называем ответственностью. Самолюбие и дурной характер выдаем за «стояние за правду». Недаром в одной из самых любимых молитв Православной Церкви мы говорим: «Царю Небесный, Утешителю, душе Истины».

Бог есть дух истины, и с Его помощью мы можем увидеть самих себя и все окружающее нас таким, каково оно есть на самом деле. Эту способность мы и должны стараться воспитывать в наших детях.

В наше время воспитывать в семье дух правдивости очень трудно. Помню, как несколько лет тому назад, когда мне удалось съездить на родину, тогда еще Советский Союз, я встретила подругу моей молодости, тоже бабушку нескольких внуков. В конце дня,

проведенного в длинных душевных разговорах, я спросила ее: «Что самое трудное в вашей жизни здесь?» Не решившись сказать это вслух, она разорвала клочок бумаги и написала на нем одно слово: «ложь», а потом разорвала бумажку на мелкие клочки. В наше время почти невозможно избежать случаев, когда мы должны смолчать вместо того, чтобы говорить то, что думаем. Иногда же приходится говорить неправду. В этих обстоятельствах особенно важно воспитывать в себе способность отличать правду от лжи, понимать, в чем правда и где ложь. Прежде всего быть правдивым с самим собой — это мы можем делать в любых обстоятельствах. И это — самое главное!

В Евангелии любимого ученика Иисуса Христа — Иоанна Богослова мы обретаем замечательные слова о правде — истине. Говоря об Иисусе Христе, Которого он называет «Словом» Бога, он пишет: «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины...» (Ин. 1, 14). Он приводит и слова Самого Иисуса Христа: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными!» (Ин. 8, 32) и «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6).

Отношение родителей к проступкам детей

Труден и запутан этот вопрос. Иногда мы склонны оправдывать наших детей: «Виноваты другие», «Он от них научился». Мы не уверены, какие требования должны предъявлять нашим детям. Можно ли им прощать? Или необходимо, чтобы каждый проступок нес за собой наказание? За что нужно, а за что нельзя наказывать? Когда детские проступки превращаются в грехи? И как нам, родителям, относиться к грехам наших детей? Постараемся разобраться в этом сложном вопросе, хотя мы сознаем нашу ограниченность и неспособность найти идеальное решение.

Для нормального развития в детстве необходима атмосфера порядка и дисциплины. В это понятие входят: определенный распорядок времени, труда и развлечений, исполнение известных обязанностей, вежливость, правдивость, ответственность за порученное дело. Такое детство, проникнутое любовью к детям, внимательностью и пониманием и в то же время подчиненное определенной дисциплине, дает прочную основу для нормального развития духовной жизни.

Вне семьи — в яслях, в детском саду, в школе, — ребенок включается в определенный распорядок дня, но это дисциплина другого рода, дисциплина общественная. Ее нравственные ценности заключаются в том, чтобы научиться, как соблюдать очередь, как делать все вовремя, как не портить вещи, не мешать другим, слушаться указаний, делать все, как указано. Цель такой дисциплины заключается в том, чтобы жизнь коллектива шла гладко. Семейная же дисциплина, особенно в христианской семье, основана на любви и воспитании в детях способности любить и быть внимательным к другим. Нравственные ценности, внушаемые в христианской семье детям, — это прежде всего не огорчать, не делать больно другому, говорить правду, пожалеть, признать свою вину, попросить прощения, простить...

Разница в отношении к проступкам детей со стороны родителей и общественных учреждений заключается именно в том, что отношение родителей к ребенку проникнуто любовью к нему, причем такому, каков он есть. Любовь не баловство, любовь должна быть правдива и требовательна, но она внимательна. Важно понять, почему ребенок ведет себя так или иначе: грубит, не слушается или лжет. По слову апостола Павла, «любовь не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит...» (1 Кор. 13, 5–7). Семейная дисциплина основана на вере в ребенка, а общественная дисциплина на пользе и нуждах коллектива. Эти два вида дисциплины могут не противоречить друг другу, но они затрагивают разные области душевной жизни ребенка.

Дети наши растут, взрослеют... В более сознательном возрасте понятия непослушания, нарушения правил поведения перерождаются в христианском сознании в понятие греха. Это понятие связано с сознательным выбором между тем, что есть «зло», и тем, что есть «добро». Если детское послушание, детская дисциплинированность не перерастают в нравственную сознательность, в совесть — все наши старания нравственно воспитывать детей

тщетны. Беда, если человек вступает во взрослую жизнь, не зная, не понимая и не ощущая на личном опыте таких понятий, как «грех», «раскаяние», «покаяние», «прощение»

Грех всегда есть разрыв отношений: разрыв отношений с Богом. Отказ от любви к Богу противоположен акту послушания воле Божьей, акт обращения к Богу за Его благодатной помощью. Это разрыв отношений с людьми — нелюбовь, равнодушие, непонимание, враждебность, антипатия. И, наконец, грех есть трагедия личности — неприятие самого себя, неуважение к самому себе, к своим способностям и качествам, незнание самого себя.

Конечно, все мы грешим. Грешат наши дети. Но христианская вера дарует нам возможность признать наш грех грехом, почувствовать, что грех — зло, а не добро. Слово «грех» по-гречески означает «промах», согрешить — значит промахнуться, не попасть в цель. Мы не в силах воспитать наших детей так, чтобы они не совершали промахов. Нет таких педагогических рецептов, которые бы обеспечивали безгрешность или святость. Пока дети малы, их нравственность проста: если они делали «плохо», их бранили и наказывали. Если были «хорошими» — хвалили. Но постепенно в их жизнь входит понятие и опыт греха. Но от греха родители не в силах их уберечь. С грехом человек может бороться только сам. Верующие родители могут сделать только одно — и в этом заключается их ответственность — дать детям возможность реально ощутить, и не только на словах, а на личном опыте: что есть добро, есть святость, есть любовь, есть благодатное участие Божие в нашей жизни! Будет у наших детей такой опыт — они смогут осознать свое отпадение от этих ценностей как грех. Признать грех грехом — начало раскаяния, начало покаяния, а следовательно — начало исцеления от греха.

Очень трудно нам, верующим родителям, правильно относиться к грехам наших подрастающих и взрослых детей. Много в поведении молодежи связано с условиями времени, вкусами, обычаями. Такие проблемы — употреблять ли девочкам косметику, когда и какую, как одеваться, причесываться, что прилично и неприлично в разговоре, поведении, действиях, какая музыка нравится или не нравится — все это принадлежит к области вкуса, условности, более чем к области нравственности. Мы, старшее поколение, имеем право высказывать и защищать свои вкусы. Но это право имеет и молодое поколение: на свое мнение о том, что красиво и что некрасиво. Мне кажется, что неправильно отождествлять эти вопросы с нравственностью. Еще болезненнее переживают родители увлечения подростков чем-нибудь безусловно вредным для них — курением, алкоголем, наркотиками. Дисциплинарными мерами с этим не справиться — подростки слишком хорошо умеют обходить их. Мне кажется, родителям важно постараться узнать как можно больше о том, как и почему возникают такие привычки, как они воздействуют на организм, как можно наиболее действенно с ними бороться. Тут роль родителей почти такая же, как при детских заболеваниях — их надо лечить и немедленно обращаться за медицинской помощью.

Самое трудное для родителей-христиан — когда их взрослеющие или взрослые дети отказываются от того, что для родителей свято, — от веры в Бога, молитвы, храма, таинств, целомудрия, церковного брака, не хотят крестить своих младенцев. Не может не вызывать горя и страдания, когда наши дети исключают из своей жизни Божье участие, благодать Божью. Это горе мы изливаем в молитвах. Но даже в горе мы должны быть настороже, чтобы не вкрался в него грех мирского самолюбия: «Она нас опозорила», «Что люди скажут», «Семью осрамил», «Так не полагается...» Да, ущемляется родительское самолюбие, страдает чувство семейного достоинства от распущенности детей, но мы, родители-христиане, должны помнить, что наши чувства как бы второстепенны и могут быть даже полезны для нас в духовном плане.

Грех всегда остается грехом, и оправдывать его проявления в наших детях только потому, что они наши дети, нельзя. Мы обязаны дать им ясное, правдивое суждение о поступках, если у нас сохранились с ними добрые, открытые отношения. Но самое главное — чтобы жила в нас любовь к нашим детям, даже если они совершают грех, чтобы жила вера в то, что каким-то своим, личным путем, по-своему, они когда-нибудь придут к

Тому, Кто есть Свет и Правда жизни.

О подростках

Во всех странах, когда речь заходит о подростках, говорят о «трудном», «переходном», «неблагодарном» возрасте. Исчезает непосредственность, простота, открытость, радостность детства. Подростки делаются замкнутыми, обидчивыми, насмешливыми и даже враждебными по отношению к родителям. В самых любящих дружных семьях родителям приходится переживать этот трудный период. Наши дети перестают быть детьми, и рушатся наши отношения с ними, как с детьми. Счастливы те родители, у которых возникают близкие и дружеские отношения со взрослыми детьми. Со временем они станут счастливыми дедушками и бабушками. Но до этого надо пройти трудное время переходного возраста — 13-ти, 14-ти, 15-ти, 16-ти лет.

В чем суть переходного возраста? Пожалуй, самая характерная черта подростков — их критическое отношение ко всему. И маленькие дети порой капризничают, не слушаются, грубят, обманывают, но они никогда не ставят под вопрос авторитет взрослых, родителей или преподавателей. Подростки же начинают сомневаться во всем и критически относятся ко всему. Во-первых, к самим себе — к своей наружности, к тому, как надо одеваться, как они выглядят, как держать себя соответственно возрасту, какое впечатление они производят на товарищей. Сомневаются и в своих способностях. Хорошо было мечтать в детстве стать балериной или космонавтом, а теперь надо доказать, в том числе и самому себе, что ты на что-то способен. Всякое критическое отношение к ним — уже не говоря о насмешливом — мучительно переживается подростками.

Такое раздраженно-неуверенное отношение к самому себе приводит к обостренно-критическому отношению ко взрослым, особенно к родителям. Как знаком родителям тон подростков, когда на самые простые вопросы вроде: «Ты пообедал?» или: «Ты отправил письмо?», они отвечают страдальческим голосом «Да...» или «Нет...», как будто хотят сказать: «И как можно спрашивать о подобных глупостях?»

Подростки всегда жалуются, что родители им не доверяют, не верят в них, в их способность справиться с какими-нибудь трудностями, правильно решить тот или иной жизненный вопрос, что взрослые надоедают своими советами. Мы не можем верить, что подростки всегда сумеют сами найти правильное решение, вовремя заметить опасность. Мы знаем, что они неспособны избежать ошибок, могут навредить себе, попасть в беду. Как оградить их от опасностей, как тут не вмешаться, как воздержаться от советов? В то же время мы знаем, что если не разовьется в них способность принимать самостоятельные решения, если не научатся они понимать, что правильно и что неправильно, это непоправимо. Мне кажется, что родительская мудрость заключается в том, чтобы предоставлять подросткам как можно больше самостоятельности в решениях, при этом не ослабляя внимания, не снижая заботы о них. Мы должны оставаться достаточно чуткими, чтобы не проморгать — вдруг что-то идет неправильно, вдруг подростку нужна помощь. Важно уметь слушать и слышать то, о чем часто они не говорят.

Отрочество — период усвоения, закрепления нравственной самостоятельности и ответственности. Это приобретается только на опыте. И единственной помощью в процессе приобретения этого опыта становятся проявления доверия, сочувствия, внимания, понимания со стороны родителей и старшего друга. Подросткам нужна свобода, но также и уверенность, что за ними кто-то стоит, что они не одиноки.

Какое же место должны занимать дисциплина и правила поведения? Например, о возвращении домой к определенному часу, об исполнении домашних обязанностей? Мне кажется, что этих правил не должно быть много, но они должны быть твердыми. Конечно подростки возмущаются — это естественно! Но очень важно, что есть правила, есть семейный уклад и порядок, которому они должны подчиняться. Мне часто рисуется такой образ — душевная жизнь подростка похожа на состояние человека, старающегося выйти во тьму из чужого дома. И он натывается на твердые предметы: столы, стулья. Даже если он только натывается на них, ему все-таки легче найти выход, чем если бы все предметы были

мягкими или бесформенными. Важно помнить, что нельзя навязывать подростку собственные представления. Нельзя требовать, чтобы то, что вдохновляет нас, что нам кажется трогательным или красивым, вызывало те же чувства у наших детей.

Надо помнить, что подростки воспринимают себя почти взрослыми. Родители же видят в них и тех, кем они стали сейчас, и тех, кем они были несколько лет тому назад, т. е. воспринимают их совсем еще маленькими. В этом случае возникает конфликт между представлением подростка о самом себе и представлением родителей. Огромное значение для подростка имеют сверстники. Оказаться чужим, иным среди товарищей — самое тяжелое переживание. Быть принятым в компанию кажется самым важным достижением. Если все носят джинсы, должен иметь джинсы и я, если все курят, должен курить и я, если все пьют, должен пить и я.

В атмосфере бездумного подражания товарищам, неуверенности в себе, критического отношения к авторитету родителей и недостаточного интеллектуального багажа, чтобы разобраться во всех этих противоречиях, в подростках просыпаются новые чувства, новая готовность к любви. Романы и ухаживания среди подростков часто принимают странные и как будто неромантические формы. От застенчивости и неумения возникают грубость и неуклюжесть. Но все-таки это любовь — первая любовь в жизни человека. Дети любят родителей, но рождается любовь совсем иного рода. Влюбленность, чувство любви к сверстнице или сверстнику волнует и смущает подростка. Ничто из прошлого опыта отношений с людьми не подсказывает ему, как себя вести в этом новом для него мире, каких правил держаться? Что именно в этом мальчике или этой девочке мне нравится? Чего я хочу от наших отношений?

Никакими рассуждениями и нотациями нельзя помочь подростку разобраться в своей влюбленности. Никто не может научить его любви. Хорошо, если на заре юности у него уже сформировалось понятие о том, что такое настоящая любовь, — из книг, из тех отношений, которые он наблюдал в семье, в жизни. Но разобраться в этом ему предстоит самому. Слава Богу, если у подростка существует возможность общения с понимающими, любящими, терпеливыми взрослыми друзьями или родителями. Нельзя навязывать откровенных разговоров, нельзя требовать откровенности — важно уметь слушать, «принимать сигнал», если даже смысл этих сигналов — «Не спрашивай меня», «Не говори сейчас со мной». Важно уметь молчать и все-таки оставаться любящими и внимательными.

Перед родителями подростков стоит трудная двойственная задача: понять и принять как факт, что взрослеющие дети должны отойти от них, должны стать самостоятельными, может быть совсем другими, чем представляли родители. Это законно, нормально и правильно.

Семья призвана дать подростку опыт семейного уклада, порядка, определенных принципов и правил. Даже если подростки бунтуют, важно, чтобы было против чего бунтовать, чтобы была стена, о которую можно ушибиться, но к которой в минуту нужды можно припасть, ища опоры.

О чем родители не говорят с детьми

Никто из нас, вероятно, не сомневается в том, как сильно влияет на детей мировоззрение родителей. То, что родители говорят, пример, который они дают, их отношения друг с другом накладывают неизгладимое впечатление на детское сознание. Влияет на ребенка и то, о чем родители не говорят. Факт умалчивания о том или ином предмете также оказывает влияние на ребенка. Есть сфера жизни, о которой у нас не принято говорить с детьми, о которой родители почти всегда молчат. Эта запретная сфера — развитие мужского и женского начала в подрастающих детях. То, с чем каждый мальчик и каждая девочка в возрасте 9–11 лет обязательно соприкасаются. Важно правильно отвечать на вопросы маленьких детей о начале новой жизни, о появлении на свет нового человеческого существа. Но также важно помочь подрастающему ребенку правильно понять процесс собственного созревания, правильно относиться к своей возмужалости или женственности. Делать это лучше в предподростковый период, до того, как это начинает волновать их, до

того как этот вопрос становится болезненным. Заложив в сознание детей должное отношение, мы поможем им благополучно пережить бурный период созревания. Каждый подросток формируется, взрослеет, переживает происходящие в нем перемены. Возникают вопросы, и сфера пола, отношения между полами манят своей таинственностью, волнуют его. Обычно родители молчат, и все, что ребенок узнает, приходит со стороны — от товарищей, с улицы, из «неприличных» шуток, анекдотов, картинок, из того, что ребенок случайно видит сам и по-своему объясняет.

Какое отношение к этой сфере человеческой жизни хотят воспитать верующие родители? Мне кажется, прежде всего, взрослым важно для себя решить этот вопрос. Мы верим, что мир сотворен Богом. Наше физическое, телесное существо — создание Божие. В первой главе Священного Писания сказано: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1,27–28).

В самом акте творения человека, в человеческой природе соединяются «образ Божий» и двойственность мужского и женского начала — влечение друг к другу для продолжения рода. Апостол Павел пишет Коринфянам: «тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа» (1 Кор. 6, 19). Этими словами Священное Писание как бы «задает должный тон» нашему отношению к половой жизни: она дана нам Богом, это Его благой дар нам, поэтому мы призваны относиться к этому дару с благодарностью и уважением, как к храму Божьему. И мы призваны ценить и соблюдать себя в чистоте.

Есть хорошее старинное слово «целомудрие». Оно происходит от слов «цел» — «целый» и «мудрый». В церковнославянском и древнерусском языках слово «цел» значило «здоровый» (отсюда — исцеление). Нецеломудрие начинается тогда, когда часть нашей жизни теряет связь с целым, т. е. со всем, что здорово. Целомудренно то отношение к телу, ко всем его нуждам, которое является частью общего понимания нашей жизни, ее смысла и цели.

Мне кажется, важно научить детей относиться с уважением к своему телу. Чтобы они понимали, что в нем происходит. Чтобы они знали, как мы живем, как питаемся, как дышим, как рождаемся, как растем. Это важное, нужное, чистое знание, и оно приучает нас к ответственности, ограждая от многих опасностей. Хорошо, чтобы дети знали, как они будут расти и развиваться, какие в них скоро произойдут перемены. Открытым и серьезным отношением к переменам родители утверждают в детях простое и целомудренное отношение к своему телу. Если же родители умалчивают — дети все равно узнают об этом и, скорее всего, в самой пошлой форме. Быть может, не стоит намеренно начинать «поучительные» разговоры. Дети впитывают то, о чем говорят между собой взрослые. Учатся, слушая как они говорят. Впитывают, как относятся родители к вопросам, связанным с любовью, супружеством, отношениями между мужчинами и женщинами. Мы призваны отвечать на вопросы подрастающих детей. Не стоит себя обманывать: мы часто не готовы ответить на детские вопросы. Часто сами недостаточно осведомлены или не продумали возможность ответов. Помню, когда моим старшим девочкам было лет 9–10, мне помогли советы умной женщины, врача-гинеколога, о том, как объяснить им процесс менструации. А ведь правильное объяснение, данное девочке, определяет ее отношение к материнству.

Но далеко не всегда дети обращаются к нам с вопросами. Пожалуй, едва ли не самое главное в воспитании детей — созидание простых, открытых, доверчивых отношений с детьми. Если в семье царит атмосфера доверия, любые вопросы задаются легко. Подрастающий ребенок уверен, что его поймут, выслушают, будут к нему внимательны. Важно научиться разговаривать с детьми, слушать их, обсуждать с ними то, что им интересно. Понимать и то, что они иногда не умеют высказать.

Знания о жизни человеческого тела, которые дети получают в школе, на уроках естествознания, анатомии или гигиены, не могут заменить того, что дают родители, вернее того, что они могут и призваны дать. Школа дает фактические знания, но не воспитывает личного нравственного чувства и сознания. Школа не в состоянии органически сплавить

«знание» и «опыт жизни» ребенка. Целомудрие в том и заключается, что знание становится частью целостного понимания смысла жизни, отношений с людьми, отношения к самому себе, чувства ответственности перед Богом за себя, за других — это и есть «мудрость». Для христианина любовь между мужчиной и женщиной — данная Богом способность, и осуществлять ее, понимать ее христиане призваны в свете христианского видения смысла человеческой жизни.

В тех странах, где сведения о половой жизни и половом развитии включены в школьные программы, нравственный уровень учащейся молодежи никак не повысился. Неудачно проведенный урок может даже повредить естественной неискренности стыдливости подростков. Именно в семье можно воспитать здоровое отношение подростка ко всему, что связано с половым развитием. В семье развивается понимание того, что мы называем личным, интимным. Дети учатся чувствовать, что есть в жизни свое, личное, дорогое, но как бы сокровенное, о чем мы не всегда, не со всеми, не при всех говорим. Не потому, что это нехорошо, неприлично, грязно или стыдно, а потому, что это личное. Мы уважаем это «свое» в других, и другие уважают наше «свое» в нас. Таким должен быть опыт здоровой семейной жизни. Слова «стыдливость», «скромность», которые сегодня кажутся такими старомодными, отражают глубинную органическую черту человеческого сознания, которая всегда существовала и всегда будет существовать. В заключение мне хотелось бы подчеркнуть еще одно — не отказываться от родительской ответственности и самим искать путей ее осуществления — путей всегда личностных и неповторимых.

Как говорить с детьми о зарождающейся новой жизни

Когда мы, родители, печемся о нравственном воспитании детей, то очень часто делаем это так, как будто нравственность — автономная область жизни или какой-то «предмет», который мы должны преподавать нашим детям. Нравственность на самом деле — это то, как мы живем, что одушевляет нашу жизнь. Нравственное учение действительно лишь в том случае, если оно воплощается в жизни. Взрослые люди склонны поговорить о нравственных ценностях — правдивости, любви, ответственности, послушании, добре, зле, но, к сожалению, как об отвлеченных понятиях. Воспитывать целостное мирозерцание наших детей мы можем лишь при одном условии — если эти нравственные ценности воплощаются в реальный опыт детской жизни. Ребенок призван испытать в своей жизни, что такое правдивость, любовь или послушание, чтобы осознать смысл этих нравственных ценностей. Только в процессе реальной жизни, только переживая все, из чего состоит жизнь — рождение и смерть, голод и насыщение, влечение одного человека к другому или отталкивание, радость и боль, — ребенок начинает понимать то, что мы называем нравственными ценностями.

Одна из основных христианских нравственных ценностей — наше признание значимости человеческой жизни. Нельзя быть христианином и не чувствовать, что каждое человеческое существо драгоценно, что Бог любит каждого человека и что самая великая заповедь, данная человеку, — это любить Бога и каждого человека. Цель христианского воспитания — суметь пробудить любовь и уважение к человеческой личности, не только к своей собственной, но и окружающих тебя людей. Недаром в Евангелии сказано: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

Развивая понимание значимости человеческой личности, важно помнить, что большое место в жизни ребенка занимает появление нового человеческого существа. До сих пор еще существуют семьи, в которых не принято говорить с маленькими детьми об ожидаемом появлении брата или сестрицы. Часто мать пытается скрыть свою беременность. Мне кажется, что это неправильно. Ребенок инстинктивно начинает подозревать, что скрывают что-то постыдное или страшное. Появление новой жизни в семье — это ответственность. В нормальной любящей семье — радостная ответственность. Даже малыши могут ощутить эту радость. Мать носит в себе нового ребенка. Это и понятно, и радостно. Это может на всю жизнь определить отношение ребенка к рождению, к зачатию человеческой жизни, к человеческой любви. Малыши могут даже принимать участие в этом радостном ожидании.

Помню, ожидая третьего ребенка, я как-то неудачно упала. Мои старшие девочки, 4 и 6 лет побежали помолиться, чтобы «детка не сломалась».

С переживанием беременности матери связаны детские вопросы, на которые порой нам трудно ответить. Мне кажется, почти невозможно и, может быть, нежелательно проявлять слишком много инициативы, пытаюсь объяснить детям суть процессов, связанных с зачатием и рождением младенца. Но очень важно разумно и правдиво отвечать по мере того, как у детей возникают вопросы. При этом понять смысл вопроса, его границы. В каждом отдельном случае дети хотят знать не «все», а только то, что их, в свете их понимания и знания жизни, интересует. Мы же склонны воспринимать детские вопросы в границах нашего взрослого опыта.

Например, пятилетняя девочка спрашивает мать, как так получилось, что в «животике» у мамы оказался младенец. Мать отвечает: «Да ведь он во мне растет, как цветочек растет из семечка». Ответ этот вполне удовлетворил ребенка, и мне кажется, что он мудр и правилен, потому что не было обмана или лжи. Более того — он был точен. Мать ответила только на то, что ребенок хотел узнать. И в то же время он помог ребенку познать, в пределах его опыта, как зарождается человеческая жизнь.

Важно помочь усвоить маленьким детям то, что можно назвать детским богословием о начале человеческой жизни: Бог устроил мир так, что каждый человек вырастает из малого семени, которое несет в себе мать. Каждому младенцу важно иметь папу и маму, чтобы они заботились о нем. Папа и мама любят друг друга и любят своих детей. Если ребенок обладает верой в это, и она основана на опыте семьи, значит заложен фундамент его нравственного сознания.

Детям постарше, лет 6–7, можно рассказать и о том, что в младенце, который вот-вот родится, заложены многие черты, которые он наследует от родителей, — и рост, и цвет волос и глаз, и голос, и таланты. И на этом примере можно развивать в детях понятие значимости семьи, рода, всего, что мы наследуем от наших предков.

Мне кажется, что маленьким детям, в семье и в окружении которых ждут появления на свет младенца, полезно знать об этом заранее. Заботливые приготовления к рождению нового члена семьи дают пример любовного и радостного отношения к новому человеческому существу. Если мать бережет себя во время беременности — не курит, не пьет, воздерживается от каких-нибудь лекарств, — это заложит в детях понятие об ответственности родителей за детей, о родительской любви.

Хорошо прочитать детям первую главу Евангелия от Луки, в которой рассказано о том, как Елизавета ожидала рождения Иоанна Крестителя. В семье, в которой ожидается появление нового члена, этот рассказ создаст христианское настроение и поможет правильно осознать это событие. Мне кажется, что такое серьезное и в то же время простое отношение гораздо правильнее, гораздо больше соответствует христианской нравственности, чем рассказы о том, что «мама купила детку в магазине» или что «нашла брата или сестренку в капусте»

О детском творчестве и детских играх

Казалось бы, какую связь имеет детское творчество и детские игры с религиозным воспитанием детей? Тем не менее, такая связь существует. Христианское воспитание призвано возвращать и воспитывать вложенные Богом в душу человека способности — творческие способности, таланты. Насколько значима притча Иисуса Христа о талантах, в которой рассказано, как хозяин, отправляясь в путешествие, выдал слугам разные суммы денег — таланты, кому больше, кому меньше. (Талантами в древности назывались крупные денежные единицы — обычно слитки серебра.) Вернувшись, хозяин похвалил и наградил тех слуг, которые использовали эти деньги и заработали на них, но осудил слугу, который, страшась ответственности, закопал серебро в землю.

Способность к любви, сочувствию и пониманию самого себя, своих способностей и возможностей, умение обращаться с предметами, продумывать и разрешать возникающие проблемы, создавать что-то — все это неотъемлемая часть детских игр. Это не просто игры

воображения, но творчество. Все эти человеческие свойства — неотъемлемая часть нашей духовной жизни. Всякое христианское воспитание призвано стать полнокровным и всеобъемлющим, готовящим ребенка к жизни, в самом полном смысле этого слова.

Чего только не воображают дети в своих играх! Они и папы, и мамы, и путешественники, и астронавты, и герои, и балерины, и доктора, и хирурги, и пожарные, и охотники. Они строят, мастерят, наряжаются. Домашняя мебель превращается в автомобили, самолеты, космические корабли... Мир детской игры и фантазии напоминает тот первозданный мир, о котором повествует Священное Писание и который Бог поручил человеку, чтобы «обладать и владычествовать над ним».

В играх развивается душевная жизнь ребенка, формируется личность, проявляются понемногу его таланты. Детская игра — это проявление творческой душевной жизни, вложенной в человека Богом. Дети, лишённые игры, останавливаются в своем духовном развитии. Это не новая педагогическая теория. Хорошие воспитатели всегда так чувствовали и так думали. Помню, как моя мать рассказывала мне о своей, любимой ею, гувернантке, которая говорила больше ста лет тому назад: «Главная обязанность детей — это играть, уметь играть...»

В наше время многое мешает развитию детской творческой игры. Вредно воздействует на детскую игру телевидение. Ребенка гипнотизирует экран, перед которым он может сидеть часами, не принимая никакого участия в действии, полностью отдаваясь тому, что он видит. Это порой действует как наркотик. Телевидение из нашей жизни не выбросишь, да и программы часто бывают полезные, интересные, художественные. Но слишком соблазнительно посадить ребенка перед телевизором, просто чтобы занять его, чтобы он не мешал, не вертелся под ногами! Делая это, мы отдаем его во власть завораживающей силы, которую очень трудно потом контролировать. В американском обществе все чаще говорят о вредном влиянии тех телевизионных передач, которые пропагандируют насилие, преступления, полную распущенность. Всякое новое достижение цивилизации накладывает большую ответственность, требуя от нас умения использовать эти достижения, не становясь их рабами.

Еще одно препятствие для развития детских игр, особенно в условиях городской жизни в России, — это квартирная теснота, отсутствие места для игр. Как ребенку увлечься игрой, построить что-нибудь — когда нет места, когда у него не только комнаты, но и угла своего нет, когда главное — это чтобы он «не мешал другим».

Когда мы, эмигрантская семья с 4-мя детьми, прибыли из Франции в Америку, нам пришлось провести 8 недель бездомными. Недолго мы жили в портовой гостинице, ожидая отплытия корабля, задерживающегося из-за забастовки. Потом неделю провели на борту корабля, а по прибытии шесть недель в общежитии для эмигрантов, пока муж и я искали работу и квартиру. И вот наконец мы устроились в чудесном старом доме за городом, в котором потом и прожили 35 лет. Четырехлетнему сыну досталась крошечная комнатка рядом с нашей спальней. «Вот, Юрик, это будет твоя комната!» — радостно сообщила я ему. «Моя, совсем моя?» — переспросил он. «Да, совсем твоя!» «И я могу в ней устроить беспорядок?» У меня не хватило духу разочаровать его после восьми недель, когда его все время упрасивали не устраивать беспорядка. «Да, можешь...» Он вошел в свою комнатку, закрыл дверь на задвижку и... вывернул на пол содержимое столика и комода, в которые я так заботливо разложила его вещи. Как важно маленькому человеку иметь «свой» угол!

Не всегда есть возможность предоставить ребенку отдельную комнату, но мне кажется, всегда можно отвести ему свой уголок, свою картонку для вещей, хозяином которой он будет себя чувствовать и к этой его «собственности» надо относиться с уважением и бережно.

Мешает творческой индивидуальной детской игре и перегруженность школьных занятий. Школа — коллектив, и остается мало времени для индивидуального творчества. Начиная с яслей и детского сада, все внимание воспитателей уходит на то, чтобы научить

детей дисциплине. Все игры и упражнения учат именно этому. А если мать работает, то маленькие дети проводят в яслях или саду весь день. Где же тут развиться личному творчеству? Дети постарше заняты не только учебной, но и многочисленными внешкольными делами — добровольными и обязательными: спорт, собрания, кружки, дополнительные уроки. И растут наши ребята в городских условиях, где нет места миру личной фантазии, творческой игры, индивидуального развития.

Что можем мы, родители, делать, чтобы помочь в этой беде?

С сочувствием и уважением нужно относиться и к фантастическим играм. Если для ребенка в данную минуту кухонный стул — это отсек космического корабля, надо признать это. А с другой стороны важно не портить игру, не вмешиваться в нее, расспрашивая или подшучивая. Или, не дай Бог, рассказывая другим взрослым, как «Петя играл...», или что он сказал, или что сделал. Дети имеют право на свою частную жизнь, игру, в которую взрослым лучше не вмешиваться.

Мы можем способствовать творческой детской игре выбором игрушек, которые мы дарим детям. Очень часто дорогие механические игрушки самые неудачные. Ребенку подарят заводного клоуна, который взрослым кажется таким забавным. Но как ребенок может с ним играть? Завести и смотреть, как клоун ходит? Чем больше ребенок может делать что-то сам с игрушкой, тем она лучше. Неважно, если ребенок не использует подаренные ему кубики, чтобы выучить буквы, — он из этих кубиков построит дорогу, мост, дом, сделает стену. В течение многих лет самой любимой моей игрушкой была деревянная коробочка, изображавшая внутренность избы, с большой русской печью, столом, лавочками. Помню, как в какой-то период я ее выкрасила в черный цвет, и она была притоном шайки разбойников. Сколько приключений было связано с этой избой: и спасение маленького индийского принца, и приключения четырех солдат, искавших своего погибшего командира! Если дарить куклу, то лучше такую, которую можно раздевать, мыть, причесывать — это гораздо интереснее, чем если кукла может говорить, когда тянешь за шнурок — «ма-ма».

Самая ответственная и трудная часть воспитания — не та, когда мы стараемся вложить что-то свое в наших детей, научить их тому, что мы считаем важным, а когда мы бережно, с любовью и уважением стараемся способствовать росту «талантов», вложенных Богом в наших детей, стараемся распознать их и предоставить им возможность раскрыться в семейной жизни.

Пособие для подготовки школьной программы

Прилагаемая ниже схема не является программой преподавания Закона Божия. Это скорее попытка продумать содержание занятий по Закону Божию с детьми на различных этапах их умственного и душевного развития. Мне кажется, что использовать материал, всегда составлявший главное содержание православного религиозного обучения, — повествования из Ветхого и Нового Завета, объяснение богослужения, вероучения, истории Церкви, житий святых, — следует не в историческом или логическом разделении проходимого материала, а в таком порядке и в таком методическом изложении, чтобы этот материал являлся духовной пищей на разных ступенях духовного, душевного и умственного развития ребенка.

Для определения этапов умственного и душевного развития ребенка я пользовалась книгой английского педагога-психолога Рональда Гольдмана «Готовность к религии». Гольдман связывает эти этапы с десятью основными «темами» жизненного опыта и мышления детей:

- 1) семья;
- 2) представление о своей личности;
- 3) отношение к окружающей среде;
- 4) понятие о Церкви;
- 5) понятие об окружающем мире;

- 6) понятие о Боге;
- 7) молитва;
- 8) понимание символизма;
- 9) нравственные понятия;
- 10) историческое сознание.

Дети младшего возраста (5, 6 и 7 лет)	
Этапы развития мышления	Религиозно–педагогический материал, усваиваемый на этом уровне развития
1. Семья	
Семья играет центральную роль в сознании ребенка, хотя жизненный опыт начинает расширяться при посещении дошкольных занятий. Младенческая уверенность во «всемогуществе» родителей, в том, что «папа и мама все могут», постепенно уменьшается.	Детям близки рассказы из Священного Писания о значении семьи. Например, в рассказе о Ное следует обращать внимание детей не на мировую катастрофу — наказание за грехи, — а на то, как Бог спас единственную семью, оставшуюся «доброй», и сохранил по семье от каждого вида животных. Рассказ о спасении младенца Моисея. Из Нового Завета — Рождество Христово, Сретение. Рождение Иоанна Крестителя, Рождество Божией Матери, Введение во храм.
2. Представление о своей личности	
Дети очень эгоцентричны и мало способны понять точку зрения другого. Им понятна конкретная причинная связь в рассказе, но их понимание ограничено еще недоступными им историческими и географическими понятиями. Сосредоточенность внимания ограничена несколькими минутами. Большая потребность двигаться и неспособность быть неподвижными. Очень хорошая память—запоминаются даже непонятные короткие слова, особенно связанные с движением и мелодией.	Для душевного развития детей весьма полезны простые рассказы, вызывающие чувство жалости, сочувствия и доброго отношения к другим людям и животным. Например, из Ветхого Завета рассказы о том, как Авраам помогал племяннику Лоту, о том, как Валаам научился правде от своей ослицы. Из Нового Завета — рассказ о мальчике, принесшем Христу свои рыбки и хлеб для насыщения толпы, или о милосердном самарянине.
3. Отношение к окружающей среде	
Помимо своей семьи ребенок соприкасается с миром дошкольных занятий и первого класса школы. Дети начинают усваивать понятие «общего» труда.	Дружелюбная атмосфера совместной игры и труда на уроках Закона Божия так же необходима для душевного развития детей, как и то, что в это время рассказывается. Дети могут хорошо воспринимать рассказы из Ветхого и Нового Завета о совместных усилиях. Например, о постройке скинии, а из Нового Завета о входе Господнем в Иерусалим и роли детей в этом событии, о Тайной Вечери как об установлении Таинства причащения, то есть самого близкого общения Христа с учениками.
4. Понятие о Церкви	
Это понятие ограничено исключительно впечатлениями в здании храма.	Детям важно познакомиться с храмом и церковной утварью, а также всеми предметами, находящимися в храме, с

	<p>облачением духовенства и познакомиться главным образом при помощи всех своих пяти чувств. Это «чувственное» восприятие храма вполне законно и не будет забыто на последующих стадиях развития.</p>
<p>5. Понятие об окружающем мире</p>	
<p>В детских представлениях о мире не разграничены области фантазии и реального. Окружающие их предметы нередко наделяются человеческими свойствами. Они часто задают вопросы об окружающем мире, но удовлетворяются самыми простыми ответами.</p>	<p>Дети охотно принимают, что окружающий мир сотворен Богом, если им это говорят взрослые. Полезно воспитывать в них способность чувствовать красоту и мудрость окружающего мира, знакомить их с жизнью природы. Ветхозаветный рассказ о сотворении мира следует передавать детям в такой форме, чтобы они чувствовали, как Бог вложил в сотворенный Им мир и в человека возможность расти и развиваться.</p>
<p>6. Понятие о Боге</p>	
<p>Понятие маленьких детей о Боге определяется главным образом мыслью о Нем как о Творце всего окружающего, управляющего им. Понятие об Иисусе Христе сводится к тому, что Он был очень добрый, любил людей и помогал им и что злые люди убили Его.</p>	<p>Рассказы из Ветхого Завета о Боге Творце и Боге Промыслителе доступны детям, если не связывать их с историческими и географическими или слишком сложными богословскими понятиями. Из Ветхого Завета доступны краткие повествования о явлении Бога Моисею, о даровании 10 заповедей, без рассмотрения самих заповедей. Рассказы о явлениях Святой Троицы из Ветхого и Нового Завета как рассказы, дающие материал для более глубокого понимания в будущем. Рассказы о чудесах Иисуса Христа как о проявлении Его любви к людям, а не «волшебстве».</p>
<p>7. Молитва</p>	
<p>С одной стороны, дети воспринимают ежедневную молитву и посещение храма как обязанность, установленную родителями, а с другой — они охотно верят, что по молитве можно получить от Бога все, что хочешь.</p>	<p>В маленьких детях следует укреплять сознание, что молитва — это обращение к Богу, и не только с просьбой, но и с благодарностью, и что не всегда то, чего нам хочется, совпадает с тем, что хочет Бог, например рассказ о пророке Ионе. Дети легко запоминают короткие молитвы, и знание их помогает им ощущать, что они принимают участие в богослужении. Для домашней молитвы хорошо детям самим вспоминать, о чем они хотят помолиться или за что они хотят поблагодарить Бога. Молитва детей проста, и не следует требовать от них особого благоговения или чрезмерного внимания.</p>
<p>8. Понимание символизма</p>	
<p>Маленькие дети легко воспринимают символику предметов: «палка — это ружье, стул — это самолет». Но символический смысл рассказов и повествований им</p>	<p>Дети легко воспринимают символику предметов в храме: свечи — это наши молитвы, дым от ладана — наша хвала Богу, крест на храме — знак, что храм</p>

<p>недоступен и часто ими искажается.</p>	<p>принадлежит Богу, хлеб и вино — символы пищи и питья, которые нам нужны, чтобы жить, масло и святая вода — средства для исцеления. С этой простой символикой следует знакомить не вдаваясь в более глубокие объяснения.</p>
<p>9. Нравственные понятия</p>	
<p>Зло отождествляется с нанесенным материальным ущербом, чем-нибудь сломанным, испорченным, а также с неудовольствием родителей и строгостью наказания. Ребенок остро ощущает то, что ему кажется несправедливостью по отношению к нему, но не замечает, когда он причиняет боль или огорчение другим. Добро отождествляется с одобрением и похвалой других.</p>	<p>Следует, насколько это возможно, углублять понимание детьми «добра» и «зла». Например, рассказы о грехопадении ангелов, о грехе первых людей, о Каине и Авеле, а из Нового Завета — притча о блудном сыне, о милосердном царе и злом рабе. Если они просто рассказаны, не вдаваясь в богословие, символику или особые нравственные рассуждения, то производят на детей большое впечатление, уча верному отношению ко злу и к добру.</p>
<p>10. Историческое сознание</p>	
<p>Такое сознание у маленьких детей ограничено понятиями «давным-давно», «на днях», «вечера», «завтра». Хронология исторических событий не имеет для них никакого значения.</p>	<p>Преподавать систематически в эти годы Священную Историю — бессмысленно. Даже разделение на Ветхий и Новый Завет становится доступным только к самому концу этого возраста. Повествования из Священного Писания должны рассказываться каждое само по себе, ради того впечатления, которое оно может произвести на душу ребенка.</p>

Д
ет
и
ср
ед
не
го
во
зр
ас
та
(8
, 9
и
10
ле
т)
Э
та
п
ы

р	п
а	к
з	с
в	э
и	н
т	о
и	—
я	п
м	е
ы	д
ш	з
л	п
е	с
н	п
и	к
я	л
	е
	с
	н
	к
	й
	м
	з
	т
	е
	п
	к
	з
	л
	,
	у
	с
	е
	з
	н
	е
	з
	е
	м
	н
	к
	й
	н
	з
	э
	т
	с
	м

Д	П
ит	и
ел	и
и	с
у	а
ж	н
е	и
не	я
яв	,
ля	
ю	и
тс	л
я	л
ед	н
и	с
нс	т
тв	р
ен	и
н	р
ы	у
м	н
ав	ц
то	и
ри	е
те	
то	р
м.	с
Д	л
ет	н
и	
ск	с
ло	е
н	м
н	н
ы	и
за	
м	в
еч	
ат	с
ь	с
их	х
не	р
до	а
ст	н
ат	е
ки	н
,	и
но	и
бе	
з	П
ос	с
об	ж

ог	н
о	е
ос	п
у	с
ж	
де	б
н	л
ия	а
,	п
В	с
от	с
но	л
ш	с
ен	в
ия	е
х	н
с	и
бр	я
ат	
ья	н
м	а
и	р
и	с
се	д
ст	у
ра	;
м	
и	п
—	р
не	и
из	м
бе	е
ж	р
н	н
ы	
е	и
ко	з
н	
ф	ж
ли	и
кт	з
ы	н
и	и
ре	
вн	р
ос	у
ть	с
и	с
в	к
то	и
ж	х
е	

вр	с
е	е
м	я
я	т
—	е
ло	х
ял	:
ьн	
ос	с
ть	т
к	н
се	с
м	п
ье	е
в	н
це	и
ло	я
м.	
	с
	р
	с
	д
	и
	т
	е
	л
	я
	м
	и
	г
	р
	е
	г
	.
	с
	е
	р
	п
	и
	я
	н
	а
	д
	с
	н
	е
	х
	с

К
С
П
С
К
Г
Р
Е
П
.
С
Е
П
А
С
К
М
А
С
А
Р
С
Е
С
К
С
П
С
С
М
А
Т
Е
Р
И
А
.
П
Р
С
О
У
Д
А

е
т
с
я
и
н
т
е
р
е
с
с
д
е
т
е
й
к
б
а
с
у
п
к
а
м
и
д
е
д
у
п
к
а
м
,
х
р
а
н
и
т
е
л
я
м

	С е м е й н ь х т р а д и ц и й .
2. Представление о своей личнойности	
Детское мое имя слышал ли я когда-нибудь	Э н а к с и я н д е т е й

но	
те	с
пе	с
рь	
де	с
ла	в
ть	я
об	л
щ	е
ие	н
в	н
ы	с
во	й
д	
ы	л
из	с
ко	т
нк	с
ре	р
тн	и
ы	е
х	й
сл	,
уч	
ае	с
в,	т
но	с
не	и
го	т
то	
во	с
е	б
щ	р
е	а
к	т
аб	и
ст	т
ра	в
кт	
но	и
й	х
м	
ы	в
сл	н
и.	и
П	м
он	а
и	н
м	и
ан	е
ие	
св	н

яз	а
и	
м	п
е	р
ж	и
ду	ч
пр	и
ич	н
и	н
но	с
й	—
и	с
сл	л
ед	е
ст	д
ви	с
е	т
м	в
яв	е
ле	н
н	н
ия	у
сп	н
ос	
об	с
ст	в
ву	я
ет	з
ра	н
зв	
ит	с
и	с
ю	б
пр	н
и	т
м	и
ит	й
ив	:
но	
го	н
ра	а
ц	г
ио	р
на	и
ли	м
зм	е
а.	р
Б	,
ол	
ь	и
ш	з
ая	

чу	П
вс	е
тв	т
ит	х
ел	с
ьн	п
ос	с
ть	
к	э
ли	а
чн	в
ы	е
м	т
от	а
но	
ш	—
ен	
ия	к
м	с
с	т
др	с
уз	р
ья	и
м	я
и	
и	к
ж	с
ел	с
ан	и
ие	ф
и	а
м	,
ет	
ь	и
ли	с
чн	т
ог	с
о	р
др	к
уг	я
а.	
	М
	с
	и
	с
	е
	я
	к
	и
	с

Х
С
Д
Е
Е
Р
Е
Е
Е
И
З
Е
Г
И
Г
Т
З
,
Г
С
Е
Е
Д
Е
Н
И
Е
Т
Р
Е
Х
С
Т
Р
С
К
С
Е
Е
Е
З
Е
И
Л

С
Н
С
К
С
М
Г
Л
Е
Н
У
И
Д
Р
.
К
З
И
С
Е
С
П
С
З
а
Е
е
л
а
—
Г
Р
И
Г
л
а
С
С
Л
У
Д
Н

С
М

С
Б
Б
Б
Б
,
Б
Б
Л
Б
р
а
я

С
Т
Б
С
Л
Б
Б
Б
я

С
Т
а
Г
Л
Б
П
С

С
Б
Б
а
.

**3.
О
т
н
о
ш
е
н
и
е
к
о
к**

р	
у	
ж	
а	
ю	
щ	
ей	
ср	
ед	
е	
Ш	Б
ко	с
ла	е
вс	
е	с
бо	с
ль	т
ш	р
е	е
за	е
хв	
ат	с
ы	т
ва	а
ет	в
ж	и
из	т
нь	с
ре	я
бе	
нк	в
а.	с
Ш	п
ко	р
ль	с
на	с
я	:
д	
ис	
ц	
и	
пл	
и	
на	
бо	
ле	
е	
тр	
еб	
ов	
ат	
ел	

ьн
а,
че
м
в
м
ла
д
ш
е
м
во
зр
ас
те
,
К
он
ф
ли
кт
ы
в
ш
ко
ле
во
зн
ик
а
ю
т
и
ра
зр
е
ш
а
ю
тс
я
бе
з
уч
ас
ти
я
ро
д
ит
ел
ей

.
М
не
н
ия
и
по
ве
де
н
ие
то
ва
ри
щ
ей
м
о
ж
ет
си
ль
но
от
ли
ча
ть
ся
от
м
не
н
и
й
и
по
ве
де
н
ия
,
пр
и
ня
т
ы
х
в
се
м
ье
.

Ре бе нк у вс е ча щ е пр их од ит ся ре ш ат ь са м о м у, чт о хо ро ш о и чт о пл ох о.	< и т с х с р с и к т с
--	--

И
Л
С
Х
С
З
>
<
Е
а
Р
Э
Т
С
М
С
>
Е
С
У
Э
Е
а
Т
Е
З
>
Е
Э
>
Е
С
,
р
Т
С
С
Е
Т
Е
Д

У
а
И
а
е
М
Е
й
М
а
Т
е
Т
К
а
У
С
Е
У
К
М
Е
э
Т
С
М
С
Т
Е
С
И
Е
Е
К
И
С
У
Е
з
Е
Е
.У

Т
С
И
а
С
С
К
а
З
Е
И
З
С
Е
Я
Л
Е
Н
Н
С
П
С
И
И
К
С
а
Н
К
Я
,
С
С
С
С
Е
Н
Н
С
И
З
И
С
С
И
С
И

С
С
а
Е
е
Т
а
,
С
П
К
С
Е
Е
а
Е
Л
К
е
М
С
М
е
Е
Т
Е
Е
С
С
П
а
:
У
М
е
П
Л
Е
У
е
Е
К
е
К
С
а

Н
Н
а
Н
П
е
с
т
и
е
л
я
,
с
л
у
а
к
с
с
П
а
т
е
н
т
Н
Н
с
л
е
к
т
,
с
л
е
д
е
н
н
е
л
л

е
т
р
а
к
т
д
р
у
г
и
е
.
К
з
Н
е
т
х
о
с
т
о
с
т
а
в
е
т
а
д
е
т
и
с
с
о
с
н
н
у
с
с
н

Т
Е
Т
Е
М
У
Е
Е
С
С
Р
а
Е
Е
а
С
С
К
а
з
е
С
С
К
С
а
Е
е
,
К
С
Т
С
Р
Е
К
Г
Е
д
Г
С
р
е

	Л П С Х Л Е Б К У С В С Е М У П Е Р Е С Р С Д С Т В У .
4. П о н я т и е о Ц ер к в и	
Ц ер к о в ь о т ж е ст	Е е с б х с д и м

вл	с
яе	
тс	п
я	с
с	м
це	с
рк	ч
ов	в
н	
ы	д
м	е
и	т
бо	я
го	м
сл	
у	п
ж	р
ен	е
ия	с
м	д
и.	с
Д	л
ет	е
и	в
в	а
эт	т
о	в
м	
во	у
зр	т
ас	с
те	м
ча	и
ст	т
о	е
тя	л
го	в
тя	н
тс	с
я	с
по	т
се	в
щ	
ен	б
ие	с
м	п
бо	с
го	с
сл	л
у	у
ж	ж
ен	е

и	н
й	и
из	й
—з	,
а	
до	з
лг	н
ог	а
о	к
бе	с
зд	м
ей	я
ст	
ви	и
я	х
и	
не	с
по	
н	п
и	л
м	а
ан	н
ия	с
с	м
м	
ы	с
сл	л
а	у
бо	ж
го	б
сл	н
у	,
ж	
ен	с
ия	
.	с
	б
	п
	к
	м
	с
	м
	н
	с
	л
	с
	м
	т
	с
	п

С
,
р
Т
С
С
Н
И
Е
И
Д
Я
Т
Е
С
Е
Е
Е
М
Я
С
Л
У
З
С
Е
.
И
Л
З
Е
Н
С
Й
З
Е
Г
С
М
С
Л
Е
Н

я
Е
л
я
е
т
с
я
Г
Р
И
Е
л
е
ч
е
Н
И
е
д
е
т
е
й
К
д
е
я
т
е
л
Е
Н
С
М
У
У
ч
а
С
Т
И
Н
Е

С
С
П
С
С
Л
У
У
У
У
Е
Р
К
К
:
Г
Г
В
С
Л
У
У
У
У
К
Е
А
Н
К
Е
,
Г
Е
Н
К
Е
Е
Е
Х
С
Г
Е
,
З
А
С
Л
А
С

Г С Д С Б С ч Н К К а х ,	Г С Д а ч а з а П С С К И Т .
5. П о н я т и е о б о р у ж а ю щ е	Д .

м	
м	
и	
ре	
Ре	С
бе	ч
но	е
к	н
на	в
чи	
на	в
ет	а
бо	ж
ле	н
е	с
со	,
зн	
ат	ч
ел	т
ьн	с
о	б
о	в
щ	
у	в
щ	
ат	э
ь	т
су	с
щ	м
ес	
тв	в
ов	с
ан	з
ие	р
в	а
м	с
ир	т
е	е
зл	
а,	х
ж	р
ес	и
то	с
ко	т
ст	и
и,	а
не	н
сп	с
ра	к
ве	и
дл	й
ив	

ос	в
ти	с
, и	с
эт	г
о	и
и	т
но	а
гд	т
а	е
ко	л
ле	в
бл	
ет	г
ег	с
о	м
де	с
тс	п
ку	
ю	р
ве	е
ру	б
,	е
он	н
на	к
чи	у
на	
ет	г
со	р
м	и
не	м
ва	и
ть	р
ся	и
в	т
си	в
ле	
до	в
бр	
а.	с
О	в
н	с
ув	е
ле	м
ка	
ет	м
ся	и
по	р
лу	с
ча	в
е	с
м	з
ы	з

М	Р
и	Е
в	Н
ш	И
ко	И
ле	
св	«
ед	Н
ен	а
ия	У
м	к
и	у
по	»
ес	
те	И
ст	
во	«
зн	Р
ан	Е
и	л
ю,	И
по	г
ис	И
то	Н
ри	»
и	
ра	в
зв	
ит	д
ия	с
на	с
ш	т
ег	у
о	п
м	н
ир	с
а,	й
и	
ча	И
ст	
о	п
не	Р
зн	с
ае	с
т,	т
ка	с
к	й
ув	
яз	с
ат	с
ь	Р
эт	М

о	е
со	.
св	
ои	С
м	л
и	е
де	д
тс	у
ки	е
м	т
и	
пр	с
ед	б
ст	т
ав	я
ле	с
н	н
ия	к
м	т
и	в
о	,
Б	
ог	ч
е	т
ка	с
к	
Т	с
во	б
рц	е
е	р
и	а
П	
ро	р
м	е
ы	л
сл	к
ит	п
ел	к
е	с
	з
	н
	с
	п
	с
	з
	н
	а
	н
	к
	я

Г
Т
С
П
С
Н
Н
а
Н
Н
С
С
С
Н
Т
Н
Н
,
а
С
С
С
Н
а
Н
а
У
Н
Н
—
С
Н
С
Н
С
У
С
Н
Н

И
С
П
С
З
Д
а
Л
р
е
Л
С
Е
К
а
С
Е
С
С
Д
Н
Е
М
,
а
Н
е
П
С
С
Т
С
М
,
К
П
С
Э
Т
С

М
У
Е
С
З
М
С
У
Н
Е
Е
З
Л
Е
Е
Д
Е
Й
С
Т
Е
И
Я
.
М
С
У
Н
С
Н
А
П
Р
К
М
Е
Р
Е
С
Т
Р
А
Д
А
Н
И

И
В
С
М
Е
Р
Т
И
В
И
С
У
С
А
М
П
Р
С
Т
А
И
С
К
А
З
А
Т
Е
В
С
К
У
Г
И
Т
Е
С
Л
Е
Н
И
Е
У
Р
,
И
Е
Л

	И Т Е Л Ь Н У Н С К Л У С Т Р А Д А Н И Я .
6. Понятие о Божестве	
Детское представление о Божестве на христианских	Эта часть христианского вероучения посвящена описанию Божества на христианских

ет	п
от	с
хо	
д	в
ит	с
ь	с
от	п
об	к
ра	т
за	а
,	н
со	к
зд	я
ан	
но	в
го	
ре	э
ал	т
ис	с
ти	м
че	
ск	в
и	с
м	з
во	р
об	а
ра	с
ж	т
ен	е
ие	
м	-
ра	
н	п
не	с
го	м
де	с
тс	ч
тв	в
а.	
И	д
х	е
м	т
ы	я
сл	м
и	
о	с
Б	п
ог	у
е	т
ча	к
ст	т
о	в

до	
во	б
ль	л
но	и
пр	з
и	с
м	с
ит	т
ив	в
н	
ы	в
и	с
ра	п
ц	а
ио	
на	в
ли	
ст	и
ич	х
н	
ы.	с
О	с
н	б
и	с
бе	т
з	в
тр	е
уд	н
а	н
пр	с
из	й
на	,
ю	
т	л
су	и
щ	ч
ес	н
тв	с
ов	й
ан	
ие	ж
Б	и
ог	з
а	н
ка	и
к	.
Т	
во	с
рц	н
а	и
и	
В	с

ла	г
д	с
ы	с
ки	с
м	б
ир	н
а,	в
но	
и	в
м	с
тр	с
уд	г
но	р
по	и
чу	н
вс	и
тв	м
ов	а
ат	т
ь	в
пр	
ис	б
ут	с
ст	л
ви	е
е	е
Б	
ог	с
а	с
в	з
св	н
ое	а
й	т
ли	е
чн	л
ой	н
ж	н
из	с
н	
и,	г
по	р
чу	и
вс	т
тв	ч
ов	и
ат	
ь	и
св	
ое	г
ли	с
чн	в
ое	е

от	с
но	т
ш	в
ен	с
ие	в
к	а
Б	н
ог	и
у.	я
В	
по	Е
ве	с
ст	в
во	с
ва	г
н	с
ия	
х	Э
о	а
чу	в
де	е
са	т
х	а
их	,
об	
ы	к
чн	с
о	т
и	с
нт	р
ер	в
ес	е
уе	
т	д
вн	а
е	н
ш	т
ня	
я	и
ст	м
ор	
он	г
а	с
—	ч
ка	у
к	в
и	с
м	т
ен	в
но	с
б	в
ы	а

ло	т
со	н
ве	
р	с
ш	л
ен	и
о	з
чу	с
до	с
	т
	н
	н
	с
	г
	а
	:
	н
	а
	г
	с
	г
	н
	у
	н
	г
	н
	с
	г
	с
	н
	е
	д
	н
	,
	н
	г
	н
	с
	г
	с
	н
	д
	е
	т
	н

У
Р
Е
С
И
Е
Н
И
Е
С
У
Р
И
,
К
С
И
Е
Л
Е
Н
К
Я
,
П
Р
И
Т
У
С
С
Е
Л
Е
Н
И
Е
Н
И
Е
С
И

	и е д р у п к е .
7. М о л и тв а	
О тн о ш ен ие к м ол ит ве ко ле бл ет ся м е ж ду со бл ю де н ие м пр ав ил а, пр ед п	С н с в н а я з а д а ч а х р и с т и а н с к с п с в е с п и

ис	и
ан	т
но	а
го	т
вз	е
ро	л
сл	я
ы	
м	—
и,	
и	у
ве	г
ро	л
й	у
в	б
м	и
аг	т
ич	е
ес	
ку	г
ю	с
си	н
лу	и
м	м
ол	а
ит	н
в	и
ы	е
дл	
я	с
ис	м
по	е
лн	с
ен	л
ия	а
ж	
ел	м
ан	с
и	л
й.	и
Б	т
ол	е
ее	н
со	
зн	к
ат	а
ел	к
ьн	
ы	с
е	б
де	р
ти	а

на	л
чи	е
на	н
ю	и
т	я
по	
н	к
и	
м	н
ат	с
ь,	г
чт	у
о	.
не	
о	н
вс	е
ех	с
св	б
ои	х
х	с
ж	д
ел	и
ан	м
ия	с
х	
м	н
о	н
ж	и
но	м
пр	а
ос	т
ит	е
ь	л
Б	н
ог	н
а,	с
Х	,
от	
я	с
бо	с
ль	
ш	н
и	н
нс	с
тв	ж
о	е
пр	с
ав	т
ос	е
ла	с
вн	н
ы	

х	г
де	р
те	и
й	м
в	е
эт	р
о	с
м	в
во	
зр	и
ас	з
те	
пр	ж
ич	и
а	з
щ	н
а	и
ю	
тс	и
я	
и	г
ис	р
по	и
ве	с
ду	л
ю	у
тс	п
я,	и
он	в
и	а
е	я
щ	с
е	н
м	
ал	к
о	
по	в
н	с
и	г
м	р
а	с
ю	с
т	а
с	м
м	
ы	д
сл	е
та	т
и	е
нс	й
тв	,
.	

Р
а
з
с
о
т
р
а
т
н
г
р
с
л
е
н
и
я
м
с
л
у
т
е
н
п
с
г
с
д
н
е
й
т
с
т
е
н
а
л
»
·
И

С
С
С
Х
С
Д
И
М
С
С
Г
С
М
С
П
Е
Р
Т
а
К
И
Х
Г
Р
К
Т
р
,
К
а
К
Г
Р
К
Т
р
С
М
Е
Т
а
Р
С

К
С
а
Р
и
С
е
е
К
С
Б
Л
У
Д
Н
С
М
С
Е
Н
е
,
У
П
Л
У
С
К
П
Е
Д
е
Т
С
К
С
е
П
С
Н
К
М
а

Н
К
С
Г
С
К
З
Я
Н
Н
С
Й
М
С
Л
К
Т
Е
Е
.
Н
С
С
С
Х
С
Д
К
М
С
С
С
Р
Я
С
Н
К
Т
Е
С
М
Н
С
Л
Л
З

К
Р
С
Т
Е
,
К
С
Т
Р
У
К
Т
У
Р
А
С
Т
Р
А
Н
И
Ц
Ы
У
Ч
Е
Б
Н
О
Й
П
Р
О
Г
Р
А
М
М
Е
П
О
С
Л
О
В
Н
И
К
У
Ч
Е
Б
Н
О
Й
П
Р
О
Г
Р
А
М
М
Е

	И И С Г С Е Е Д И .
8. П о н и м а н и е с и м в о л и з м а	
Д е т и э т о г о в о з р а с т а с п о с о б н ы п о н и м а т ь с и м в о л и	Д е т я м д с с т у г н с с б т я с н е н и е

че	
ск	с
и	и
й	м
с	е
м	с
ы	л
сл	к
пр	к
ит	и
ч,	
ес	е
ли	
ре	т
чь	е
и	х
де	
т	т
о	а
до	и
ст	н
уп	с
н	т
ы	е
х	а
и	х
м	,
пе	
ре	к
ж	
ив	к
ан	с
ия	т
х.	с
М	р
ог	е
ут	м
он	
и	с
по	н
ня	и
ть	
и	п
то	р
,	к
чт	с
о	т
ра	у
сс	г
ка	а
з	н
о	т

ко .	
м	
-т	д
о	с
др	с
уг	т
о	у
м	г
м	н
о	с
ж	
ет	и
и	
м	с
ет	б
ь	т
от	я
но	с
ш	н
ен	е
ие	н
к	и
н	е
и	
м	с
са	и
м	м
и	в
м.	с
	л
	и
	ч
	е
	с
	к
	с
	п
	с
	с
	м
	н
	с
	л
	а
	п
	н
	к
	т
	ч
	.

9.	
Н	
р	
ав	
ст	
ве	
н	
н	
ы	
е	
п	
о	
н	
ят	
и	
я	
Д	Д
ет	е
и	т
эт	и
ог	
о	л
во	е
зр	г
ас	к
та	с
хо	
ро	у
ш	с
о	в
зн	а
ак	и
о	в
м	а
ы	н
с	т
пр	,
ав	
ил	ч
а	т
м	с
и	
по	е
ве	с
де	т
н	н
ия	
ка	з
к	а
в	к
до	с
м	н

а	н
ш	
не	и
й	
ж	г
из	р
н	а
и,	в
та	и
к	л
и	а
в	
ш	г
ко	с
ль	в
но	е
й,	д
и	е
пр	н
из	и
на	я
ю	,
т	
их	д
об	а
яз	н
ат	н
ел	в
ьн	е
ос	
ть	н
.	а
П	м
он	
ят	в
ие	с
о	г
сп	с
ра	м
ве	.
дл	
ив	в
ос	н
ти	т
до	е
во	р
ль	е
но	с
пр	у
и	н
м	т
ит	

ив	и
но	х
е	
и	и
да	
ж	п
е	р
ж	а
ес	в
то	и
ко	л
е.	а
О	
н	п
и	с
вс	в
ё	е
е	д
щ	е
е	н
эг	и
оц	я
ен	
тр	в
ич	
н	х
ы,	р
но	а
в	м
н	е
их	,
пр	
ос	с
ы	в
па	с
ет	е
ся	п
сп	с
ос	
об	р
но	с
ст	д
ь	а
пр	
из	«
на	л
ва	е
ть	р
се	к
бя	с
ви	в
но	н

ва	с
т	п
ы	с
м,	
ис	э
п	т
ы	и
т	к
ы	е
ва	т
ть	а
чу	»
вс	.
тв	
о	э
ра	т
ск	с
ая	
н	д
ия	е
,	т
со	с
чу	к
вс	с
тв	е
ие	
к	п
др	с
уг	н
о	и
м	м
у.	а
Зл	н
о	и
вс	е
е	
е	«
щ	з
е	а
оц	к
ен	с
ив	н
ае	н
тс	с
я	с
гл	т
ав	и
н	»
ы	
м	с
об	л
ра	е

зо	д
м	у
ка	е
к	т
м	
ат	у
ер	п
иа	л
ль	у
н	с
ы	к
й	т
у	в
щ	,
ер	
б,	ч
а	т
зн	с
ач	б
ен	в
ие	
пр	с
ос	н
ту	и
пк	
а	у
оп	с
ре	в
де	с
ля	и
ет	л
ся	к
ст	
еп	с
ен	с
ь	н
ю	с
по	в
ри	н
ца	с
н	й
ия	
ил	з
и	а
на	к
ка	с
за	н
н	
ия	л
.	н
	с
	в

И
К
Е
С
П
У
И
К
Л
Н
Д
Я
М
К
а
К
С
С
Н
С
Е
У
Н
а
Е
С
Т
Е
С
Н
С
К
й
а
И
З
Н
И
,
Н
С

П
Р
С
С
Т
С
К
З
Л
а
П
а
я
Э
Т
С
Р
а
С
Л
С
Е
а
х
,
а
П
Р
К
С
Е
П
а
я
К
Е
С
З
М
С
Л
Е
С

	Б С Л Н П Е М У У Ч К С Л У П Р К М Е Р С Е .
10	
Историческое значение	
У де те й эт ог о во зр ас та го	Д е т я м д с с т у п

ра	н
зд	с
о	
лу	с
ч	б
ш	п
е	е
ра	е
зв	
ит	п
о	с
чу	н
вс	я
тв	т
о	и
по	е
сл	
ед	с
ов	
ат	с
ел	м
ьн	н
ос	с
ти	л
со	е
б	
ы	и
ти	с
й	т
и	с
чу	р
вс	и
тв	и
о	
вр	—
е	
м	с
ен	с
и.	т
Б	в
ол	с
ь	р
ш	е
у	н
ю	и
ро	е
ль	
иг	м
ра	и
ет	р
ж	а
ел	,

ан	г
ие	р
зн	е
ат	х
ь:	с
«	п
П	а
ра	д
вд	е
а	н
ли	и
эт	е
о	л
та	н
к	д
б	е
ы	й
ло	,
?»	с
В	ж
де	и
тя	д
х	а
пр	н
ос	и
ы	е
па	с
ет	н
ся	т
и	е
нт	л
ер	я
ес	,
к	Б
да	с
вн	ж
о	д
пр	е
о	с
ш	т
ед	е
ш	н
е	б
м	с
у	о
вр	с
е	т
м	е
ен	н
и,	с
гл	о
ав	И

Н	И
Ы	С
М	У
Об	С
ра	а
зо	
м	У
к	Р
вн	и
е	с
ш	т
н	а
и	,
м	
по	г
др	р
об	е
но	д
ст	с
я	т
м.	а
	Е
	л
	е
	н
	и
	е
	с
	к
	с
	н
	п
	е
	м
	и
	Р
	а
	—
	н
	с
	Е
	е
	с
	н
	л
	а

Г
С
Е
Е
Т
Х
Н
С
С
Т
Н
С
.
С
а
Т
С
К
Н
Т
Е
Р
Е
С
У
Н
Т
К
Х
Р
а
З
Л
К
р
Н
Е
Е
а
Р
Х
Е
С
Л
С
И

К
С
Е
С
К
И
Е
Г
С
Д
Р
С
С
Н
С
С
Т
К
,
С
Е
Я
З
А
Н
Н
Е
Е
С
Г
А
С
С
К
А
З
А
М
К
К
З
С
Е
Я
Л
Е

Н Н С Г С П К С а Н К я .

Д ет и ст а р ш ег о во зр ас та (1 1, 12 и 13 ле т)	Э та п ы р аз в и т и я м ы ш ле	К е л к и и с з н с - п е д а
---	--	---

Н	П
И	С
Я	П
	Е
	С
	Е
	И
	М
	С
	Т
	С
	П
	И
	С
	У
	,
	У
	С
	Е
	С
	Е
	С
	С
	М
	Е
	К
	Е
	С
	Э
	Т
	С
	М
	У
	П
	С
	Е
	Е
	С
	Е
	С
	Е
	С
	Е

	И Т Я
1. С е м ь я	
У си ли ва ет ся кр ит ич ес ко е от но ш ен ие к ро д ит ел я м, пр ед ш ес тв у ю щ ее «б ун ту » по др ос тк	Д е т я м э т с п с в з р а с т а в с н м а п с л е з н с з н а к с

ОВ	М
,	И
НО	Т
ВС	Е
е	С
е	Я
Щ	
е	С
СО	
ХР	Р
АН	А
ЯЕ	С
ТС	С
Я	К
ПО	А
ЧТ	З
И	А
Ф	М
АН	И
АТ	
ИЧ	И
ЕС	З
КА	
Я	Е
ЛО	Е
ЯЛ	Т
ЬН	Х
ОС	С
ТЬ	Г
ПО	С
ОТ	
НО	И
Ш	
ЕН	Е
И	С
Ю	Е
К	С
СЕ	Г
М	С
ЕЙ	
Н	Э
Ы	А
М	Е
ПР	Е
ИВ	Т
Ы	А
ЧК	
А	И
М	
И	Ж
М	И
НЕ	Т

н	и
ия	й
м.	
д	с
ет	е
и	я
вс	т
е	н
е	х
щ	,
е	
ну	е
ж	
да	к
ю	с
тс	т
я	с
в	р
нр	е
ав	х
ст	
ве	г
н	с
но	д
й	н
по	и
дд	м
ер	а
ж	е
ке	т
се	с
м	я
би	
.	е
	с
	г
	р
	с
	с
	с
	е
	м
	е
	й
	н
	е
	х
	к
	с
	н

С
Л
И
Т
О
Е
,
К
А
К
,
И
А
П
Р
И
М
Е
Р
,
К
О
Р
О
Л
И
Т
И
Ц
О
В
О
Е
С
О
П
Р
А
Т
И
В
Н
О
Е
,

Р
С
Л
Е
С
Т
А
Р
П
И
Е
П
С
С
Н
Н
А
В
Г
Р
И
Т
Ч
Е
С
С
Л
У
Д
Н
С
М
С
Б
Н
Е
И
Д
Р
.
,
П
Р

е
н
с
н
в
а
е
т
р
а
с
с
к
а
з
с
д
в
е
н
а
д
и
а
т
в
л
е
т
н
е
м
с
т
р
с
к
е
в
л
к
с
у
с
е
в

Х
р
а
м
е
,
Б
р
с
т
р
о
м
и
н
с
т
р
у
к
ц
я
с
о
б
р
а
з
о
в
а
н
и
я
и
в
ос
т
а
н
о
в
л
е
н
и
я
с
о
в
р
е
н
и
я
с
о
в
р
е
н
и
я

	Л а н к и Л а т е р н к и К с к о у .
2. Представление о своей личностности	
С оз на н ие са м ог о се	Е т с м е с з

бя	р
ка	а
к	с
ли	т
чн	е
ос	
ти	м
ус	с
ил	ж
ив	н
ае	с
тс	
я.	п
Д	с
ет	з
и	н
гл	а
уб	к
ж	с
е	м
о	и
щ	т
у	в
щ	
а	д
ю	е
т	т
ра	е
до	й
ст	
ь,	с
ус	
пе	б
х,	с
не	л
уд	е
ач	е
и,	
ра	п
зо	л
ча	у
ро	б
ва	с
н	к
ия	и
.	м
Ра	
зл	с
ич	м
н	в
ы	с
х	л

зн	с
ан	м
и	
й	т
и	е
св	х
ед	
ен	с
и	с
й	с
у	в
н	т
их	и
на	й
ко	
п	с
ил	в
ос	я
ь	ц
м	е
но	н
го	н
,	с
но	й
м	
ы	к
ш	с
ле	т
н	с
ие	р
вс	и
е	и
е	,
щ	
е	к
до	с
во	т
ль	с
но	р
по	в
ве	е
рх	
но	с
ст	н
но	и
е,	
и	д
эт	с
о	
ча	с
ст	и
о	х

пр	
ив	г
од	с
ит	р
их	
к	з
ле	н
гк	а
о	л
м	и
ы	,
сл	
ен	к
но	а
м	к
у	,
ра	
ц	н
ио	а
на	п
ли	р
зм	и
у	м
и	е
от	р
ри	,
ца	
н	р
и	а
ю	с
то	с
го	к
,	а
во	з
чт	н
о	
он	с
и	
ве	д
ри	с
ли	п
в	м
бо	а
ле	т
е	е
ра	
н	с
не	в
м	я
де	т
тс	с
тв	й

е,	Т
к	р
на	р
с	с
м	и
е	п
ш	в
ли,	,
во	
м	с
у	
от	с
но	м
ш	в
ен	с
и	л
ю	е
ко	
м	и
но	с
го	к
м	у
у.	п
О	л
н	е
и	н
сп	и
ос	я
об,	,
н	
ы	с
ус	
ва	п
ив	а
ат	р
ь	с
ло	т
ги	е
че	е
ск	
ие	Е
об	с
ья	ж
сн	и
ен	е
ия	м
и	,
в	
ы	с
во	
д	ж
ы,	и

ес	з
ли	н
он	и
и	
до	г
ст	с
ат	с
оч	л
но	е
ко	
нк	с
ре	м
тн	е
ы.	р
	т
	и
	.
	н
	е
	с
	б
	х
	с
	д
	к
	м
	с
	п
	с
	т
	а
	р
	а
	т
	е
	с
	я
	у
	п
	л
	у
	б
	и
	т
	е
	х
	р

К
С
Т
В
а
Н
С
К
С
Е
Г
С
Н
К
М
а
Н
К
Е
К
Х
С
Т
Н
С
Л
Е
Н
К
Й
С
Д
Б
У
П
И
М
К
—
Д
Б
У
Ж
С
Е

,
С
Т
Е
С
Т
С
Т
Е
С
Е
Н
Н
С
С
Т
И
(
П
Р
К
Т
р
а
С
Т
а
Л
а
Н
Т
а
х
)
,
С
С
р
У
Е
С
Т
Е
Н
С
Я
,
П

С
С
Л
У
Л
а
н
к
я
.
И
а
з
С
С
П
И
а
г
С
П
С
К
И
Г
Е
С
П
С
Е
Д
К
С
Г
П
К
М
Е
П
а
М
К
К
З

	С С Е Р Е М Е Н Н С Й У И З Н И М С У Е Т Г Р И Н Е С Т К С С Л Е Д И У Р И С С Л Е З У .
3. О Т Н	

о	
ш	
ен	
ие	
к	
о	
к	
р	
у	
ж	
а	
ю	
щ	
ей	
ср	
ед	
е	
В	В
ли	
ян	э
ие	т
ш	с
ко	т
ль	
но	г
й	е
ср	р
ед	и
ы	с
ве	д
сь	
м	с
а	с
си	с
ль	б
но	е
,	н
но	н
на	с
м	
еч	у
ае	с
тс	и
я	л
пр	и
оц	в
ес	а
с	е
«о	т
тб	с
ор	я
а»	

.	Р
«с	а
во	з
я	д
ко	Р
м	с
па	б
н	л
ия	е
»,	н
м	н
не	с
н	с
ие	т
ко	н
то	
ро	с
й	с
ос	з
об	н
ен	а
но	н
ав	и
то	я
ри	
те	д
тн	е
о.	т
Д	е
ев	й
оч	
ки	м
на	е
чи	ж
на	д
ю	у
т	
и	с
нт	б
ер	л
ес	а
ов	с
ат	т
ьс	н
я	н
м	
ал	в
ьч	е
ик	Р
а	н
м	
и,	и

но	
м	ж
ал	и
ьч	з
ик	н
и	и
пр	.
ед	
по	Е
чи	с
та	с
ю	г
т	и
об	т
щ	а
ес	т
тв	е
о	л
м	н
ал	
ьч	г
ик	р
ов	и
.	з
Ж	в
ив	а
ой	н
и	
нт	г
ер	р
ес	с
к	б
по	у
ве	ж
де	д
н	а
и	т
ю	н
м	
ол	в
од	
е	н
ж	и
и	х
ст	
ар	ч
ш	у
ег	в
о	с
во	т
зр	в
ас	с

та	
и	х
ст	р
ре	и
м	с
ле	т
н	и
ие	а
по	н
др	с
а	к
ж	с
ат	й
ь	
и	с
м.	т
	е
	с
	т
	с
	т
	е
	с
	н
	н
	с
	с
	т
	к
	е
	с
	т
	н
	с
	п
	с
	е
	н
	к
	я
	х
	с
	с
	к
	р
	у
	ж
	а
	н

И
е
й
с
р
е
д
с
й
,
с
е
е
р
с
т
н
к
к
а
м
и
к
е
з
р
с
л
е
н
и
к
.
С
л
е
д
у
е
т
с
д
е
л
а
т

Б
З
К
Л
С
Н
Т
Н
З
З
Н
З
р
С
Н
К
К
Н
Б
Б
С
С
П
З
—
Н
З
Н
С
С
С
Х
С
Д
В
М
С
С
Т
К
С
З
М
С
М

У
Д
Е
Л
А
Т
Н
Е
Н
С
О
Р
Т
.
С
Э
Т
С
К
Т
С
Ч
К
И
Э
Р
Е
Н
И
Я
С
Л
Е
Д
У
Е
Т
Г
С
Л
Е
С
Е
С
М

У
р
а
с
с
м
с
т
р
е
т
е
д
а
е
н
с
к
з
е
с
т
н
е
с
г
т
к
т
р
к
,
к
а
к
,
н
а
г
т
к
н
е
т
,

Г
Р
У
У
С
М
Л
С
С
Е
Р
Д
Н
С
М
С
а
М
а
Р
я
Н
И
Н
Е
.
М
С
Р
С
Н
С
Г
Р
Е
Д
С
С
Л
а
Б
И
Т

Б
Д
С
Т
Я
М
Б
С
З
М
С
Х
Н
С
С
Т
Б
Г
Р
К
В
Е
С
С
Т
К
В
А
Н
А
Л
С
Г
К
С
Н
Б
С
Г
Р
К
М
С
Т
Б
К
С

	С С В Р Е М Е Н Н С Й Ж И З Н И .
4. П о н я т и е о Ц ер к в и	
Х от я де ти эт ог о во зр ас та не ск ол ьк о гл уб ж е по	Е э т с м в с з р а с т е с л е д у е

н	т
и	г
м	с
а	м
ю	с
т	ч
с	н
м	н
ы	д
сл	е
бо	т
го	я
сл	м
у	ж
ж	н
ен	г
ия	р
,	с
от	д
но	у
ш	м
ен	а
ие	т
к	н
Ц	с
ер	м
кв	н
и	с
ос	л
та	х
ет	р
ся	и
до	с
во	т
ль	и
но	а
по	н
ве	с
рх	н
но	с
ст	к
н	с
ы	й
м,	ж
П	и
ос	з
е	н
щ	и
ен	и
ие	.
хр	д
а	

м	л
а	я
ка	
ж	б
ет	с
ся	л
ск	е
уч	е
но	
й	п
об	л
яз	у
ан	б
но	с
ст	к
ь	с
ю,	п
ко	с
то	
ра	п
я	с
ис	н
по	и
лн	м
яе	а
тс	н
я	и
ох	я
от	
но	с
,	л
то	е
ль	д
ко	у
ес	е
ли	т
он	
и	п
пр	с
и	р
н	а
и	з
м	м
а	в
ю	л
т	л
ка	я
ко	т
е-	в
н	
и	н
бу	а

дѣ	д
уч	
ас	с
ти	м
е	ѣ
в	с
сл	л
у	с
ж	м
бе	
—	т
пр	а
ис	и
лу	н
ж	с
ив	т
а	ѣ
ю	.
т,	ч
по	т
ю	с
т	
и	з
т.	н
д.	а
Б	ч
ол	и
ь	т
ш	
ое	ѣ
зн	
ач	м
ен	с
ие	ѣ
пр	и
ио	
бр	ѣ
ет	ж
а	ѣ
ю	д
т	н
др	ѣ
уз	ѣ
ья	н
—с	с
ве	и
рс	
тн	ж
ик	и
и	з
в	н

хр	и
а	,
м	
е.	г
Д	Р
ет	и
и	ч
яс	а
не	п
е	е
со	н
зн	и
а	е
ю	
т	С
пр	в
от	я
ив	т
ор	в
еч	х
ия	
м	Т
е	а
ж	й
ду	н
хр	?
ис	
ти	С
ан	т
ск	С
и	
м	з
це	н
рк	а
ов	ч
н	и
ы	т
м	
м	г
ир	С
ов	к
оз	а
зр	я
ен	н
ие	и
м	е
и	?
вз	
гл	Е
яд	
а	ч
м	е

и,	М
ца	
ря	С
щ	М
и	Б
м	С
и	Л
в	
ок	К
ру	Р
ж	Е
а	Ц
ю	Е
щ	Н
е	И
м	Я
об	?
щ	
ес	Н
тв	Е
е,	Д
и	С
ст	С
ар	Т
а	А
ю	Т
тс	С
я	Ч
об	Н
ре	С
ст	
и	З
уд	Н
ов	А
ле	Т
тв	Н
ор	
ит	С
ел	Б
ьн	Р
ы	Я
е	Д
от	,
ве	
т	В
ы.	А
Т	Ж
еп	Н
ер	С
ь	
в	П
их	С

вн	н
ут	и
ре	м
н	а
не	т
м	в
м	
ир	з
е	н
во	а
ца	ч
ря	е
ет	н
ся	и
ра	е
зд	
ел	т
ен	а
но	и
ст	н
ь,	с
дв	т
ой	в
ст	а
ве	
н	в
но	
ст	с
ь:	с
то	б
,	с
чт	т
о	в
м	е
ы	н
го	н
во	с
ри	й
м,	
ду	ж
м	и
ае	з
м	н
и	и
ве	.
ри	
м	н
в	а
хр	ж
а	н
м	с
е,	,

—	ч
од	т
но	с
, а	б
то	в
,	е
чт	с
о	с
м	с
ы	с
ду	у
м	п
ае	е
м	с
и	т
де	в
ла	с
е	в
м	а
в	л
«н	и
ас	р
то	а
я	з
щ	л
ей	и
ж	ч
из	н
н	в
и»	е
,	с
—	б
др	с
уг	р
ое	м
.	в
	с
	б
	п
	е
	н
	и
	я
	д
	е
	т
	е
	й
	:

	Г С Е З Д К К ,
	Г а л С М Н И р е С Т Е а ,
	Г С С Е П Е Н И я
	Д Г У Г И Х
	Г Р К Х С Д С Е .

5.	
П	
о	
н	
я	
т	
и	
е	
об	
о	
к	
р	
у	
ж	
а	
ю	
щ	
е	
м	
м	
и	
ре	
Д	С
ет	с
я	н
м	с
эт	в
ог	н
о	а
во	я
зр	
ас	з
та	а
тр	д
уд	а
но	ч
пр	а
и	
м	э
ир	т
ит	с
ь	п
хр	с
ис	
ти	п
ан	е
ск	р
ое	и
по	с
н	д
и	а
м	
ан	п
ие	с

м	к
ир	а
оз	з
да	а
н	т
ия	в
,	
ве	д
ру	е
в	т
Б	я
ог	м
а-	,
Т	
во	ч
рц	т
а	с
и	
бл	с
аг	б
ой	т
Б	е
о	к
ж	т
и	и
й	в
пр	н
о	с
м	е
ы	,
се	
л	к
с	р
те	и
м,	т
чт	и
о	ч
он	е
и	с
уз	к
на	с
ю	е
т	
о	м
ж	в
из	п
н	л
и	е
из	н
ок	и
ру	е
ж	

а	с
ю	с
щ	в
ег	м
о	е
их	с
м	т
ир	к
а.	м
С	с
об	с
ст	с
ве	
н	в
н	е
ы	р
е	с
на	й
ив	,
н	
ы	н
е,	е
не	
ск	п
ол	р
ьк	с
о	т
ск	к
аз	в
оч	с
н	р
ы	е
е	ч
пр	и
ед	т
ст	
ав	е
ле	й
н	.
ия	
их	д
бо	е
ль	т
ш	я
е	м
не	
уд	н
ов	е
ле	с
тв	б
ор	х
я	с

ю	д
т.	и
Е	м
сл	с
и	
по	п
лу	р
ча	е
е	п
м	с
ое	д
и	а
м	т
и	в
ре	
ли	т
ги	е
оз	п
но	е
е	р
во	в
сп	
ит	п
ан	с
ие	н
не	я
по	т
м	и
о	я
ж	
ет	с
и	
м	х
ос	р
во	и
ит	с
ь	т
«е	и
д	а
и	н
нс	с
тв	к
о	с
м	м
ир	
ов	в
оз	е
зр	р
ен	с
ия	у
»,	ч
он	е

и	н
ос	и
та	и
ну,	
тс	
я	д
по	а
д	т
вл	н
ия	
н	с
ие	т
м	в
пр	е
и	т
ня	н
то	
й	н
в	а
на	
ш	с
е	л
м	е
м	д
ир	у
е	н
дв	п
ой	и
ст	е
ве	
н	в
но	с
ст	п
и,	р
а	с
эт	с
о	в
ве	:
де	
т	н
к	а
кр	к
ит	
ич	м
ес	н
ко	
м	у
у	з
от	н
но	а
ш	е
ен	н

и	
ю	с
к	
ре	Е
ли	с
ги	п
и,	е
та	?
к	
ча	ч
ст	т
о	с
пр	
оя	т
вл	а
я	к
ю	с
щ	е
е	
м	с
ус	в
я	я
в	п
сл	е
ед	н
у	н
ю	с
щ	е
е	
м	п
пе	и
ри	с
од	а
е.	н
	и
	е
	?
	Е
	а
	к
	с
	н
	с
	с
	с
	з
	д
	а
	Е

а
л
с
с
н
з
т
т
с
т
а
к
с
с
е
с
н
я
л
е
н
н
с
е
л
е
д
а
н
и
е
з
т
т
с
т
а
к
с
с
е
л
е
н
н
с
с

Е
Е
З
Е
р
е
М
С
С
С
Т
С
К
Т
С
Е
С
С
С
Д
а
р
е
Л
С
Е
е
К
а
?
Е
а
К
М
Е
С
Л
К
Т
р
е
Л
С
Е

	е к ?
6. Понятие о Божестве	
В	д
эт	е
о	т
м	и
во	
зр	п
ас	с
те	т
де	с
тс	в
ко	в
е	
чи	в
ст	с
ое	с
,	п
на	р
ив	и
но	н
е	и
пр	м
ед	а
ст	т
ав	в
ле	
н	с
ие	с
о	н
Б	с
ог	в
е	н
по	в
ст	е
еп	
ен	и
но	с
и	т
не	и
бе	н

з	в
гр	
уд	б
а	с
за	г
м	с
ен	с
яе	л
тс	с
я	в
бо	и
ле	я
е	
со	и
зн	
ат	в
ел	е
ьн	р
ой	с
и	у
од	ч
ух	е
от	н
во	и
ре	я
н	:
но	
й	г
ве	с
ро	н
й.	я
И	т
но	и
гд	я
а,	
от	с
бр	
ас	в
ы	с
ва	п
я	е
ра	,
н	
н	с
ие	в
пр	я
ед	т
ст	с
ав	й
ле	
н	т
ия	р

о	с
Б	и
ог	п
е	е
и	,
чу	
де	в
сн	и
о	д
м,	и
де	м
ти	с
от	м
ка	
з	и
ы	
ва	н
ю	е
тс	в
я	и
и	д
от	и
са	м
м	с
ой	м
ве	
р	м
ы	и
в	р
Б	е
ог	,
а,	
И	д
ис	с
ус	б
а	р
Х	е
ри	
ст	и
а	
и	з
м	л
те	е
пе	,
рь	
ле	п
гч	р
е	с
пр	я
ед	в
ст	л
ав	е

ля	н
ть	и
се	и
бе	
ка	в
к	с
ис	л
то	и
ри	
че	н
ск	с
ое	ж
ли	и
цо	е
,	й
но	
чу	и
вс	
тв	п
о	р
пр	с
ис	м
ут	в
ст	с
ви	л
я	а
Х	
ри	н
ст	с
а	ж
в	и
их	я
со	.
бс	
тв	д
ен	л
но	я
й	
ж	э
из	т
н	с
и	п
сл	с
аб	
о,	с
та	л
к	е
ж	д
е	у
ка	е
к	т
и	

со	и
зн	с
ан	п
ие	с
св	л
ое	в
го	з
со	с
бс	в
тв	а
ен	т
но	в
го	
от	р
но	а
ш	с
ен	с
ия	к
к	а
Н	з
е	в
м	
у.	и
О	з
н	
и	с
м	в
ог	я
ут	ц
сл	е
ед	н
ит	н
ь	с
за	п
хо	с
до	
м	п
от	и
вл	с
еч	а
ен	н
но	и
й	я
м	
ы	к
сл	а
и,	к
и	
пр	г
ос	р
т	и
ы	н

е	е
бо	р
го	в
сл	
ов	и
ск	
ие	и
об	л
ья	л
сн	н
ен	с
ия	т
и	р
м	а
по	л
ня	и
тн	и
ы	.
и	
и	
нт	
ер	
ес	
н	
ы.	

7.	
М	
о	
л	
и	
тв	
а	

К	П
эт	с
о	в
м	с
у	р
во	и
зр	т
ас	е
ту	
об	с
ы	
чн	л
о	и
пр	ч
ив	н
ы	с
чк	й
а	
м	м

ол	с
ит	л
ьс	и
я	т
в	е
м	е
ес	
те	н
с	а
ро	
д	у
ит	р
ел	с
я	к
м	а
и	х
от	
м	—
ир	
ае	т
т,	р
а	у
ча	д
ст	н
о	с
от	,
м	
ир	н
ае	с
т	
и	т
во	е
об	п
щ	е
е	р
пр	н
ив	
ы	м
чк	с
а	ж
м	н
ол	с
ит	
ьс	б
я	с
ут	л
ро	е
м	е
и	
ве	п
че	л
ро	у

м.	б
Д	с
о	к
из	с
ве	
ст	с
но	б
й	т
ст	я
еп	с
ен	н
и	я
со	т
хр	в
ан	
яе	с
тс	м
я	в
де	с
тс	л
ко	
е	б
от	с
но	п
ш	с
ен	с
ие	л
к	у
м	ж
ол	е
ит	б
ве	н
ка	н
к	х
к	
ср	м
ед	с
ст	л
ву	к
по	т
лу	в
чи	,
ть	
чт	и
о—	х
н	
и	с
бу	т
дь	н
оч	с
ен	ц
ь	€

ж	н
ел	и
ае	е
м	к
ое	к
.	н
С	н
др	а
уг	п
ой	е
ст	й
ор	н
он	е
ы,	ж
де	е
ти	д
гл	н
уб	е
ж	в
е	н
по	с
н	й
и	н
м	ж
а	и
ю	з
т	н
тр	и
уд	.
но	н
ст	л
и	у
ж	ч
из	п
н	е
и	е
и	н
м	п
ог	с
ут	н
со	и
зн	м
ат	а
ел	н
ьн	и
о	е
м	н
ол	б
ит	с
ьс	п
я	с
о	с

по	л
м	у
о	ж
щ	е
и	б
б	н
о	в
ж	х
ие	
й,	м
о	с
то	л
м,	и
чт	т
об	в
ы	
ст	с
ат	б
ь	л
лу	е
ч	п
ш	ч
е	а
са	е
м	т
и	
м,	д
о	е
пр	т
о	я
щ	м
ен	
и	ч
и.	а
	с
	т
	с
	у
	т
	с
	м
	и
	т
	е
	л
	в
	н
	с
	е
	п

С
С
е
л
е
н
и
е
С
С
П
С
л
У
ж
е
н
и
й
.

**8.
П
о
н
и
м
а
н
и
е
с
и
м
в
о
л
и
з
м
а**

Д
ет
и
вп
ол
не
сп
ос
об
н
ы
по
н
и

С
С
т
я
С
н
и
т
С
Р
я

М	д
ат	
ь	и
с	
м	е
ы	н
сл	е
бо	л
го	н
сл	и
у	й
ж	
еб	п
н	с
ы	р
х	я
си	д
м	с
во	к
ло	
в	т
и	а
си	и
м	н
во	с
ли	т
че	в
ск	
их	т
по	е
ве	п
ст	е
во	р
ва	н
н	
и	н
й,	е
чт	д
о	с
м	с
о	т
ж	а
ет	т
пр	с
об	ч
у	н
ж	с
да	.
ть	
их	э
и	а
нт	н

ер	и
ес	м
и	а
ст	я
ав	с
ит	в
ь	
ра	с
зу	
м	д
н	е
ы	т
е	в
во	м
пр	и
ос	,
ы.	
	н
	е
	с
	с
	х
	с
	д
	и
	м
	с
	н
	е
	т
	с
	л
	н
	н
	с
	с
	с
	с
	т
	я
	с
	н
	я
	т
	в
	с
	м
	н
	с

Л
С
С
Р
я
д
а
,
Н
С
И
д
е
л
а
т
е
э
т
с
т
а
к
,
ч
т
с
с
н
с
с
я
с
н
е
н
к
е
к
м
е
л

С
С
Т
Н
С
И
Е
Н
И
Е
К
К
Х
С
С
С
Т
Е
Е
Н
Н
С
Й
,
С
Е
Г
С
Д
Н
Я
Л
Н
Е
Й
Х
И
З
Н
И
Е
С
С

	Е Р Е М Е Н Н Е Х У С Л С Е И Я Х .
9. Н р ав ст ве н н ы е п о н ят и я	
Н ра вс тв ен на я оц ен ка по ст уп ко в вс е	С с н с в н а а я з а д а ч а а р

е	е
щ	л
е	и
в	г
зн	и
ач	с
ит	з
ел	н
ьн	с
ой	п
ст	с
еп	
ен	в
и	с
оп	с
ре	п
де	и
ля	т
ет	а
ся	н
од	и
об	я
ре	
н	—
ие	
м	р
ил	а
и	з
не	в
од	и
об	в
ре	а
н	т
ие	в
м	
ок	в
ру	
ж	д
а	е
ю	т
щ	я
ей	х
ср	
ед	б
ы	с
—	л
то	е
ва	е
ри	
щ	п
ей	л
,	у

се	б
м	с
ьи	к
,	с
ро	е
д	п
ит	п
ел	с
ей	н
,	и
но	м
в	а
де	н
тя	и
х	е
по	
ст	с
еп	т
ен	н
но	с
пр	п
об	е
у	н
ж	и
да	й
ет	
ся	с
со	
зн	л
ан	н
ие	д
и	е
по	м
н	и
и	
м	(
ан	р
ие	с
л	д
ю	и
бв	т
и	е
ка	л
к	я
ос	м
но	и
в	,
ы	
нр	т
ав	с
ст	е
ве	а

н	р
но	и
й	п
ж	а
из	м
н	и
и.	,
За	
ко	е
н	з
то	р
ва	с
ри	с
щ	л
ес	е
тв	м
а	и
оч	
ен	и
ь	
си	м
ле	л
н,	а
но	д
и	п
но	и
гд	м
а	и
пр	
ос	д
ы	е
па	т
ет	е
ся	м
ли	и
чн)
ое	
чу	к
вс	а
тв	к
о	
нр	г
ав	р
ст	с
ве	я
н	е
но	л
й	е
от	н
ве	и
тс	я
тв	

ен	х
но	р
ст	и
и,	с
м	т
ог	и
у	а
щ	н
ее	с
и	к
дт	с
и	й
вр	
аз	в
ре	е
з	р
с	в
м	.
не	
н	с
ие	л
м	е
то	д
ва	у
ри	е
щ	т
ей	
.	в
Д	н
ет	у
и	ц
на	а
чи	т
на	в
ю	
т	д
ис	е
п	т
ы	я
т	м
ы	,
ва	
ть	ч
чу	т
вс	с
тв	
о	п
нр	р
ав	е
ст	х
ве	
н	-

но	
го	н
не	е
уд	
ов	г
ле	р
тв	с
ор	с
ен	т
ия	с
со	
бо	н
й	а
и	р
св	у
ои	п
м	е
и	н
по	и
ст	е
уп	
ка	г
м	р
и.	а
Ч	в
ув	и
ст	л
во	а
«н	,
ра	
вс	а
тв	
ен	р
но	а
го	з
вк	р
ус	у
а»	п
в	е
зн	н
ач	и
ит	е
ел	
ьн	с
ой	т
ст	н
еп	с
ен	п
и	е
на	н
хо	и
д	й

ит	
ся	с
по	
д	д
вл	р
ия	у
н	п
ие	к
м	м
пр	и
ог	
ра	л
м	н
м	д
те	н
ле	м
ви	и
де	
н	и
ия	
и	с
ра	
д	н
ио	с
,	г
ж	с
ур	м
на	.
ло	
в	н
и	с
пр	ж
и	н
м	с
ер	
а	р
ст	а
ар	с
ш	с
их	м
по	с
др	т
ос	р
тк	е
ов	т
.	н
Ч	
ув	к
ст	с
во	н
от	с
ве	л

ТС	И
ТВ	К
ЕН	Т
НО	Е
СТ	М
И	М
НЕ	Е
СК	У
ОЛ	Д
ЬК	У
О	
СИ	Л
ЛЬ	Н
НЕ	Д
е.	Е
	М
	И
	И
	З
	С
	Е
	Я
	Л
	Е
	Н
	Н
	С
	П
	С
	П
	И
	С
	А
	Н
	И
	Я
	:
	Н
	А
	П
	Р
	К
	М
	Е
	Р
	,
	С

Т
Н
С
Л
Е
Н
И
Е
С
Е
Н
С
Е
Е
Е
Й
К
Н
С
Н
,
К
С
П
Д
а
С
Н
С
П
Н
я
Н
Е
Л
,
П
а
з
Д
е
Л
е
Н
И
Е

Л
Р
Д
Е
Й
Г
Р
И
С
С
Т
П
С
Й
К
Е
И
А
Е
К
Л
С
И
С
Р
С
Й
С
А
И
Р
К
,
А
К
З
И
С
Е
С
И
С

Э
а
Е
е
Г
а
Г
а
з
С
С
Е
С
Г
Е
е
г
е
Е
И
я
А
Г
С
С
Т
С
Л
а
И
е
Г
Е
а
И
е
Г
С
Г
С
К
а
я

И
К
е
,
П
Р
е
д
а
т
е
л
е
с
т
е
а
И
У
д
е
л
е
е
п
с
с
т
а
я
н
к
е
.
М
е
с
т
о
П
е
л
л
е
н

С
Е
М
С
У
Н
С
П
С
Е
Р
Г
Н
У
Т
Е
В
И
Е
Г
П
С
И
З
Е
С
Д
Е
Н
И
Я
Х
Е
У
С
С
К
С
И
Л
И
Т
Е
П
А

	т у р е .
10 . И ст о р и че ск ое со зн а н ие	
Д ет и эт ог о во зр ас та и нт ер ес у ю тс я пр о ш л ы м, ис то ри ей , ст ар и	Э н н и я с с х р и с т и а н н с р и е с с й в е р е с с в я ц

н	е
н	н
ы	н
м	с
и	м
пр	
ед	п
м	и
ет	с
а	а
м	н
и,	и
ох	и
от	,
но	
со	п
б	е
ир	р
а	к
ю	в
т	и
ко	
лл	м
ек	с
ц	ж
и	н
и,	с
су	
ве	г
н	р
ир	е
ы,	г
по	с
се	д
щ	н
а	с
ю	с
т	и
м	т
уз	в
ей	
,	т
ох	е
от	п
но	е
чи	р
та	в
ю	
т	в
ис	
то	и
ри	х

че	
ск	и
ие	с
ро	т
м	с
ан	р
ы,	и
с	ч
м	е
от	с
ря	к
т	с
пр	й
ог	
ра	с
м	в
м	я
ы	з
на	и
ис	
то	и
ри	
че	п
ск	е
ие	р
те	с
м	п
ы.	е
	к
	т
	и
	в
	е
	.
	т
	е
	м
	н
	е
	м
	е
	н
	е
	е
	,
	н
	е
	с

С
х
с
д
к
м
с
с
с
р
а
п
а
т
н
н
н
к
н
а
н
и
е
д
е
т
е
й
н
а
з
н
а
ч
е
н
и
е
,
к
с
т
с
т
с
е

С
С
С
С
П
а
е
М
Е
е
С
Е
е
Д
е
Н
К
я
К
М
е
Н
Т
Т
е
Г
е
Р
Е
К
Д
Л
Я
Н
К
Х
Л
К
р
Н
С
·
Э

Н
а
н
и
е
с
н
е
р
е
н
е
д
с
л
ж
н
с
б
н
т
н
м
у
з
е
й
н
н
м
.

Подростковый возраст (14, 15 и 16 лет)	
<i>Этапы развития мышления</i>	<i>Религиозно–педагогический материал, усваиваемый на этом уровне развития</i>
1. Семья	
Сильное желание быть независимым, решать все самому, ведет к восстанию против родителей и вообще против авторитета взрослых. Подростки хотят уничтожить ограничения детства и в то же время часто теряются при встрече с новыми явлениями. И все же семья им нужна как убежище, откуда можно уходить в самостоятельную жизнь, но	Желание подростков стать поскорее самостоятельными предоставляет возможность–предложить им взглянуть новыми глазами на веру, на проблемы нравственности и отношений с людьми. Какую бы они хотели иметь семью в будущем? Как они хотели бы воспитывать своих детей и т. д.?

куда можно вернуться в случае беды.	
2. Представление о своей личности	
Интеллектуальное развитие достигает почти полной зрелости. Дети способны к формальному логическому мышлению. Физиологический рост, изменение внешности, резкая разница во внешней зрелости подростков того же возраста, вызывают большую неуверенность в себе, прикрываемую хвастливостью. Половое созревание и новое отношение к лицам другого пола связано с повышенной эмоциональностью. Возникает конфликт между жаждой самостоятельности и потребностью в поддержке и защите, когда трудности слишком велики. Но они способны постигать незнакомое им ранее чувство альтруизма и любви.	Задача воспитателя помочь подросткам проверить свои религиозные убеждения и верования в свете нового и более критического мышления. Пожалуй, самым главным остается умение научить их ставить вопросы — о том, во что они верят и не верят и почему, что самое важное для них в жизни, как они понимают дружбу, любовь и т. д.
3. Отношение к окружающей среде	
Появляется желание получить какой-то статус, значение, признание. Потребность в увеличении доверяемой им ответственности и озлобление за то, что взрослые им не всегда доверяют. Потребность быть «как все» во всех областях поведения, одежды и т. д. Молодежная культура и неодобрение старшего поколения часто доходит до враждебности. Авторитетные заявления взрослых неубедительны и вызывают раздражение.	В этом возрасте можно начать готовить подростков к христианскому пониманию роли и ответственности человека в окружающем обществе. Для этого весьма полезно изучение истории Церкви, жизни ранних христиан и того, какие возникали проблемы в жизни церковного общества, отношений Церкви и государства и т. д. Много материала можно найти в Деяниях Апостолов и в Посланиях.
4. Понятие о Церкви	
Участие в церковной жизни становится более трудным и приобретает большее значение. Подростки склонны искать в храме защиты и утешения, но реагируют на церковные правила как на подавление свободы. Если они сохранили привычку приходить к исповеди, то хороший духовник оказывает большое влияние на их духовный рост.	Участие в церковной жизни помогает подросткам пережить этот период не отходя от Церкви: участие в хоре, в приходской работе, прислуживание в храме. Самое важное для них — влияние хорошего и мудрого духовника, но полезна всякая искренняя дружба с любящим молодежь верующим взрослым. Изучение истории Церкви по темам помогает подросткам лучше понять значение Церкви.
5. Понятие об окружающем мире	
У подростков часто появляется неподдельный скептицизм, и многие в этот период отходят от веры. Они не находят разрешения конфликта между наукой и религией. Школьное преподавание истории отрицательно относится к роли Церкви, а нетерпимость подростков к лицемерию и неискренности заставляет сомневаться в полезности веры знакомых людей.	Очень важно, чтобы молодежь услышала от церковных людей компетентное и объективное изложение «законов науки» и «научного мышления». Подростки легко подмечают слабые места в аргументации недостаточно образованных защитников веры. Там, где это позволяют условия, молодежь легко привлекать к сбору средств и к участию в помощи нуждающимся — старикам, бедным и т. д.

<p>6. Понятие о Боге</p> <p>О Боге подростки склонны думать в более абстрактных терминах, но некоторые из них еще сохраняют детское мировоззрение. Многие перестают думать о религии, еще не отказавшись от нее. В большинстве случаев интерес к собственной жизни, к отношению со сверстниками гораздо сильнее, чем интерес к религии, и они не видят связи одного с другим.</p>	<p>Личную веру и проблемы познания Бога трудно сделать предметом обсуждения в группе молодежи. Проповедей они слушать не любят. Довольно приемлемой формой занятий является ознакомление с интересной биографией, в которой поднимаются спорные вопросы, и обсуждение ее. Главная цель всех занятий — помочь подросткам разобраться в том, что они действительно сами думают, во что они верят и что это для них значит.</p>
<p>7. Молитва</p> <p>Личная молитва, за обязательным ежедневным исполнением которой следят родители, забывается, но молитвы добровольные могут быть искренними и глубокими.</p>	<p>Беседы о молитве с использованием таких книг, как «Записки» отца Александра Ельчанинова и других современных православных богословов, могут принести большую пользу, если участие в группе добровольно.</p>
<p>8. Понимание символизма</p> <p>Религиозная символика в богослужении, текстах и вероучении понимается без труда. Воспринимаемый подростками символизм может благотворно дополнять свойственный этому возрасту рационализм,</p>	<p>Подросткам доступно обсуждение более трудных мест Ветхого Завета и более трудных новозаветных притч о Страшном суде и конце мира. Важно чтобы подростки поняли разницу между «символическим» и «фантастическим».</p>
<p>9. Нравственные понятия</p> <p>Нравственные понятия, вызывавшие одобрение или неодобрение взрослых, теряют цену. Мерки правильного и неправильного, принятые в современном обществе, общепринятая «половая свобода» очень далеки от христианского учения. То, что определялось «приличиями» или «запугиванием», не производит на подростков впечатления.</p>	<p>Самая главная задача всякого воспитателя, работающего с молодежью, помочь найти верные и приемлемые для них критерии нравственности. Современная цивилизация ставит под вопрос почти все нравственные убеждения старших поколений — иногда с некоторым основанием. Христианская нравственность не должна быть «призывом к старому». Подросткам необходимо по крайней мере знать, как христианская вера освещает наше понимание личной жизни человека.</p>
<p>10. Историческое сознание</p>	
<p>Появляется интерес к развитию личности в историческом времени: что думали и чувствовали люди в другие времена? Как влияет на человека жизнь в то или другое историческое время? Что принесет нам будущее развитие человечества? Сознание и обсуждение таких и аналогичных вопросов вполне доступно подросткам.</p>	<p>Подросткам очень важно передать понятие, что и христианство и Церковь живут, что жизнь эта не статична. Поэтому очень полезно всякое изучение исторического процесса в жизни Церкви. Такие темы, как история старообрядчества в Русской Церкви, разделение Церквей, историческое изучение Библии и т. д. могут углубить их понимание христианства и Церкви.</p>